

Дата выхода: 31.05.2021 г.

Студенческий электронный журнал «СТРИЖ»

№ 3(38) 2021

Учредитель:

**Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»**

**Зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство Эл № ФС77- 60273
от 19 декабря 2014 года**

ISSN: 2587-7658

Редакционная коллегия:

Коробченко Т.С. – главный редактор

Караваева А.С. – редактор

Спиридонова О.И. – дизайнер

**strizh@vspu.ru
8 (8442) 60-28-88**

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы отечественной истории

БАХМУТОВА С.Р. Революционерки «Народной воли» до и после 1881 года	4
БАХШАЛЫЕВА Н.С. Берестяные грамоты как источник по истории Великого Новгорода XI–XV вв.	9
БЕЖЕНЦЕВА А.Р. Деятельность учреждений культуры Волгоградской области в середине 1960-х – середине 1980-х гг. (по материалам периодической печати)	14
БЕЖЕНЦЕВА А.Р. Политика памяти по истории Сталинградской битвы в 1943-1970-х гг.	18
БИТЮШКОВА А.А. Серебряные и бронзовые сосуды из среднесарматских погребений Нижнего Поволжья	21
ГАЙНУЛОВА А.Ж. Княжеские уставы XI в. как источник по социально- политической истории Древней Руси	25
ДЕМИДОВА А.В. Повседневная жизнь жителей села Безродного в 1920–1930-е гг.	29
ДУНЯМАЛИЕВА Д.Р. Роль общественных объединений в формировании гражданского общества (на примере Волгоградского региона)	33
ЖИРНОВА А.В. Закон об образовании 1958 г. и его реализация в Сталинградском (Волгоградском) педагогическом институте (по материалам газеты «Учитель»)	37
КАЗЕЕВА М.А. Образ монархической власти в России начала XX в. по визуальным источникам (к постановке проблемы)	41
КАКИЧЕВА Д.В. Особенности формирования студенческих контингентов в вузах Сталинграда в послевоенный период	49
КАРЯКИНА А.Е. Экспериментальная археология и технологическая реконструкция: история развития в научно-практической среде	55
КИРИЛЛОВ Д.А. Основные проблемы новейшей отечественной историографии Февральской революции 1917 года	59
КЛИШИНА Н.Ю. Становление системы социальной защиты детей в России (XVIII – нач. XX вв.)	65
КНЫШ А.Р. Женотделы и их вклад в культурное строительство 1920-х гг. на примере Нижнего Поволжья	69

КОРОТКОВА Т.А. Роль государства и народов республик СССР в восстановлении Сталинграда в 1945–1950 гг.	72
КРЫМОВ А.А. А.С. Чуянов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	75
КУЛАЧКИНА Е.В. Вклад В.П. Шилова в развитие Волгоградской археологии	79
КУЛАЧКИНА Е.В. Организация Куйбышевской археологической экспедиции ИИМК АН СССР	83
ЛОЗИН Д.И. Сталинградский механический институт в 1941–1945 гг.	86
ЛОЗИН Д.И. Социальные условия проживания иностранных специалистов в Сталинграде в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.	91
МАЙБОРОДА Д.А. Советская и германская авиация в Курской битве	95
РОМАНОВА М.С. Отражение реформаторской деятельности Александра II в творчестве российских художников второй половины XIX – начала XX вв.	100
САМАРАЙ Е.П. «Новая женщина» в советском государстве	105
СЕЛИВАНОВА В.Ю. Регентство Софьи Алексеевны: закат старого мира или рождение нового?	109
ТИХОМИРОВА М.М. Народное образование в АССР Немцев Поволжья в 1920-е гг. (на примере Палласовского кантона)	115
ТИХОНОВА А.В. К вопросу о проблематике датирования в современной археологии	118
ТКАЧЕВ Н.С. Понятие «художественная интеллигенция»: происхождение и трактовка	122
ТОЛМАЧЕВА А и праздничной культуры современной России	127
ТОМОВ А.С. Военная реформа А.И. Гучкова	131
ТРЕТЬЯК Д.В. Система социального обеспечения семей нижних чинов армии в царской России в годы Первой Мировой войны	135
ФРОЛОВА Ю.О. Образ послевоенного Сталинграда в почтовых открытках	139
ФРОЛОВА Ю.О. Визуализация восстановленного Сталинграда посредством фото документов и почтовых карточек	150
ШКУРОВА Л.А. Отражение политического развития периода перестройки в периодической печати Волгограда	160
ШОРОХОВА М.А. Ювелирное ремесло древнерусского государства: историографический аспект	165

Актуальные проблемы отечественной истории

УДК 94(47).05

С.Р. БАХМУТОВА

(sveta.bakhmutova@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РЕВОЛЮЦИОНЕРКИ «НАРОДНОЙ ВОЛИ» ДО И ПОСЛЕ 1881 ГОДА*

Статья посвящена развитию революционных настроений среди женщин, их участию в организации «Народная воля» и покушению на императора, а также условиям жизни их на каторге.

Ключевые слова: революционное движение, «Народная воля», каторжанки, Кавказская трагедия, террористическая деятельность.

В XIX в. женщины все чаще стали принимать участие в общественной и политической жизни российского общества. Выражалось это в деятельности кружков и организаций различного характера. Чаще всего женщины Российской империи были приверженками идей радикализма, феминизма.

Распространение радикальных идей среди женщин характерно для 1860-х годов, путем деятельности кружков, продвижения пропагандистской литературы. Так, в прокламации «Молодая Россия» 1862 г. выдвигались следующие идеи: *«Мы требуем полного освобождения женщины, дарования ей всех тех политических и гражданских прав, какими будут пользоваться мужчины, требуем уничтожения брака как явления в высшей степени безнравственного и немыслимого при полном равенстве полов, а следовательно, и уничтожения семьи...»* [1, с. 142]. Эти требования были весьма революционными для того периода, т. к. прежде никем не выдвигались.

Однако наиболее сильное развитие движение получило за рубежом. Этому есть вполне логичное объяснение: многие из женщин, стремящихся получить свободу и независимость, уезжали в европейские страны с целью получить образование, чаще всего медицинское. Наиболее многочисленная и известная группа русских радикалок начала 70-х годов XIX в. сложилась в Цюрихе. С 1864 по 1874 г. 118 русских женщин поступили в Цюрихский университет. Большинство из них действительно приехали для серьезных занятий, хотя медицина зачастую рассматривалась как способ служения «народу» и установления связи с ним, а не просто как наука или профессия [4, с. 190].

Более известным цюрихским кружком был кружок «Фричи» (1872–1874 гг.) – по названию пансиона фрау Фрич, в котором жили его члены. Наиболее известной его участницей была Вера Фигнер, несмотря на то, что она последней присоединилась к кружку и долгое время отказывалась оставить свое обучение ради дела революции. Помимо нее в кружок входили: сестры Субботины – Евгения, Надежда и Мария, Варвара Александрова, Анна Топоркова, Александра Хоржевская, Лидия Фигнер, Вера Шатилова, Берта Каминская, сестры Вера и Ольга Любатович, Евгения Завадская. Участницы кружка занимались изучением социалистической литературы, изучением народных движений и революций; ознакомлением с практической постановкой рабочего вопроса на Западе; изучением английских тред-юнионов, истории Интернационала, истории Всеобщего германского рабочего союза, основанного Фердинандом Лассалем и пр. [6, с. 119].

В 1873 г. царским правительством был издан указ, согласно которому всем женщинам, получающим образование в Цюрихе, предписывалось завершить обучение к январю будущего года.

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Текст указа вызвал недовольство среди студенток, в нем женщины обвинялись в том, что в Цюрихе они занимались подрывной деятельностью, предположив, что большинство из них находится там не для учебы. Помимо этого, он предъявил обвинение девушкам в том, что они изучали акушерство только для того, чтобы производить аборт, их обвинили в претворении в жизнь «коммунистической теории свободной любви». «Клевета была наглая» – пишет об этом событии Вера Фигнер, – «она повела к тому, что иные иностранцы стали смотреть на нас, как на женщин легкого поведения. Тотчас после указа было созвано общее собрание студенток; на нем было предложено написать протест против оскорбления нашей чести и напечатать его во всех европейских газетах» [6, с. 120]. Однако данная затея была поддержана не всеми, и в итоге часть студенток возвращается в Россию, а другая часть продолжает обучение в других университетах Европы – в Париже, Берне, Женеве. Из членов «Фричей» Евгения Субботина уехала в Россию; Бардина, Александрова, Лидия Фигнер и две младшие сестры Субботиной переселились в Париж; сестры Любатович, Каминская, Вера Фигнер поступили в Бернский университет.

В дальнейшем участники кружка приняли активное участие в революционной деятельности в России, в том числе в таких организациях, как «Земля и воля», «Народная воля», а также были участницами «хождений в народ».

В 1881 г. после седьмого по счету покушения на жизнь в Петербурге умирает император Александр II.

Значительным пластом источников, проливающих свет на причины, предпосылки и механизм осуществления данного покушения, являются воспоминания членов организации «Народная воля».

Цели деятельности народовольцев четко и весьма полно изложены участницей организации А. Якимовой, сыгравшей не последнюю роль в осуществлении покушения: «надеялись разбудить сонное царство: подорвать царский авторитет и обаяние силы правительства, разрушить фатализм, беспрекословную покорность судьбе, показать возможность организованной борьбы, ... внести дезорганизацию и смуту в ряды правительства. <...> Все это должно было достигаться террористической деятельностью партии» [8, с. 9].

А. Якимова очень подробно описывает этап подготовки к осуществлению покушения. Так, она упоминает об обысках на квартире заговорщиков 28 февраля (еще в декабре народовольцами была открыта сырная лавка на Малой Садовой улице, откуда производился подкоп к середине улицы для закладки взрывного устройства): «Кобозев*, увидев меня в окно двери, выскочил из комнаты вприпрыжку и припляску мне навстречу, говоря: “у нас был обыск”» [Там же, с. 14].

В тот же вечер заговорщиками были проведены последние приготовления: Григорий Исаев заложил мину на Малой Садовой, а ночью, накануне покушения, в квартире Исаева и Веры Фигнер Николай Кибальчич, Николай Суханов и Михаил Грачевский [члены организации «Народная воля»] изготовили четыре бомбы. Описание механизма также приведено А. Якимовой: «Мина на Малой Садовой состояла из чёрного динамита в двух сосудах – жестяного и бутылки – с запалом из капсули с гремучей ртутью и шашки пироксилина, пропитанных нитроглицерином, всего весом с посудой 89 фунтов. Запал был соединён с проводами, которые в нужный момент должны были быть соединены с гальванической батареей» [Там же, с. 13].

В итоге, смертельный удар был нанесен вовсе не той бомбой, что была заложена под Малой Садовой. Когда император проезжал по набережной Екатерининского канала, народоволец Рысаков бросил метательный снаряд под царскую карету; Александр вышел наружу с целью выяснить обстоятельства происшедшего. В это же время вторая бомба, брошенная Гриневицким, смертельно ранила и императора, и самого заговорщика. Ту злополучную бомбу под мостовой обнаружили царские саперы и ликвидировали уже 5 марта.

Якимова, дабы избежать наказания за участие в покушении, меняет внешность и уезжает в Москву, где и узнает о последовавших мероприятиях. «Дорогой я слышала много разговоров о Кобозе-

* Кобозев – псевдоним народовольца Юрия Николаевича Богдановича. Сама А. Якимова в конспиративных целях взяла фамилию Кобозева.

вых <...> оказывалось, что чуть ли не все догадывались, что это были поддельные торговцы, т. к. и торговать-то не умели, и торговля была плохая» [8, с. 15].

Несомненно, факт смерти императора оказал шокирующее влияние на людей. Александра Толстая, фрейлина императорского двора, упоминает момент, когда ей довелось попрощаться с Александром: «Так был задернут занавес над царствованием, начавшимся столь прекрасно и отмеченным прежде всего уничтожением крепостного права, славным актом, не имеющим себе равных в истории России и превосходящим по своему значению многие победы и завоевания, добытые ценой пролитой крови» [5].

О значении того дня в истории страны пишет и В.Н. Фигнер: «Это был финал 20-летней борьбы между правительством и обществом. <...> Бомба Исполнительного комитета, потрясшая всю Россию, поставила ей вопрос: где выход из ненормального положения вещей, где его причины и что же будет дальше, если в жизнь не будет внесено ничего нового?» [6, с. 281].

Однако судьба женщин-революционерок была не самой радужной. Не достигнув своих идеалистических целей, многие из них закончили свои жизни на каторге.

Ценные сведения о жизни особой категории женщин – каторжниц – мы обнаруживаем в воспоминаниях Е. Ковальской. По делу «Южно-русского рабочего союза» Е. Ковальская в 1881 г. приговорена к вечной каторге в Сибири.

Она описывает поселение каторжников в своих мемуарах: «Тюрьма состояла из 3-х небольших комнат, 2-х маленьких темных, нечто вроде карцеров, кухни и передней. Размещались мы по комнатам, как хотели. Целый день могли проводить во дворе. Нам выдавали хлеб, крупу, немного мяса; мы сами готовили себе пищу, имели право покупать на свои деньги продукты через надзирательницу» [2, с. 10].

Быт женщин-каторжниц был простым и не отличался разнообразием: «Время проходило в чтении (мы получали книги из библиотеки мужской тюрьмы, довольно богатой), в приготовлении пищи, в шитье, вернее – в починке изношенной одежды, в разговорах и спорах на разные политические темы». Говоря про одежду, Е. Ковальская вспоминает: «Рубахи толстого мешечного холста не доходили до колен с широко открытыми воротами, открывали грудь и спину, рукава были только наплечниками, на которых держалась рубаша, оставляя голой всю руку. Юбочки такого же холста едва прикрывали колена. Ни портянок, ни обуви нам не оставили. Не оставили и арестантских халатов, которыми мы могли бы прикрыть нашу наготу» [2].

О непрестом положении женщин-каторжниц пишет и А.П. Чехов. В своих путевых записках о путешествии по острову Сахалину он весьма подробно описывает обычаи Корсаковской тюрьмы. К примеру, там можно узнать о том, что изначально всех женщин направляли в «дома терпимости», где «были развращаемы до такой степени, что в состоянии какого-то ошеломления “продавали своих детей за штоф спирта”» [7, с. 198].

Однако условия каторжниц на Сахалине были проще в сравнении с сибирскими каторгами. Так, женщины иногда моют полы в канцеляриях, работают на огородах, шьют мешки, но постоянного и определенного, в смысле тяжелых принудительных работ, ничего нет и, вероятно, никогда не будет [Там же].

Всех новопривывших женщин помещали в особые камеры, куда затем приглашались неженатые мужчины; цель этого мероприятия состояла в организации браков между ними – «им нужна хозяйка». Гражданские браки на Сахалине заключались путем приписывания женщины к поселенцу [Там же].

В годы правления Александра III произошло одно весьма значимое историческое событие, однако оно не часто упоминается в учебниках и пособиях – Карийская трагедия 1889 г. Значимо оно тем, что за ним последовало изменение положения каторжан, их быта, условий содержания и применяемых наказаний. Необходимо отметить, что в тот период телесные наказания применялись как к заключенным мужчинам, так и к женщинам.

К концу 1880-х гг. на Нерчинской каторге отбывало наказание 32 женщины. Поведение женщин в условиях заключения имеет много отличительных особенностей. Будучи эмоциональнее мужчин,

они острее воспринимали каторжную действительность, болезненнее переживали неудачи, жили в постоянном напряжении, степень которого была значительно выше, чем у мужчин. В 1888–1889 гг. на Нерчинской каторге возник конфликт между политзаключенными и властями, который вылился в массовое самоубийство.

Истоком этого конфликта послужила стычка между Е. Ковальской и генерал-губернатором Приамурского края бароном Андреем Николаевичем Корфом. Е. Ковальская не встала перед ним, как это требовалось по Уставу о ссыльных, ссылаясь на свое плохое самочувствие из-за туберкулеза. Во время посещения политических тюрем Нерчинской каторги Корфом в первых числах августа 1888 г. этот поступок Е. Ковальской оказался единственным случаем демонстративного неповиновения. В итоге было принято решение перевести Е. Ковальскую в Верхнеудинскую тюрьму.

Женщины, оставшиеся на Каре, в знак протеста начали серию голодовок, требуя уволить коменданта тюрьмы. Борьба растянулась на месяцы.

В ноябре 1889 г. заключенная Надежда Сигида (революционерка, член «Народной воли») предпринимает попытку ударить по лицу коменданта, однако ей это не удается, и Сигиду приговаривают к ста ударам розгами. В ту же ночь она и еще несколько женщин кончают жизнь самоубийством, принимая большую дозу морфия.

«О том, что произошло на Каре после моего увоза» – пишет Е. Ковальская, «мне стало известно в Верхнеудинской тюрьме, где меня держали в строгой одиночке, только через год. Уголовные арестанты, по окончании срока каторги, пересылались через Верхнеудинск. тюрьму на поселение. Один из них принес мне записку из Читы от одного из моих товарищей, в которой тот, рассказывая о самоубийствах на Каре, прибавлял, что несколько человек карийцев решили, что, если еще кто-нибудь из товарищей покончит с собой, они тоже примут яд. “Если вы вздумаете последовать примеру ваших друзей, вы возьмете на себя нравственную ответственность за новые самоубийства”. Этим заканчивалась записка» [2].

События на Каре вызвали широкий общественный резонанс не только в России, но и в мире. Итогом стало закрытие тюрьмы Карийской каторги и отмена телесных наказаний для женщин.

Вообще, стоит упомянуть тот факт, что с медицинским обслуживанием заключенных женщин ситуация была критической.

В 1881 г. одна из участниц покушения на императора Геся Гельфман была приговорена к смертной казни, однако на суде она призналась в беременности, что было подтверждено в ходе медицинского осмотра и позволило ей получить отсрочку на исполнение казни, которая впоследствии под давлением общественности сменена на каторжные работы.

Она была помещена в тюрьму Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, где должна была находиться в камере одиночного заключения до дня родов. Оттуда ее переводят в Дом предварительного заключения, где в октябре она рождает девочку. Однако, несмотря на тот факт, что при Доме имела медицинская часть, должной помощи от врачей Гесья не получила. При наличии разрывов врачом не были наложены швы, в результате чего развился перитонит тканей брюшной полости, ставший причиной ее смерти. Есть основание полагать, что неоказание помощи было целенаправленным актом со стороны руководства учреждения [3].

Подводя итог изложенному в статье материалу, мы приходим к следующим выводам:

1. Распространение революционных настроений среди женщин приходится на период 1860–1870-х годов.

2. В данный период женщины отправляются в европейские страны для получения высшего образования, что объясняет причину наибольшего распространения идей именно за рубежом.

3. Женщины-члены организации «Народная воля» сыграли не последнюю роль в подготовке и осуществлении покушения на императора Александра II.

4. В качестве уголовного наказания женщин отправляли на каторги в Сибирь и на Дальний Восток; условия их содержания были тяжелыми.

Литература

1. Заичневский П.Г. Прокламация «Молодая Россия» // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / ред. Е.Л. Рудницкая. М.: Археографический центр, 1997. С. 142.
2. Ковальская Е. Женская каторга. Из воспоминаний Ковальской // Карийская трагедия: воспоминания и материалы. Петербург: Гос. изд-во, 1920.
3. Кравец А. Ребенок № А-824 // Лехаим. 1999. № 6(86). [Электронный ресурс]. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/86/kravets.htm> (дата обращения: 01.03.2021).
4. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / пер. с англ. И.А. Школьников, О.В. Шныровой. М.: РОССПЭН, 2004.
5. Толстая А.А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе / пер. с фр. Л.В. Гладковой. М.: Энциклопедия российских деревень, 1996.
6. Фигнер В.Н. Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. М.: Изд-во социал.-экономич. лит-ры «Мысль», 1964. (Интернет-проект: «Народная воля»).
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения: в 18 т. Т. 14–15. Из Сибири. Остров Сахалин. (1890–1995). М.: Наука, 1987.
8. Якимова А.В. Из далекого прошлого. (Из воспоминаний о покушениях на Александра II) // Каторга и ссылка: историко-революционный вестник. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1921–1935. Подзаг.: 1921–1922. Сборник 1923 № 5.

SVETLANA BAKHMUTOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

REVOLUTIONARIES OF “NARODNAYA VOLYA” BEFORE AND AFTER 1881

The article deals with the development of revolutionary sentiments among women, their participation in the organization “Narodnaya Volya” and the attempting to the emperor, as well as their living conditions in hard labor.

Key words: *revolutionary movement, “Narodnaya Volya”, convicts, Carian tragedy, terrorist activity.*

УДК 930.2

Н.С. БАХШАЛЫЕВА

(bakhshalyeva@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА XI–XV ВВ.***

Статья посвящена одному из древнейших источников Руси – берестяным грамотам. Рассматривается их ценность в изучении истории Великого Новгорода XI–XV вв.

Ключевые слова: берестяные грамоты, источник, Великий Новгород, история, особенности берестяных грамот, положение женщин в Великом Новгороде, грамотность новгородцев.

Историческое прошлое реконструируется на основе информации, содержащейся в исторических источниках. В одних преобладает информация о развитии государства, в других – о развитии личности. Персонализация истории является отличительной чертой сегодняшнего времени.

История повседневности – одна из актуальных тем в исторических исследованиях. Особое место в источниковой базе по этой проблематике занимают берестяные грамоты. Берестяные грамоты – письма и записи на коре берёзы. Береста служила писчим материалом задолго до появления бумаги и пергамента в жизни русичей.

Открытие новгородских берестяных грамот, справедливо оцененное исследователями как открытие принципиально нового источника по истории Великого Новгорода, вызывает множество проблем. Берестяные грамоты существенно пополняют комплекс письменных источников, но в тоже время источниковедческий анализ берестяных грамот невозможен без их археологического изучения. Берестяные грамоты являются примером полифункциональных источников. Значимость данного вида источников подтверждает факт появления берестологии как вспомогательной исторической дисциплины.

Цель исследования – определить особенности берестяных грамот как источника по истории Великого Новгорода XI–XV вв. Реализация цели исследования предполагает решение задач:

- представить территориальные и количественные характеристики комплекса берестяных грамот;
- раскрыть особенности содержащейся в них информации;
- охарактеризовать информационные возможности берестяных грамот.

В ходе исследования были изучены работы известных специалистов, таких как историки А.В. Арциховский, Л.В. Черепнин, В.Л. Янин, лингвиста А.А. Зализняк [1–3; 6–16].

26 июля 1951 г. в ходе археологических раскопок на Неревском раскопе участницей экспедиции, жительницей Новгорода Н.Ф. Акуловой была обнаружена первая берестяная грамота, содержащая перечень феодальных повинностей в пользу некоего Фомы. Руководитель экспедиции А. Арциховский, увидев грамоту, воскликнул: «Я ждал этого 20 лет!» [11, с. 41]. 26 июля 2009 г. в День бересты в Великом Новгороде Нине Акуловой был установлен памятник на ее могиле в честь находки первой берестяной грамоты, на котором изображена та самая грамота и короткая надпись: «Её руками 26 июля 1951 г. была найдена первая берестяная грамота».

К июлю 2007 г. общее количество берестяных грамот, обнаруженных при раскопках на территории древнерусских городов (Великий Новгород, Старая Русса, Торжок, Смоленск, Псков, Тверь, Москва, Звенигород Галицкий, Рязань, Витебск, Мстиславль), достигло 1000, а к началу мая 2010 г. одних только новгородских насчитывалось 973. По данным официального сайта «Древнерусские берестяные грамоты» на март 2020 г. насчитывается 1113 берестяных грамот, найденных в Новгороде, и 108 в других городах России, Украины и Белоруссии [5].

Найденные грамоты, начиная с 1953 г., опубликованы в многотомном издании (12 томов) с общим названием «Новгородские грамоты на бересте из раскопок ... годов».

* Работа выполнена под руководством Соловьевой С.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Берестяные грамоты непохожи на традиционные древнерусские письменные памятники. Можно выделить следующие источниковедческие особенности данной разновидности источников:

- берестяные грамоты сохранились в оригиналах, а не в списках, что снимает вопрос о соответствии текста;
- они содержали практическую информацию и были рассчитаны на одноразовое прочтение, а не хранение. После прочтения или спустя какое-то время выбрасывались. Следствием этого является то, что находки археологов не связаны с каким бы то ни было древним архивом;
- на бересте не писали официальные документы, это могли быть черновики документов, записи для памяти;
- берестяные грамоты не являются носителями информации о политических или общественных событиях, чаще всего содержат индивидуальные или касающиеся узкого круга людей сведения;
- грамоты содержат информацию бытового характера, в них нередко можно встретить слова и выражения живой повседневной разговорной речи. В них широко представлены фонетические, морфологические и синтаксические особенности, которые не соответствуют традиционным книжным памятникам;
- подавляющее большинство берестяных грамот написано древнерусским языком, небольшое число – церковнославянским. Всего несколько грамот написано на иностранных языках: финском, латинском, греческом, немецком;
- грамоты достаточно лаконичны. Самая большая из них насчитывает 176 слов. Однако чаще всего грамоты гораздо короче: большинство полностью сохранившихся грамот не длиннее 20 слов, лишь совсем немногие превышают 50 слов. Содержащуюся в них информацию сможет понять лишь тот, кому она адресована;
- содержащаяся информация отражает, главным образом, социально-экономические проблемы развития Великого Новгорода (землевладение, развитие торговли, ремесел, феодальные повинности, финансовые отношения, долговые обязательства, росписи денежных или натуральных поставок, метрологические единицы, положение крестьян и т. п.) и сведения о повседневной жизни новгородцев (грамотность населения, учебные записи, одежда, рацион питания, семейные взаимоотношения, любовные письма, записи молитв, литературные и фольклорные произведения, частная переписка);
- благодаря берестяным грамотам были изучены генеалогия боярских родов древнего Новгорода, выявлена политическая роль некоторых деятелей, недостаточно освещённая в летописи.

Важная особенность заключается в том, что найденные во время раскопок берестяные грамоты являются частью археологического комплекса, в который входят прослойки культурного слоя, постройки древних усадеб, предметы быта. И если для истолкования текста грамоты важна общая характеристика связанного с ней комплекса, то и сам текст грамоты поможет пониманию археологического комплекса.

Примером может служить комплекс берестяных грамот, связанных с семьей Мишиничей-Онцифоровичей. Авторами этих грамот были известные в истории Новгорода политические деятели, следовательно, данные из берестяных грамот могут быть дополнены сведениями из других источников. Совокупность этих сведений позволяет сделать вывод о социальной принадлежности сохранившихся усадеб, расположенных в районе перекрестка Великой и Козмодемьянской улиц Великого Новгорода, к высшей аристократии боярского Новгорода.

Привлечение берестяных грамот к характеристике городской усадьбы позволяет установить, что крупный боярский род владел не одной, а целым комплексом усадеб, составляющим значительную часть кончанской территории Неревского конца [15, с. 172].

Формирование этого комплекса усадеб могло идти двояким способом. Боярская семья могла расширять свое городское землевладение, постепенно прикупая новые усадьбы. Однако она могла и изначально владеть этой территорией, заселенной зависимыми от нее людьми. По мере увеличения состава семьи эти усадьбы переводились под личные нужды [Там же, с. 174–175].

По мнению В.Л. Янина, данные берестяных грамот подтверждают выводы Б.Д. Грекова о том, что концы в Новгороде возникли как объединение нескольких боярских поселков, сохранивших свою

зависимость от боярских семей вплоть до последнего этапа существования Новгородской боярской республики [15, с. 181].

О сборах налогов мы узнаем из грамот, найденных в разных раскопах Новгорода и относящихся к разным столетиям его истории. Грамота № 718, датируемая 1229 г., является одной из значительных в изучении фискальной системы [13, с. 16–18]. В ней говорится о получении так называемого «погородья» с территории Бежецкого Верха. Также одной из важных грамот является № 724, датирующаяся 1166–1167 г. [Там же, с. 22–25]. Она повествует о сложности сбора дани на северных землях Новгорода, которая возникла в связи со столкновениями с суздальскими сборщиками, присланными Андреем Боголюбским.

Берестяные грамоты позволяют установить, что женщины на Руси были грамотными. Известный специалист по берестяным грамотам, доктор филологических наук А.А. Зализняк отмечал «...и вдруг мы находим письма, которые написаны от имени женщин, одно, другое, третье и т. д., сейчас их накопилось уже очень много. Кроме того, письма, написанные и адресованные женщинам: к матери, к тетке, к сестре и т. д. Конечно, первое представление было – ну, подумаешь, написано, допустим, к матери, она должна пойти к грамотному человеку, он ей прочтет. И, наоборот, если написано от лица матери, она ходила к площадному писцу, платила ему деньги, он писал. По самым разным признакам выяснилось, что в ряде случаев эта гипотеза никак пройти не может... Например, некоторые письма имеют безусловно секретное содержание, в них содержится тайна. Одно это уже исключает то, что можно было пойти к площадному писцу, и его ему диктовать. И кое-какие другие свидетельства показывают, что большинство писем написаны собственноручно их автором. Так что сейчас мы совершенно точно знаем, что значительная часть женщин и читать, и писать умела» [7].

О высоком положении женщин свидетельствуют семейные переписки, в которых нередко женщина давала наказ («приказ») своему мужу. Например, «Наказ Семену от жены. Утихомирил бы ты их всех попросту» [14, с. 26–28]. «О чем речь идет? Явно, там какой-то скандал, передрались какие-то дети, родственники или домочадцы в доме, и надо этот скандал прекратить. “И ждал бы меня”. А вот когда она приедет, будет наведен полный порядок, а пока прекрати хотя бы эту драку. А дальше формула совершенно идеального почтения: “А я тебе челом бью”. Вот такой совершенно оригинальный текст, в котором мы видим и суть дела, и принятые формы этикета» [7].

Еще есть замечательное письмо, тоже с тем же словом “приказ”, которое А.А. Зализняк переводит как “наказ” (XIV в.). “Наказ от попады попу. То, что у тебя произошло, дошло до Оны. А теперь это разносит Кирьяк. Так что позаботься об этом”. «Заметьте, аккуратно написано, чтобы посторонний человек, даже если бы это читал, то все-таки не знал, что там набедокурил этот поп, так что об этом разносится слава» [Там же].

Новгородские грамоты показывают, что женщина могла самостоятельно вступать в денежные отношения, заключать договоры, выступать поручителем, выступать в судах по финансовым вопросам, заниматься каким-либо прибыльным делом.

Особый интерес представляет берестяная грамота № 752, которая является любовным письмом девушки XI в. Адресант грамоты разорвал ее и до нас дошли лишь второй и четвертый куски: «Я посылала к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату! А тебе, я вижу, это не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под людских глаз и пришёл. Может быть, я тебя по своему неразумию задела, но если ты начнёшь надо мною насмехаться, то суди тебя Бог и я недостойная» [13, с. 46–49]. Благодаря берестяным грамотам мы можем расширить свое представление о положении женщин в период средневековья.

Берестяные грамоты повествуют нам о грамотности новгородцев. С детства они учили азбуку и сами писали свои письма. На грамоте № 591 XI в. представлена азбука (абecedарий) [12, с. 50–56]. А.А. Зализняк показал, что в документах на бересте достаточно стройная грамматическая и орфографическая система, в рамках которой свыше 90% грамот написаны вообще без единой ошибки. Мно-

гие слова, использованные при написании грамот, не встречаются в других древнерусских источниках, т. к. преимущественно это бытовая лексика.

Особый интерес представляют берестяные грамоты и рисунки XIII в. новгородского мальчика Онфима. Им было написано 12 берестяных грамот: № 199–210 и 331. Рисунки Онфима не пронумерованы как грамоты. Большинство его грамот – это учебные записи. В связи с тем, что буквы, написанные Онфимом, выглядят достаточно четко, В.Л. Янин выдвинул предположение, что он выполнял упражнения для перехода с восковой таблички на бересту. Грамота № 199 представляет собой донце туеса, которое давали детям для упражнений [2, с. 17–20]. В грамоте № 203 Онфим записывает молитвенную формулу, которая могла служить и подписью: «Г(оспод)и помози рабу своему Онфиму» [Там же, с. 24–25]. Грамота № 202 [Там же, с. 23–24] содержит, вероятно, учебный образец деловой записки: «На Домире взятие доложиве» – «На Домире взять, доложив». «Еще не умея считать, Онфим делает выписки из документов о взыскании долгов» [16, с. 60].

В грамотах 206 [2, с. 26–28], 207 [Там же, с. 28], 331 [3, с. 18–20] Онфим переписывает различные фрагменты из Следованной Псалтири. Также известны и рисунки Онфима. Он изобразил лошадей, воинов, сцены боя, всадников, одолженных врагов. «Грамота № 200 почти целиком заполнена рисунком маленького художника... Маленький художник мечтал о доблести и о подвигах. Он изобразил некое подобие лошади и всадника на ней, который копьем поражает брошенного под копыта лошади врага. Около фигуры всадника помещена пояснительная надпись: «Онфиме». Мальчик Онфим нарисовал свой «героизированный автопортрет» [16, с. 59–60]. Грамоты Онфима являются ценным источником о начальном образовании в Новгородской республике.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что берестяные грамоты – это новый ценный пласт информации для изучения истории и языка Великого Новгорода XI–XV вв. Благодаря сведениям берестяных грамот мы расширяем свое представление об древнерусском обществе, можем дополнить известные источники по истории Древней Руси. Безусловно, раскопки и изучение берестяных грамот будут продолжаться. Каждый год перед нами будут открываться новые данные, вопросы и ответы на них.

Литература

1. Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
2. Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М.: Академия наук СССР, 1963. Т. V.
3. Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М.: Академия наук СССР, 1963. Т. VI.
4. Археологи впервые за 20 лет нашли в Смоленске берестяную грамоту // РИА Новости. 2009. 14 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20090714/177328176.html> (дата обращения: 26.11.2020).
5. Древнерусские берестяные грамоты. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/> (дата обращения: 25.11.2020).
6. Зализняк А.А. Берестяные грамоты — бесценный источник сведений о Древней Руси и ее языке // Лекции лауреатов Демидовской премии (1993–2004). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 214–237. [Электронный ресурс]. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/25888> (дата обращения: 24.11.2020).
7. Зализняк А.А. Лекция «Новгородская Русь по берестяным грамотам» // Полит.ру. 2006. 30 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2006/11/30/zalizniak/> (дата обращения: 23.11.2020).
8. Кудряшов К. Тень бересты // Аргументы и факты. 2011. № 31. 3 авг. С. 37.
9. Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969.
10. Янин В.Л. Берестяные грамоты древнего Новгорода (рус.) // Наука и жизнь. 1982. № 3. С. 33–38.
11. Янин В.Л. Берестяная почта столетий. М.: Педагогика, 1979.
12. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М.: Наука, 1986. Т. VIII.
13. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000. Т. X.
14. Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. Т. XII.
15. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высшая школа, 1977.
16. Янин В.Л. Я послал тебе бересту. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1975.

NARMIN BAKHSHALYEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**BIRCHBARK LETTERS AS THE SOURCE OF THE HISTORY
OF VELIKIY NOVGOROD IN THE XI–XVTH CENTURIES**

*The article deals with one of the most ancient sources of Ancient Rus – birchbark letters.
There is considered their value in the study of the history of Velikiy Novgorod
in the XI–XVth centuries.*

Key words: *birchbark letters, source, Velikiy Novgorod, history, peculiarities of birchbark letters,
women's position in Velikiy Novgorod, Novgorodians' literacy.*

УДК 93/94

А.Р. БЕЖЕНЦЕВА
(alinkabez@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГОГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ В СЕРЕДИНЕ 1960-Х – СЕРЕДИНЕ 1980-Х. ГГ.
(по материалам периодической печати)***

Рассматривается деятельность учреждений культуры Волгограда и области по материалам региональной периодической печати. Выделяются основные формы работы культурных учреждений в рассматриваемый период.

Ключевые слова: периодическая печать, учреждения культуры, культурная сфера, Дома культуры, формы работы.

К середине 1960-х гг. в Волгоградской области существовала разветвленная сеть учреждений культуры, которая была представлена Домами и Дворцами культуры, клубами, библиотеками, музеями, театрами и др. Именно учреждения культуры играли немаловажную роль в различные этапы исторического развития Советского государства. Являясь одним из наиболее эффективных средств по взаимодействию власти и общества, учреждения культуры выступают транслятором духовных ценностей, т. к. исходя из системного подхода к изучению сферы культуры, одним из «составных элементов культуры» являются учреждения культуры и относятся к её институциональной области (помимо предметной и духовной) [1].

Особый интерес при исследовании заявленной темы представляет периодическая печать. По мнению историков И.Н. Данилевского и В.В. Кабанова, периодическая печать – это «вид исторических источников, представленный долговременными изданиями периодического характера, функциями которых являются организация общественного мнения, осуществление идеологического воздействия государства, установление обратной связи в сфере управления» [2, с. 451]. Действительно, периодика являлась средством идеологического воздействия на граждан и выступала одним из способов коммуникации между государством и жителями страны. Среди особенностей периодической печати как исторического источника можно выделить то, что она содержит в себе информацию почти о всех сферах жизни общества. Не являлась исключением и культурная сфера. Именно газеты были источником информации о предстоящих культурных мероприятиях, в них печатались интервью с известными деятелями культуры и работниками культурных учреждений, письма читателей, высказывающих суждения о культурных новинках, наконец, обсуждались проблемы не только институциональной составляющей культурной сферы, но культуры в целом.

В период сер. 1960-х – сер. 1980-х гг. в Волгоградской области наибольшим спросом и интересом жителей пользовались газеты «Волгоградская правда» и «Вечерний Волгоград». Данные газеты содержат в себе ценные сведения о деятельности и проводимых мероприятиях культурными учреждениями Волгоградской области в сер. 1960-х – сер. 1980-х гг. и позволяют проанализировать основные формы работы культурно-просветительских учреждений области.

В рассматриваемый период основными объектами среди культурных учреждений Волгограда и области являлись Дома и Дворцы культуры. В выпусках газеты «Волгоградская правда» информация о деятельности этих учреждений культуры в основном освещалась в колонке «панорама новостей», а в газете «Вечерний Волгоград» каждую субботу появлялась колонка «Что? Где? Когда?», в которой размещался план мероприятий Дворцов и Домов культуры на предстоящую неделю.

Анализируя выпуски газет за исследуемый период, можно отметить, что Домами культуры использовались различные формы культурно-просветительской и массово-политической работы. Изучив

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

выпуски газет, можно выделить несколько форм культурно-просветительской работы Дворцов и Домов культуры Волгограда и области – это тематические вечера, утренники и «Огоньки». Так, во Дворце культуры и техники «Химик» состоялся вечер, посвященный 40-летию разгрома немецко-фашистских захватчиков под Москвой, на котором ветераны Великой Отечественной войны и участники битвы поделились своими воспоминаниями о днях войны [8]. Данный вечер можно отнести к такому направлению работы в Домах культуры как сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Многие мероприятия, проводимые в учреждениях культуры, были приурочены к знаменательным событиям и юбилейным датам. Так, во Дворце культуры им. В.И. Ленина 23 декабря 1981 г. был проведен утренник «Союз нерушимых, республик свободных...», посвященный 60-летию образования СССР [8]. В Палласовском районе в честь 400 тружеников, которые завершили личные пятилетние задания, в октябре 1975 г. был проведен «Огонёк», на котором гвардейцы пятилетки рассказывали о своём труде [10].

Анализируя колонки газеты «Вечерний Волгоград», также можно выявить еще несколько популярных форм работы культурно-просветительных учреждений: организация театрализованных представлений, лекций, занятий объединений. Например, в Доме культуры и техники «Химик» 4 ноября 1981 г. состоялся большой театрализованный вечер, посвященный 5-летию со дня открытия этого Дворца, в котором приняли участие все коллективы художественной самодеятельности и штатные сотрудники, были подготовлены фотостенды о работе культпросветучреждения. Также для посетителей данного Дворца культуры проводились занятия объединения любителей поэзии «Голос» [6].

Можно отметить, что в Домах культуры осуществлялась разнообразная работа для различных социальных групп населения. Например, 24 ноября 1981 г. во Дворце культуры им. В.И. Ленина состоялся день молодоженов, в ходе которого собравшимся прочитали лекции врачи, социологи, юристы, была показана программа научно-популярных фильмов [7].

Среди массово-политических форм работы в Домах культуры можно выделить встречи депутатов с избирателями. Так, в период предвыборной кампании в октябре 1975 г. во Дворце культуры колхоза «Путь Ильича» состоялась встреча избирателей Новоаннинского, Алексеевского и Киквидзенского районов с депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК КПСС, председателем комитета народного контроля СССР А.М. Школьниковым, на которой обсуждались итоги девятой пятилетки, задачи по укреплению экономики и др. [11]. Исходя из этого, можно утверждать, что Дворцы и Дома культуры вели разноплановую работу среди жителей города и области, использовали разнообразные формы работы, что позволяло вовлечь как можно больше людей разного возраста, различных профессий.

Периодическая печать не обходила стороной и библиотечную сеть города и области. Например, внештатный корреспондент газеты «Волгоградская Правда» И. Барыкин в колонке «Панорама новостей» оповещает жителей, что в библиотеках города и области появилась книга «Чили, Корвалан, борьба», рассказывающая о заговоре против чилийской революции и о положении в стране после переворота [12]. В другом выпуске газеты «Волгоградская Правда» отмечается, что фонд центральной библиотеки Волжского пополнился полным собранием сочинений В.И. Ленина и десятками интересных книг [14]. Можно констатировать, что фонды библиотек пополнялись книгами на разную тематику. Согласно газете «Вечерний Волгоград», областная детская библиотека в марте 1981 г. провела конкурс чтецов-исполнителей произведений Агнии Барто, где прозвучали грамзаписи произведений поэтессы в её исполнении, победителем конкурса были вручены призы [5]. Выпуск газеты «Вечерний Волгоград» от 4 ноября 1981 г. раскрывает еще одну форму в работе библиотек – месячники. Так, 3 ноября 1981 г. областной научной библиотеке имени М. Горького состоялось закрытие месячника общественно-политической книги, посвященного началу учебного года в системе партийного политпросвещения. Во время данного мероприятия экспонировались новинки общественно-политической литературы [6].

В одной из колонок газеты «Вечерний Волгоград» отмечается, что в городской библиотеке № 3 им. И.С. Тургенева 25 ноября 1981 г. состоялся день библиографии на тему «Рождение книги»,

на котором посетителям была представлена большая подборка новинок литературы и проведена беседа «Как изготавливают книги» [7]. Таким образом, из газет население могло узнать о появлении новых книг, пополнении фондов, проведении конкурсов и прошедших мероприятиях, проводимых в стенах библиотек и т. д.

В периодической печати также освещались новости, связанные с деятельностью музеев. Например, в выпуске газеты «Вечерний Волгоград» от 6 февраля 1981 г. написано об открытии в Музее изобразительных искусств выставки произведений военных художников студии им. М.Б. Грекова, работающих над созданием панорамы «Сталинградская битва», на которой было представлено свыше шестидесяти произведений живописи и графики [4]. Данная информация могла заинтересовать и привлечь жителей города, заинтересованных живописью, гостей города для посещения музея.

В материалах периодической печати приводится список предстоящих театральных представлений и мероприятий, проводимых в театрах Волгограда. Например, в газете «Волгоградская правда» от 2 апреля 1975 г. опубликована информация о проведении праздника в честь международного дня театра, в ходе которого на сценах волгоградских театров были показаны лучшие спектакли. В Волгоградском Театре юного зрителя в этот день гостями театра были старшеклассники многих городов нашей страны, школьники из районов Волгоградской области, которые тепло приняли последние работы тюзовцев [9]. В выпуске «Волгоградской правды» от 12 декабря 1975 г. приводится отчет о проведенных театральных представлениях. Например, указывается, что Волгоградский театр юного зрителя показал премьеру спектакля «Тайна подлежит разглашению», который был посвящен бойцам незримого фронта, ветеранам милиции и ЧК Красного Царицына, а в театре музыкальной комедии состоялась премьера оперетты И. Штрауса «Венская кровь» – пьеса Е. Шатуновского [13].

Также в газетах «Волгоградская Правда» и «Вечерний Волгоград» печатались новости, связанные с деятельностью киносети города и области, благодаря которым население узнавало о всех предстоящих мероприятиях и киноновинках в прокате. В частности, внештатный корреспондент газеты «Волгоградская Правда» В. Яров в колонке «Панорама новостей» отмечает, что в 15 кинотеатрах города прошел тематический показ хроникально-документальных фильмов, посвященный Международному году женщины, в его программу вошли такие фильмы, как «Повтори свою судьбу», «Бережливые», «Комиссар» и др. [10]. В колонке газеты «Вечерний Волгоград» указывается, что в кинотеатре «Победа» прошла читательско-зрительская конференция по книге О. Куваева «Территория» с просмотром фильма, снятого по ней [3]. Исходя из этого, можно отметить, что деятельность кинотеатров была разносторонней, тематические показы позволяли привлекать людей с разными интересами, а читательские конференции по книгам предоставляли возможность зрителям в живую пообщаться с автором, узнать волнующие их вопросы от первого лица.

В материалах периодической печати освещались новости из сферы искусства, в частности деятельность городской филармонии. Так, выпуск газеты «Волгоградская Правда» от 12 августа 1976 г. позволяет отметить тот факт, что на момент августа 1976 г. творческие планы областной филармонии всецело были направлены на выполнение решений XXV съезда КПСС по вопросам коммунистического воспитания подрастающего поколения. В связи с этим, в качестве основной формы пропаганды музыкальных знаний и эстетического воспитания выделяется музыкально-литературный лекторий. На базе филармонии функционировала молодежная группа «Школьные годы» и коллектив «Смотри в оба», которая выполняла планы государства, направленные на воспитание нового поколения. Проанализировав данную колонку, также можно отметить, что областная филармония располагала хорошей капеллой, ансамблем скрипачей, камерным оркестром и струнным квартетом [15].

В данном исследовании было проанализировано 1825 выпусков газет «Волгоградская правда» и «Вечерний Волгоград». Можно отметить, что деятельность учреждений культуры Волгограда и области освещалась в периодической печати постоянно, но в основном оповещала жителей о предстоящих мероприятиях в культурных учреждениях. Тем не менее, информация, содержащаяся в выпусках

региональных газет, позволяет выделить основные направления и формы работы в учреждениях культуры Волгограда и Волгоградской области в рассматриваемый период – это различные тематические вечера, лекции, книжные выставки, работа с избирателями, театрализованные представления, тематические кинопоказы и др. Проводимые в различных формах мероприятия, позволяли удовлетворить досуговые, эстетические потребности большого количества жителей региона, каждому жителю выбрать себе занятия по своим интересам. Необходимо отметить, что культурные учреждения, являясь средством взаимодействия государства с населением, планировали свои мероприятия в соответствии с пятилетними планами развития народного хозяйства, утверждаемыми на съездах КПСС.

Литература

1. Беженцева А.Р., Орешкина Т.Н. Деятельность современных региональных учреждений культуры по сохранению исторической памяти о войне // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2020. № 6(35.2). С. 13–15. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1609250100.pdf> (дата обращения: 25.04.2021).
2. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М. [и др.]. Источниковедение. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т Открытое общество, 2004.
3. Вечерний Волгоград. № 19(319). 1981. 23 янв.
4. Вечерний Волгоград. № 31(331). 1981. 6 фев.
5. Вечерний Волгоград. № 72(372). 1981. 27 марта.
6. Вечерний Волгоград. № 253(553). 1981. 4 нояб.
7. Вечерний Волгоград. № 271(571). 1981. 25 нояб.
8. Вечерний Волгоград. № 294(594). 1981. 24 дек.
9. Волгоградская правда. № 76(17055). 1975. 2 апр.
10. Волгоградская правда. № 247(17226). 1975. 22 окт.
11. Волгоградская правда. № 249(17228). 1975. 24 окт.
12. Волгоградская правда. № 267(17246). 1975. 15 нояб.
13. Волгоградская правда. № 289(17268). 1975. 12 дек.
14. Волгоградская правда. № 179(17461). 1976. 1 авг.
15. Волгоградская правда. № 188(17470). 1976. 12 авг.

ALINA BEZHENTSEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE ACTIVITY OF THE CULTURAL ESTABLISHMENTS OF THE VOLGOGRA REGION IN THE MIDDLE OF 1960S – THE MIDDLE OF 1980S (based on periodical press)

The article deals with the activities of the cultural establishments of Volgograd and its region based on the regional periodical press. There are revealed the basic forms of the work of the cultural establishments in the considered period.

Key words: *periodical press, cultural establishments, cultural sphere,
cultural centers, works' forms.*

УДК 93/94

А.Р. БЕЖЕНЦЕВА
(alinkabez@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ ПО ИСТОРИИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ В 1943-1970-Х ГГ.*

*Рассматривается история проведения политики памяти по истории Сталинградской битвы.
Анализируются мероприятия, направленные на мемориализацию событий
Сталинградской битвы.*

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва,
политика памяти, мемориализация, историческая память.

После окончания Великой Отечественной войны основные силы государства были направлены на восстановление разрушенных городов, народного хозяйства. Несмотря на все трудности, которые испытывала наша страна, 9 мая по указу Президиума Верховного Совета СССР было объявлено Праздником Победы, а 24 июня 1945 г. в Москве на Красной площади был проведен торжественный Парад Победы [7].

Однако в 1947 г. главой государства И.В. Сталиным отменяется официальное празднование дня Победы и 9 мая становится рабочим днём, т. к. для многих жителей он являлся скорее днем памяти и скорби по погибшим и не вернувшимся с фронта, которые были почти в каждой семье. Спустя почти 20 лет 9 мая вновь стал нерабочим праздничным днем по указу Президиума Верховного Совета СССР [9]. Эта проблема вызывает интерес в изучении политики памяти в период 1947–1965 гг. Необходимо разобраться, какие мероприятия по мемориализации событий Великой Отечественной войны проводились в исследуемый период. В данном исследовании это будет проводиться на примере Сталинградской (Волгоградской) области и проведения политики памяти по истории Сталинградской битвы.

Актуальность исследования заключается в том, что на различных этапах исторического развития одной из проблем, связанных с исторической памятью, является фальсификация истории. Реализация мероприятий, осуществляющихся в рамках политики памяти, не допускает переписывание истории. Проблема памяти никогда не теряет свою актуальность, т. к. она занимает большую роль в формировании социокультурной идентичности общества. Мемориализация событий Великой Отечественной войны позволяет не только сохранять, но изучать и использовать историческую память последующими поколениями. Таким образом, целью данной статьи является изучение проводимой на территории Сталинградской (Волгоградской) области политики памяти в период 1943–1970-х гг. Задачами стали: 1) рассмотреть понятие «политика памяти»; 2) проанализировать мероприятия, проводившиеся государственными органами, направленные на мемориализацию событий Сталинградской битвы.

Многие исследователи рассматривают понятие «политики памяти» с точки зрения междисциплинарного подхода. Например, А.И. Миллер в одной из своих работ раскрывает понятие политики памяти как «различные общественные практики и нормы, связанные с регулированием коллективной памяти. Речь идет о коммеморации (т. е. о сооружении памятников и музеев, праздновании на государственном или местном уровнях как особо значимых определенных событий прошлого); автор подчеркивает, что акцентируется внимание на одних сюжетах истории и замалчиваются или «маргинализируются» другие, выплачиваются пенсии ветеранам одних событий и получают отказ в таких выплатах ветераны других не менее важных событий» [5].

Доктор философских наук О.Ю. Малинова политикой памяти называет конструирование идентичности современного государства, т. е. производство социальных представлений о прошлом общества. Она выделяет несколько критериев политической пригодности событий прошлого – это узнавае-

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

мость события из разных источников, «события прошлого должны представлять нас в позитивном смысле исторического прошлого, а также прошлое не должно быть предметом борьбы» [6]. Если опираться на данные критерии, то Сталинградскую битву можно считать политически пригодным событием прошлого, т. к. история Сталинградской битвы известна не только из школьных учебников, но и из фильмов, литературных произведений, архивных материалов, по монументальным сооружениям, воспоминаниям участников военных событий и т. д. Исследуя заявленную проблему, можно констатировать, что под политикой памяти подразумевается проведение государственной политики, направленной на мемориализацию событий о героическом прошлом страны.

Сталинградская битва занимает огромное место в истории нашей страны – именно она положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны. Проведение политики памяти по истории Сталинградской битвы началось еще на завершающем этапе войны. Музей, являясь учреждением, которое осуществляет сбор, изучение и хранение памятников истории и культуры, а также популяризацию событий исторического прошлого, занимает одно из центральных мест в осуществлении политики памяти. Так, почти сразу же после окончания Сталинградской битвы в феврале 1943 г. был поднят вопрос о возрождении музея обороны Царицына с целью создания на его базе музея обороны Царицына – Сталинграда и филиала в станице Нижне-Чирской [2, с. 42]. Первая постоянная экспозиция музея об обороне Сталинграда была открыта для горожан уже в ноябре 1943 г.

Кинематограф играет значительную роль в формировании исторической памяти, тематических визуальных образов, влияет на сознание человека и оставляет сильное эмоциональное впечатление от увиденного. Комитет по делам кинематографии при Совнаркоме СССР в августе 1942 г. принял постановление о производстве документального фильма о Сталинградской битве [Там же, с. 55]. На протяжении полугода велась киносъемка Сталинградского сражения. В результате чего в начале 1943 г. был создан фильм «Сталинград» режиссером Л. Варламовым. В течение 1943 г. в киносети города и области было проведено пять тематических кинофестивалей, одним из которых стал кинофестиваль «Свободолюбивые народы в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками», на котором были показаны фильмы о Сталинградской битве и Великой Отечественной войне.

К мероприятиям, проводимым в рамках реализации политики памяти, также можно отнести решение вопроса о состоянии, реставрации и установлении памятников обороны Сталинграда. Данный вопрос впервые был поднят 6 июля 1943 г. на заседании Сталинградского городского комитета обороны. Итоговое постановление заседания подчеркивало значение работ по уходу и сохранению могил героев Сталинграда и уцелевших объектов. В ноябре 1944 г. на заседании обкома ВКП(б) был рассмотрен список памятных мест обороны города [2, с. 61, 63]. Сохранение мест обороны Сталинграда стало одним из направлений мемориализации событий сражения.

В период «оттепели» в Сталинграде действовали 2 музея, осуществлявшие, по сути, мемориализацию исторической памяти о Сталинградской битве: Историко-революционный музей обороны Царицына-Сталинграда, Областной краеведческий музей. Этими учреждениями осуществлялись разнообразные формы по реализации данной деятельности: проводилась научно-исследовательская работа, различные культурно-массовые мероприятия, выставки, презентации архивных документов и др. [4, с. 137, 139].

Через учреждения культуры государство может проводить политику памяти, т. к. они являются транслятором духовных ценностей, в число которых входит историческая память. Так, в Областной библиотеке им. М. Горького в 1953 г. была проведена читательская конференция «Сталинградская битва», приуроченная к 10-летию разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, а в библиотеках города проводились выставки на темы о Великой Отечественной войне и Сталинградской битве, в частности [Там же, с. 152].

Увековечение истории Сталинградской битвы и защитников города отражается и в топонимике города. Местные власти начинают проводить процесс переименования улиц еще в 1947 г., но в 1950-е гг. власти уделяют наиболее активное внимание проблеме мемориализации событий Ста-

линградской битвы [1]. В период 1950–1970 гг. более 35 улиц получили названия, увековечивающие память героев и событий Сталинградского сражения.

Одним из центральных событий, относящимся к осуществлению политики памяти по истории Сталинградской битвы является издание 8 мая 1965 г. указа Президиума Верховного Совета СССР «Об утверждении Положения о высшей степени отличия званием «Город-Герой», по которому Волгоград получил звание «Города-Героя», а также удостоивался высшей награды СССР – ордена Ленина и медаль «Золотая Звезда» [8].

В конце 1950-х гг. в рамках коммеморации было предложено строительство мемориального комплекса на Мамаевом кургане. 23 января 1958 г. было принято Постановление Совета Министров СССР «О сооружении в Сталинграде памятника-монумента в ознаменование победы над немецко-фашистскими войсками под Сталинградом» [4]. Автором проекта и скульптором стал Е.В. Вучетич. Открытие комплекса состоялось в 1967 г. Создание мемориального комплекса на Мамаевом Кургане является одним из самых ярких примеров мемориализации событий Великой Отечественной войны.

Таким образом, государство начинает проводить политику памяти по истории Сталинградской битвы ещё на завершающем этапе войны. Это выражалось в деятельности музеев, библиотек, кинематографе, возведении памятников обороны Сталинграда и мемориальных комплексов. Тенденция, направленная на сохранение памяти о событиях и героях Сталинградской битвы, продолжалась на протяжении нескольких десятилетий.

Литература

1. Беженцева А.Р. История отражения Сталинградской битвы в названиях улиц Волгограда // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2020. № 6(35.2). С. 10–12. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1609249979.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).
2. Болотова Е.Ю., Орешкина Т.Н. Учреждения культуры Сталинградской области в 1943–1950 гг.: восстановление и развитие: моногр. Волгоград: Перемена, 2014.
3. Липатов А.В. Деятельность учреждений культуры Сталинградской (Волгоградской) области в 1953–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2012.
4. Манаев А.Ю. «Мы возродим тебя, родной Сталинград!»: формирование образа Сталинградской битвы в исторической памяти (1940-е – 1950-е гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8. № 1(22). С. 8.
5. Миллер А.И. Россия: власть и история // По-лит.ру. 25.11.2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2009/11/25/miller/> (дата обращения: 12.01.2021).
6. Политика памяти в постсоветской России // ПостНаука. [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/video/41333> (дата обращения: 12.01.2021).
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 9 мая Праздником Победы». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420272239> (дата обращения: 15.01.2021).
8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. (Ведомости Верховного Совета СССР, 1965 г., № 19, ст. 248). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=120#005809074123276203> (дата обращения: 12.01.2021).
9. Указ Президиума ВС СССР от 26.04.1965 № 3478-VI // Гарант. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/6341190/> (дата обращения: 15.01.2021).

ALINA BEZHENTSEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

POLICY OF MEMORY OF THE BATTLE OF STALINGRAD IN 1943–1970S

The article deals with the history of the implementation of the memory policy aimed at the history of the Stalingrad battle. There are analyzed the events directed to the memorialization of the events of the Stalingrad battle.

Key words: *the Great Patriotic War, the battle of Stalingrad, policy of memory, memorialization, historical memory.*

УДК 904

А.А. БИТЮШКОВА
(nasta1954@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СЕРЕБРЯНЫЕ И БРОНЗОВЫЕ СОСУДЫ ИЗ СРЕДНЕСАРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ*

Представляется обзор некоторых находок серебряных и бронзовых сосудов (серебряные чаши, тарелки и кубки, а также бронзовые тазы, котлы и патера) из среднесарматских погребений, найденных на территории Нижнего Поволжья в курганных могильниках Октябрьского, Калачевского, Среднеахтубинского и Иловлинского районов Волгоградской области.

Ключевые слова: *ранний железный век, среднесарматская культура, Нижнее Поволжье, бронзовые сосуды, серебряные сосуды.*

Важнейшей категорией находок в среднесарматских погребениях являются импортные металлические сосуды из серебра и бронзы. Они находятся именно в знатных и богатых погребениях. Эта категория находок достаточно хорошо изучена зарубежными и отечественными археологами [2, 3, 4, 5, 15].

Среди серебряных сосудов встречаются канфары, кубки, чаши, кратер, тазы, кувшины. Серебряные чаши отличаются разнообразием. Встречаются чаши полусферической формы с гладким корпусом и зооморфными ручками, низкие чаши полусферической формы с орнаментом, полусферической чаша с крышкой. Глубокая орнаментированная чаша полусферической формы была обнаружена в погребении 1 кургана 1 курганного могильника Октябрьский V (Октябрьский район, Волгоградская область). Ее тулово украшено орнаментальным поясом и вертикальными каннелюрами. Пояс проходит по верхнему краю и выполнен чеканкой и гравировкой. С одной стороны чаши, под верхним орнаментальным поясом нанесена надпись мелкими буквами греческого алфавита ΣΜΕ. Внешняя сторона чаши покрыта позолотой. В этом же погребении рядом с чашей вверх дном находилась серебряная тарелка, украшенная гравированным и чеканным орнаментом. Зоны орнамента покрыты золотом [10]. Такие чаши были распространены в Сирии и Парфии во II–I вв. до н. э. и встречаются в погребениях кочевников степей Евразии [13, с. 247, 250].

Серебряные кубки в среднесарматских погребениях представлены несколькими видами: усеченноконической формы на фигурных подставках, литые круглодонные с шаровидными или слегка вытянутым туловом и зооморфной ручкой, со сферическим туловом и двумя зооморфными ручками [2, с. 18–19].

Ко второму типу относится кубок из погребения 1 кургана 1 курганного могильника Октябрьский V (Октябрьский район, Волгоградская область). У него одна ручка в виде фигурки зайца, припавшего к земле. Сосуд сделан с использованием техники литья. В последствии токарным способом дорабатывали край его венчика. Ручка сосуда отлита по восковой модели и сделана из низкопробного серебра. Спина зайца согнута, все лапы поджаты, уши прижаты к спине, морда лежит на передних лапах, по краям ушей и лап есть наклонные риски, которые изображают шерсть. Ручка крепилась к тулову сосуда оловянными припоем и штифтом. Погребение датируется I в. н. э. [10; 13, с. 250].

К третьему типу относится серебряный кубок из погребения 1 кургана 4 (Вербовский II, Калачевский район, Волгоградская область). Ручки сосуда выполнены в виде фигурок волков из серебра. Уши волков подняты вверх, у них узкие глаза и оскаленные пасти, головы чуть-чуть наклонены вперед. Носы с двумя ноздрями напоминают «пяточки» и сделаны в виде углублений. Мышцы животных сделаны в виде ромбовидного рельефа. Задние ноги прилегают к тулову сосуда, передние – отлиты с прямоугольной площадкой. Крепились к тулову сосуда с помощью серебряных штифтов. В отвер-

* Работа выполнена под руководством Лапшина А.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ствия, которые находятся в задней части животных, вероятно, вставлялся хвост. В центре крышки сосуда сделана звезда, вокруг которой как бы плывут две лани (с рыбьими хвостами) и гиппокампа (морские лошади с рыбьим хвостом). Хвосты оформлены мелкой чешуей. В верхней половине сосуда расчищены несколько сцен охоты конных всадников-сарматов на вепря. На первой – охотник нападает на кабана, у которого мощная голова, поднята щетина, огромные клыки. Листовидный наконечник копья, который находится под наклоном, с широкой втулкой расположен в непосредственной близости от челюсти дикого животного. Охотник в свободной позе сидит на запряженной лошади. Тело всадника немного откинута назад. На второй – изображен всадник, который нападает на кабана. Эта сцена отличается некоторыми деталями от первой. Правая нога всадника согнута в колене, а левая – выдвинута назад. Жеребец запряжен в узду, которая состоит из тонких ремней, стержневых псалий, а повод висит свободно. Эти элементы хорошо прорисованы. Копье также с листовидным наконечником и широкой втулкой. Острием копья всадник упирается в пасть вепря, в которой торчит большой клык. Уши и щетина дикого животного подняты. Охотники обуты в кожаную обувь – чувяки и одеты в куртку с поясом и узкие штаны. Эта сцена отделена от нижних сцен растительным орнаментом, которая представлена поясом из завитков стеблей, на каждом их закруглении показан цветок, лист или побег. Их формы не повторялись. Весь растительный орнамент со следами золочения [6]. Данный кубок использовался в религиозных обрядах в виде емкости для священной жидкости, т. к. все сцены представляют собой иллюстрацию мировоззрения сарматов. Верхние сцены – повседневная жизнь, нижние сцены – потусторонняя жизнь в котором сармат показан оленем. Растительная полоса символизирует земную поверхность, которая отделяет эти миры [8, с. 181]. Существует аналогичное изображение мировоззрения сарматов на пекторали в кургане Толстая Могила (г. Орджоникидзе, в н. в. Покров, Украина). На нижнем ярусе сцены показывают терзание коней грифонами, оленя львом и леопардом и пр. (потусторонний мир), на верхнем ярусе – лошади и коровы стоят с жеребенком и теленком, мужчины занимаются ткачеством и пр. (повседневность). Между ними изображен растительный орнамент (земная поверхность) [9, с. 291, 292].

Бронзовые сосуды чаще встречаются в среднесарматских погребениях, чем любые другие металлические. Встречаются следующие типы бронзовых тазов италийского или провинциально-римского производства: Эггерс 96, Эггерс 97 (тип «Хоби»), «Ровное», Эггерс 100 [2, с. 16, 17]. В погребении 1 кургане 4 (Вербовский II, Калачевский район, Волгоградская область) были найдены фрагменты бронзового таза, корпус которого был полностью разбит, сохранился только массивный венчик, разбитый поддон, прислоненный к стенке. Край устья имеет широкую площадку с резко загнутым вниз краем. По верхней поверхности венчика нанесены, на некотором расстоянии друг от друга, три концентрические резные полосы. Край обода оформлен мелкими рельефными выступами, по загнутой части проходит плотный рядов. Массивный поддон сломан в древности, имеет изящный изгиб у основания. Среди обломков корпуса таза была найдена ажурная пластинка атташе. Сломан в древности. Имеет вид прямоугольной пластины с каплевидным отверстием. От широкого основания (место крепления), по всей длине атташе, в средней части, проходит рельефный валик [6].

Бронзовые патеры являются достаточно редкой находкой, но в погребении 1 кургане 4 (Вербовский II, Калачевский район, Волгоградская область) обнаружена, предварительно деформированная (внешнее дно вмято вовнутрь), бронзовая патера, которая лежала у ног погребенной. Ее дно украшено медальоном, который из-за деформации оказался во внешней части. На нем изображена поросшая густой шерстью, большая коза. Ее задние ноги слегка расставлены, а передние – поставлены прямо. Глаза, горбатый нос, уши, борода хорошо подчеркнуты мастером. На голове расположены крупные рога, которые растут горизонтально. Шерсть показана волнистыми линиями. У задних ног козы на земле сидит обнаженная девушка с короткой прической, голова которой наклонена. Тело ее немного изогнуто. Изгибом линии подчеркнуты живот и небольшая грудь. Правая рука касается ног животного, которые зажаты ногами девушки. Также в этом погребении найдена бронзовая ручка в виде головы барана от этой патеры. Голова полая, с кольцевидным основанием. Мастер точно передал гор-

боносу голову домашнего животного. Крутые рога, которые подчеркнуты короткими рисками, прижаты к голове и окружают уши. Шерсть имитирована часто повторяющимися рельефными кружочками. Глаза животного – выпуклые [8, с. 175–176]. Сцена с девушкой и козой может трактоваться в двух вариантах. Первый – это либо дойка козы, либо ее ощипывание (для получения шерсти с целью дальнейшей переработки). Вторая – подготовка к религиозному ритуалу. Возможно, идет приготовление козла (священного животного) к осеннему празднеству в честь бога Фавна в Древнем Риме. Козлов украшали лозами и венками, а жрецы оббегали вокруг холма Палатина (один из семи главных холмов Рима), бичуя встречающихся женщин кожаным (из кожи козла) кнутом. Считалось, что это действие влияло на бесплодие и делало легче женщинам роды [Там же, с. 183–184]. Погребение датируется I – первая половина II в. н. э.

Бронзовые котлы в сарматских погребениях достаточно информативная находка предметов из металла, в тоже время и редкая. Общепринятая широкая типология савроматских и сарматских бронзовых котлов Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа разработана С.В. Демиденко в 1997 г. [3]. Из данной типологии следует, что на территории Нижнего Поволжья были распространены котлы пяти типов.

В погребении 2 кургана 67 Жутовского курганного могильника (Октябрьский район, Волгоградская область) были обнаружены несколько глиняных кувшинов и массивный бронзовый котел. Массивный бронзовый котёл обнаружен в тайнике. Тулово яйцевидное, сильно помятое со сквозными пробоинами. Ручки отбиты в древности и находились в небольшой ямке. Котёл лежал вверх дном в специальной яме, вырытой для него. Ручка имеет вид дуги округлой в сечении с 3-мя выступами-пуповицами на верхней части изгиба. От основания ручки влево и вправо по тулову отходят завитки с насечками (рожки). По краю котла идет треугольное утолщение. Отступая от края 10 см по широкой части тулова проходит приваренный валик с косыми насечками («верёвочка»). На округлом дне имеется бесформенная бронзовая нашлапка, возможно, следы приваривания ножки. Внутренняя поверхность котла ровная [7]. Сосуд датируется I – первая половина II в. н. э.

В комплексе курганов у станции Бердия (Иловлинский район, Волгоградская область) в погребении 1 кургана 3 бронзовый котел стоял вверх дном у входа в нишу. Поддон полый рюмкообразной формы, тулово – шаровидное. К венчику и валику (имитирующий «веревочки») приварены диаметрально расположенные две ручки в виде стоящих кабанов. Глаза, клыки и уши животных переданы с помощью рельефных выступов. Валиком (продольным) показана грива. Задние ноги животных переданы реалистично, а передние – в виде столбиков. У входа также стояли две серебряные чаши с ручками в виде крылатых грифонов, которые отлиты в двухсторонней форме. Чаши идентичны (полусферичная форма, изготовлены с помощью токарного станка). У грифонов поджарые туловища и длинные шеи, морда клювовидная. Глаза птиц переданы высокими выступами с пустыми гнездами, перья – тремя продольными бороздками, между ними – косые насечки, ребра – пятью бороздками. На плечах есть бессистемно расположенные насечки. На когтистых лапах, между пальцами, есть перепонки. На теле каждой птицы есть отверстие, в которые вероятнее всего, вставлялся хвост из другого материала. Фигуры грифонов после изготовления доработаны гравировкой и чеканкой. У встреченного в погребении бронзового таза атташи ручек изготовлены в виде свернувшихся змей. Головы рептилий овальной формы, чешуя передана частыми рядами поперечных насечек. Погребение датируется по погребальному инвентарю к. I – первой половиной II в. н. э. [11].

В комплексе курганов у станции Бердия (Иловлинский район, Волгоградская область) в кургане 28 погребении 4 в ногах погребенной был обнаружен бронзовый литой котелок с полусферическим туловом, рюмкообразной ножкой и отогнутым наружу венчиком в виде «веревочки». В верхней части тулова приварены две вертикальные диаметрально расположенные ручки в виде стоящих козлов. Одна фигурка сломана вероятно в древности, а вторая погнута. Животные выполнены схематично: ноги – столбики, уши – выступы. Рога животных соединяют затылок животного с шеей, образуя дугу. Погребение датируется I в. н. э. [12].

У хутора Киляковка (Среднеахтубинский район, Волгоградская область) у берега р. Ахтуба в 1965 г. был найден небольшой бронзовый котел. Он имел три ручки, две из них выполнены в виде козлов, которые как бы заглядывают в котел. Третья ручка испорчена (отсутствует задняя часть и голова животного) выполнена в виде лошади со схематично изображенным седлом с имитацией луков [14, с. 207].

Типологии всех вышеперечисленных категорий серебряных и бронзовых сосудов являются открытыми, что дает возможность их расширения при обнаружении серебряных котлов, бронзовых тазов и пр. в новых курганных могильниках на территории Нижнего Поволжья.

Литература

1. Битюшкова А.А. Сарматские украшения из курганного могильника «Вербовский I» // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2019. № 3(26). С. 35–41. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1559132826.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
2. Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2005.
3. Демиденко С.В. Типология литых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии. М.: Изд-во Москов. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1997. С. 120–159.
4. Косяненко В.М., Флеров В.С. Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии). // Советская археология. 1978. № 1. С. 192–205.
5. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д1-27. М.: Наука, 1970.
6. Мамонтов В.И. Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1998 г. Волгоград, 1998. // Архив ИА РАН. Р-1.
7. Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского Областного отделения ВООПИК в Волгоградской области (Калачевский, Октябрьский, Суворовинский, Среднеахтубинский, Иловлинский р-н) за сезон 1974 г. Волгоград, 1974. // Архив ИА РАН. Р-1.
8. Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Вербовский II // Нижневолжский археологический вестник. 2008. № 9. С. 170–197.
9. Мозолевский Б.Н. Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине (предварительная публикация) // Советская археология. 1972. № 3. С. 268–308.
10. Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета 1995 г. Волгоград, 1996 // Архив ВОКМ. № 39.
11. Сергацков И.В. Отчет о раскопках Иловлинской археологической экспедиции Волгоградского государственного университета в 1991 г. Волгоград, 1992 // Архив ВОКМ. № 81.
12. Сергацков И.В. Отчет о работе Иловлинской археологической экспедиции ВолГУ в Волгоградской области в 1993 г. Волгоград, 1994 // Архив ВОКМ. № 100.
13. Скрипкин А.С., Мыськов Е.П. Погребение сарматской знати из Волгоградского Подонья // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. М.: Институт археологии РАН, 2009. С. 245–255.
14. Скрипкин А.С. Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области // Советская археология. 1970. № 4. С. 206–209.
15. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975.

ANASTASIYA BUTYUSHKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

SILVER AND BRONZE VESSELS OF THE MID-SARMATIAN BURIALS OF THE LOWER VOLGA REGION

The article deals with the review of some findings of the silver and bronze vessels (silver vessels, plates, bowls and bronze bowls, vessels and patera) from the Mid-Sarmatian burials found at the territory of the Lower Volga region in the kurgan burial grounds of the Oktyabrskiy, Kalachevskiy, Sredneakhtubinskiy and Ilovinskiy districts of the Volgograd region.

Key words: *the Early Iron Age, Mid-Sarmatian culture, the Lower Volga region, bronze vessels, silver vessels.*

УДК 930.27

А.Ж. ГАЙНУЛОВА
(gainulova@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

КНЯЖЕСКИЕ УСТАВЫ XI В. КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ*

Письменные памятники рассматриваются в контексте церковно-государственных отношений. Определяются их возможности в качестве исторического источника по социально-политической истории. Анализируется процессуальная сторона церковных судов в Киевской Руси.

Ключевые слова: *устав, государство, право, церковь, Русь, статья, источник.*

Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления места и роли правовой системы Древней Руси в последующем развитии страны, ее социальных, политических и правовых институтов.

Объект исследования – государство Русь. Предмет исследования – княжеские уставы XI в. (Владимира и Ярослава), имеющие общерусское значение. Целью исследования является определение информационных возможностей княжеских уставов XI в. как источника по социально-политической истории Древней Руси.

В Древнерусском государстве правовой обычай, обычное право выросло из обычаев первобытно-общинного строя, со временем приспособленных к интересам князя и его дружины и, соответственно, трансформированных.

Первый сохранившийся источник – Русская Правда, которая базировалась на нормах обычного права и систематизировав нормы, содержащиеся в княжеских уставах.

Русская Правда была создана княжеской властью и рассматривала дела, подлежащие княжескому суду, и не вторгалась в церковную юрисдикцию, которая возникла с крещением Руси и была предусмотрена специальными княжескими уставами. Однако в некоторых сферах (наследство) княжеская и церковная власть пересекались.

Древнерусские княжеские уставы и уставные грамоты определяли место церковной организации в системе государства. Княжеские церковные уставы о десятинах, судах, церковных людях были документами, в которых отразились взаимоотношения светской и церковной власти, их функции в государственном управлении и суде, участие в сборе и распределении даней, устанавливающие разграничение земельных владений [1, с. 21].

Устав князя Владимира имеет обширную историографию, как среди гражданских, так и церковных историков. Работы советских историков С.В. Юшкова, Я.Н. Щапова отличает полнота и научная объективность анализа многочисленных списков текста Устава [4, 5, 6].

Заслуживает внимания статья Иеромонаха Петра (Гайдено), который рассматривает данный документ в контексте церковно-государственных отношений в Киевской Руси, оценивает степень достоверности, определяет его возможности в качестве исторического источника [2].

Устав известен в семи редакциях, относящихся к XII–XIV вв. и более чем в двухстах списках [4, с. 96]. Его старшие редакции XII–XIII вв. – Оленинская и Синодальная. Другие принадлежат к более позднему времени: Варсонофьевская редакция возникла в начале XIV в. в Северо-Восточной Руси, Волынская и Печерская принадлежат XIV в. и связаны соответственно с Галичской землей и Туровом, или Пинском [Там же]. Волынская редакция имела распространение и на территории Молдавии

* Работа выполнена под руководством Соловьевой С.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

и Валахии [4, с. 96]. Троицкая редакция и редакция Степенной книги возникли в Москве XVI в. Устав князя Владимира определяет место церковной организации в стране, источники обеспечения, объем юрисдикции. Он основан на соглашении между государством и церковным руководством.

Устав (Оленинская редакция) начинается с инвокации, религиозного посвящения, традиционно для средневековых актов. Далее указываются мирское Владимир и христианское Василий имя князя и отмечается, что он принял крещение от греческих царей и крестил всю землю Русскую [Там же]. Великий князь создает в Киеве церковь Святой Богородицы (Десятинную) и определяет ее содержание в форме десятины от поступлений княжеских, судебных, торговых пошлин, от приплодов скота и сборов урожая.

На основании греческого номоканона и соглашения князя Владимира с княгиней Анной и князьями-наследниками под юрисдикцию церкви определен круг дел, связанных с внутренней жизнью семьи: споры между супругами об имуществе, оскорбление бранным словом и клеветой, изготовление приворотных зелий, талисманов, незаконная связь мужчины и женщины (смильное), нарушение супружеской верности, доказанное свидетелями (заставание), обрядовое похищение невесты для брака (умыкание), изнасилование (пошибание), нарушение запретов браков между близкими родственниками и свойственниками, колдовство.

Установленный порядок не должны нарушать ни члены его семьи, ни потомки (род), и он распространен на все населенные пункты, где жили христиане.

В уставе перечисляются существовавшие в этот период категории церковных людей (игумен, игумена, поп, попадья, поповичеве, чернец, черница, дякон, дяконовая, проскурница, пономарь, вдовица, калика, стороник, задушный человек, прикладник, хромец, слепец, дяк), подлежащих церковному суду [4, с. 97].

В документе присутствует санкция, запрещающая нарушать установленный порядок.

Таким образом, вводимое церковное судопроизводство ограничивало компетенцию княжеского суда.

В Синодальной редакции устава расширяется содержание отдельных статей. Например, в перечислении круга дел, связанных с внутренней жизнью семьи, появились битье отца сыном, матери дочерью, свекрови снохой, скотоложество, посягательство на церковное имущество, выполнение языческих обрядов, избавление девки от плода [4, с. 103].

Появляется статья о контроле церкви за правильностью мер и весов.

Статья 16 включает в состав церковных людей, пользовавшихся покровительством церкви, лечцов, хромцов, слепцов и др. [Там же]. Благотворительная деятельность церкви привлекала в ее лоно новых членов.

Расширяется содержание санкции, ужесточается проклятие.

Таким образом, устав князя Владимира содержит историческую информацию о семейных отношениях, правонарушениях, связанных с тяжбами за наследство, заключении брака, о разводах, изменах супругов, насилии и др. Не менее важной является информация о финансовом обеспечении церкви и категориях людей, принадлежащих к церковным людям. В целом документ позволяет проследить разделение княжеской и церковной юрисдикции в период становления государства Русь.

Церковный Устав Ярослава, в отличие от Устава Владимира Святославича, как отмечает П. Гайдено, «при наличии в нём значительного числа позднейших наслоений не вызывал принципиальных споров по проблеме его достоверности» [3, с. 80].

Согласно исследованию Я.Н. Щапова, все списки можно разделить на 6 редакций: Краткую, Пространную, а также возникшие в результате переработки этих двух старших редакций Румянцевскую, Тарновскую, Устюжскую и Западнорусскую («Свиток Ярославль») [6, с. 301–302]. Самые ранние из дошедших до нас списков датируются второй четвертью XV в., самые поздние – XIX в. [Там же]. Данные источниковедческого исследования привели Я.Н. Щапова к выводу, что первоначальный архе-

тип Устава сложился в XI – начале XII в. Таким образом, упоминание в самом тексте Устава о составлении его кн. Ярославом по согласованию с митрополитом Иларионом расценивается как вполне достоверное [6, с. 301–302].

В Краткой редакции устава 39 статей. В нем отсутствует invocatio, текст начинается с интитуляции о создании великим князем Ярославом вместе с митрополитом Иларионом правил о церковных судах. 28 статей посвящены регулированию взаимоотношений полов, брачно-семейных отношений: умыкание невесты, изнасилование женщины, причины развода, двоеженство, рождение внебрачного ребенка, внебрачные связи мужа, наказания за половые отношения среди кровных родственников и свойственников, блуд с монахиней, скотоложество, запрет на насильственное вступление в брак, оскорбление чужой жены словом.

Статьи 34–37 посвящены преступным деяниям церковных людей: блуд монахов, пьянство, рострижество [5, с. 119].

Статья 26 запрещала стричь волосы женщинам и бороду мужчинам. Статьи 27–28 определяли наказание за кражу льна, жита, конопли, полотна, белых порт, поневы. Две последние статьи содержат санкцию [Там же].

В Пространной редакции уже 56 статей. В статье 1, являющейся своего рода преамбулой Устава, помимо интитуляции, наррации и аренги содержатся конкретные процессуальные и материальные нормы, освобождающие торговцев, подведомственных церкви, от уплаты мыта [5, с. 133].

Статьи, определяющие размер наказания за преступления в сфере половых и брачно-семейных отношений, дополнены критерием сословного положения потерпевшего.

Статья 7 говорит об ответственности родителей за невыдачу замуж дочери [Там же]. Причем штраф зависел от социального положения «меньших бояр гривна золота, а простое чади рубль» [Там же].

Интересна ст. 19, которая запрещает связь русской девушки с лицами, исповедовавшими религии Востока и жившими на территории Руси [5, с. 134].

Новой является статья, предусматривающая наказание за нарушение сговора о браке (35). Статья 41 говорит о драках между женщинами, не имевших характера социальных стычек. В отличие от боев между мужчинами они подлежали ведению не светской, а церковной власти. Новой является статья о запрещении совместной еды с иноверцами (49), а 50-я запрещает тесное общение не только с иноверцами, но и с людьми, отлученными от церкви [5, с. 135].

Новые статьи в Пространной редакции отражают развитие древнерусского права и более подробно его кодифицируют.

Санкция Устава состоит из двух частей. В эту статью входит угроза нарушителям земным, княжеским судом и наказанием «по закону» [Там же].

В Уставе кн. Ярослава перечень церковных судов представлен в развернутом виде и к тому же с указанием последствий нарушения норм церковного права.

Устав кн. Ярослава отличается от греческих номоканонов и предшествующих нормативных памятников. Это касается вопросов разграничения княжеской и церковной юрисдикции, появления новых составов преступлений, замены членовредительских санкций имущественными наказаниями. Эти изменения говорят об адаптации византийских церковных норм реалиям Древнерусского государства.

Таким образом, Уставы великих князей Владимира и Ярослава являются важным источником по истории государства Русь. Они позволяют реконструировать семейно-брачные отношения, социальные категории населения и церковных людей. Документы определяют круг преступлений, связанных с половыми и семейными отношениями. Нормы христианской морали постепенно внедрялись в историческую реальность Руси. Церковь занимала существенное место в социально-политической системе государства Русь. Уставы позволяют определить границы церковной юрисдикции и ее соотношение с княжеской.

Литература

1. Боровой Д.Д. Каноническое (церковное) право как нормативная система социально-правового регулирования: автореф. дис...канд. юр. наук. Ставрополь, 2004.
2. Петр (Гайденко), иером. К вопросу о подлинности Устава князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» // Вестник Православ. Свято-Тихонов. гуманит. ун-та. Сер. 2: История. История Русской православной церкви. 2008. Вып. II. № 1(26). С. 7–16.
3. Гайденко П.И. Церковный устав Ярослава как свидетельство религиозно-политической жизни Киевской Руси // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2008. Вып. 23. № 5(106). С. 80–87.
4. Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных // Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти т. Т. I. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит-ра, 1984.
5. Устав князя Ярослава о церковных судах // Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти т. Т. I. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит-ра, 1984.
6. Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976.
7. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси. XI–XIV вв. М.: Наука, 1972.
8. Юшков С.В. Устав князя Владимира (историко-юридическое исследование). М.: Юридич. лит-ра, 1989.

AYSHAT GAYNULOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

PRINCELY RULES OF THE XIST CENTURY AS THE SOURCE OF THE SOCIAL AND POLITICAL HISTORY OF THE ANCIENT RUSSIA

The article deals with the written monuments in the context of the church and state issues. There is defined their potential as the historical source of the social and political history. There is analyzed the procedural site of the spiritual courts in the Kievan Rus.

Key words: *rule, state, law, church, Ancient Rus, article, source.*

УДК 908

А.В. ДЕМИДОВА
(demidova0621@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА БЕЗРОДНОГО В 1920–1930-Е ГГ.*

Рассматривается повседневная жизнь жителей села Безродное в 1920–1930-е гг. Автор определяет географическое положение села Безродное, его влияние на хозяйственную деятельность селян. Характеризуется одежда, быт, досуг у селян. Делается вывод о влиянии политических событий на повседневную жизнь безродненцев.

Ключевые слова: история повседневности, социальная история, село Безродное, быт, досуг жителей.

Одним из перспективных направлений исторических исследований, имеющих междисциплинарный характер, является история повседневности. Это история страны «снизу», «микроистория». Особенно актуальна она для 1920-х гг., когда происходило становление нового советского человека.

Цель исследования – определить особенности повседневной жизни жителей села Безродного в 1920–1930-е гг.

Для раскрытия поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить место села Безродного в административном делении Сталинградской области;
- охарактеризовать жилище, одежду, питание жителей села;
- рассмотреть досуг селян.

Объектом изучения является село Безродное в 1920–1930-е гг., типичное нижневолжское село, социально-экономическое развитие которого и политическая ситуация влияли на жизнь селян.

Предмет исследования – отдельные аспекты повседневной жизни безродненцев (жилище, одежда, пища, досуг).

При сборе и анализе исторической информации были использованы историко-генетический, сравнительно-исторический, биографический методы. Исследование основано на краеведческой литературе, устных источниках.

Научная новизна работы заключается в исследовании жизни безродненцев, оказавшихся в условиях социалистического эксперимента.

Село Безродное (Верхняя Ахтуба) было основано в XVIII в., в связи с развитием ахтубинского шелководства [3, с. 109]. В 1921 г. Верхнеахтубинская волость вошла в Ленинский уезд Царицынской губернии. В 1923 г. Верхнеахтубинская волость была присоединена к Среднеахтубинской волости Ленинского уезда. В 1928 г. был образован Среднеахтубинский район в состав Сталинградского округа Нижне-Волжского края. В 1935 г. Среднеахтубинский район входил в состав Сталинградского края, а в 1937 г. – Сталинградской области [15, с. 631]. Его размеры превышали размеры современной Средней Ахтубы.

География села способствовала развитию в нем сельского хозяйства. Параллельно Ахтубе вдоль села протекала протока Баклушка, обеспечивавшая водой огороды, хозяйственные нужды местных жителей. Так же рядом с селом находилось озеро Садов. Село было неформально поделено на два уровня: первая полоса строений – внизу вдоль рек Ахтубы и Баклушки, а вторая половина – на полугорье и горе [2, с. 14].

Связь с другими поселками и городами осуществлялась с помощью утрамбованной дороги. Помимо этого, на территории села располагалось две пристани: одна находилась в районе современного острова Зеленый, другая – у поселка Рабочего [1, с. 9].

* Работа выполнена под руководством Соловьевой С.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Жилища безродненцев были в основном саманными, у наиболее зажиточных – деревянными. Саман (глина с соломой) был традиционным материалом для строительства домов. Глину месили с помощью лошадей, в нее добавлялась солома и именно из этой смеси делали большие глиняные кирпичи, из которых возводились сами дома. Обязательным элементом дома были ставни, в зимний период для удержания тепла между окном и ставнями укладывали солому. Дрова из вербы и тополя быстро сгорали и шли на межсезонье, а из дуба горели сильно, поэтому их использовали лишь в сильные холода. Топили в целях экономии лишь один раз – утром. Если после нагревания правильно закрыть необходимые задвижки, то тепло можно было сохранить до конца дня. Распространенным видом топлива были кизяки [10, с. 4].

Дома семей Ягновых, Репиных, Макаровых были деревянные, одноэтажные и отличались своей ухоженностью [1, с. 9].

Для освещения использовались керосиновые лампы: пятилинейки и трехлинейки. Пятилинейка была с абажуром, крепилась на потолке и зажигалась по вечерам, когда дети делали уроки. Рассчитана лампа была на поллитра керосина, которого хватало недели на две, если жечь не больше трех часов. Трехлинейка была переносной.

Изгороди своих усадеб селяне делали из досок и плетней, которые плелись из ивняка, произраставшего в большом количестве в роще. Во дворах росли клены, ракиты и акации. На горе и ее склоне росли вишневые и яблоневые сады [8, с. 7].

До появления колхозов у каждой семьи был свой огород. После коллективизации большая часть жителей была занята в работе на одном из трех хозяйств, существовавших на территории села: «Безбожник» («Большевик»), «Красный буксир» и «Красный Октябрь». Они возникли в результате разукрупнения и деления колхоза «Пролетарий» [13, с. 51]. Специализировался колхоз на выращивании овощей. Расцвету села способствовало то, что 10% из выращенной в хозяйстве продукции оставалось внутри колхоза [9, с. 14]. Также положительным стимулом стала звеньевая система работ, в которой сверхплан распределялся среди звена. Также колхозники могли покупать овощи по сниженной цене, что привело к росту популярности овощных заготовок на зиму [11, с. 9].

Питание было типичным для сельских жителей: каши, супы, молоко. Наиболее часто готовили пшеничную кашу. В обед обычно готовились щи, которые ели круглый год. Летом – из свежей капусты, зимой – из квашенной. Держали преимущественно коз, кур и кроликов. Таким образом, многие продукты готовились на козьем молоке. Готовили на печах с использованием сковородников и рогачей, которыми могли захватывать еду [4, с. 27].

Некоторые жители держали коров. В селе был единственный сепаратор у И.А. Гребенщикова. Этим сепаратором пользовалось все село. Полученные сливки сдавали в качестве налога на сливочное масло, который рассчитывался по количеству коров в каждом подворье [6, с. 1].

В Безродном существовало две школы: начальная, находившаяся в деревянном здании и несохранившемся до наших дней. На деньги безродненцев также была построена кирпичная двухэтажная средняя школа.

Школу в 1920-х гг. посещали 144 учащихся и она имела три параллели. В каждом классе было более 20 человек [Там же]. Дети получали семилетнее образование, высшее образование можно было получить лишь в Сталинграде.

В здании школы располагалась колокольня пожарной части, с которой просматривалось все Безродное. Ежедневно в школе находился дежурный, который в случае пожара должен был звонить в колокол [7, с. 3]. При школе функционировал интернат, различные клубы, изба-читальня.

В семьях довольно часто дети с ранних лет начинали работать пастухами. Обычно это служило летней подработкой или же совмещалось с учебой. Пастухов либо нанимали односельчане, либо, что бывало чаще, несколько дворов объединяли своих коров, каждый двор был обязан пасти по очереди. В таких случаях это уже не было работой, а становилось способом помочь старшим членам семьи.

В связи с тем, что село располагалось на берегу реки, среди детей была популярна рыбалка с использованием дуршлага или медного таза. Рыбу либо жарили, либо продавали.

В Безродном было три магазина: продовольственный, где продавали только хлеб; промтоварный; винный. Был пункт приема металлолома и киоск с пряниками и конфетами. Каждый день пекарь Василий Кудрявцев трудился, чтобы жители села могли получить свежий хлеб [2, с. 15]. Хлеб выпекался трех видов: белый, черный и пеклеванный. Каждая буханка весила около 2 кг.

В промтоварном магазине продавали ткани, из которых жительницы села шили одежду. Винный располагался за пожарной станцией и отличался необычными, расположенными на скос, витринами.

Большую часть повседневной одежды для сельчан изготавливал портной Подберезников. Он шил мужскую и женскую одежду, в отличие от И.Ф. Никишкина, который изготавливал лишь мужские костюмы и пальто. Были в селе и модистки. Лучшей из них считалась А.Т. Золотарева, у которой была собственная швейная машинка «Зингер». Для изготовления одежды использовались сатин, ситец, бязь, батист, крепдешин, шифон, фатин, креп-сатин, трико, шевит, бостон, диагональ и другие ткани, которые чаще всего приходилось покупать в магазинах Царицына.

У женщин особым спросом пользовались жакеты из плюша, которые называли «плюшками». В повседневной жизни они носили серые пуховые платки, а для праздников у них были белые шали ажурной вязки. Каждая хозяйка умела прясть и вязать. Это было необходимо. Из шерсти коз и овец изготавливали платки, валенки, носки, варежки и перчатки.

Популярны были кашемировые платки, шарфы, которые женщины и девушки надевали в церковь и по праздникам.

Самым виртуозным обувщиком считался Е.М. Сучков.

Лучшим слесарем в селе считался Иван Андреевич Гребенщиков. Он был способен выполнить любую слесарную работу, отремонтировать замок любой сложности и изготовить к нему ключ.

Молодежь села часто собиралась на площади Большевистской, танцевала и пела. Православные праздники в 1920-х проходили на площади перед церковью, советские же праздновались перед мемориалом погибшим безродненцам-красноармейцам [13, с. 44]. Именно там находилась тумба, с которой произносили речи. В 1936 г. появилось радио [4, с. 24].

В предвоенный период село процветало. Люди покупали патефоны и даже велосипеды. Катались на лодках, носили кожаные полуботинки. В клубе показывали кино, а в школе был музыкальный кружок с мандолиной, балалайкой и гитарой. Жили сельчане дружно, помогали друг другу, активно проводили свободное время.

Таким образом, более заметными в условиях советизации общества были изменения в досуге жителей села Безродного. До середины 1930-х гг. пролетарские праздники соседствовали с православными. В условиях нарастающего атеизма остаются только советские праздники.

Во второй половине 1930-х гг. усиливается влияние городской культуры на жизнь селян вследствие миграционных процессов и повышения уровня достатка.

Изменения в быту практически незаметны, он остается традиционным, сформировавшимся в предыдущий период.

Литература

1. Абаихина В. Утро в Волго-Ахтубинской долине // Волжская правда. 2014. № 86.
2. Абаихина В. Утро в Волго-Ахтубинской долине // Волжская правда. 2014. № 144.
3. Башлыкова Т.А. Были Заволжского края: исторические очерки. Волгоград, 1999.
4. Башлыкова Т.А. Здесь живёт наша история // Волжскому – 55. Летопись продолжается... Волгоград: Панорама, 2009.
5. Башлыкова Т.А. Я иду по городу (к 60-летию города) // Город Волжский в зеркале истории (к 60-летию г. Волжского и 20-летию ВТПП): сб. ст. Волгоград, 2014.
6. Берновская И. Мельница. Она вдвое старше Волжского // Неделя города. 2004. № 3.
7. Берновская И. «Тайна» старых зданий // Неделя Волжского. 1998. № 1.
8. Дунюшкина Е. Безродненская история... по крупницам // Волжская правда. 2013. № 123.
9. Дунюшкина Е. Голод в Безродном. Как это было // Волжская правда. 2013. № 88.

10. Дуношкина Е. Мне дорог мой город и история моей семьи // Волжская правда. 2015. № 12.
11. Дуношкина Е. Село районного масштаба // Волжская правда. 2013. № 117.
12. Новский С.В. Мой город Волжский: воспоминания, размышления очевидца. Волгоград: Издатель, 2006.
13. Рамазанов С.П., Мясникова О.Н. История города Волжского. Волгоград: Печ. двор. 2009.
14. Скрипкин А.С., Луночкин А.В., Курила И.И. История Волгоградской земли от древнейших времен до современности. М.: Планета, 2013.
15. Справка по истории административно-территориального деления Волгоградской области // Государственный архив Волгоградской области. Путеводитель. Волгоград, 2002.

ALINA DEMIDOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

DAILY LIFE OF THE RESIDENTS OF THE BEZRODNOE VILLAGE IN 1920–1930S

The article deals with the daily life of the residents of the Bezrodnoe village in 1920–1930s. The author describes the geographical state of the Bezrodnoe village and its influence on the business activities of the residents.

There are characterized the clothes, the way of life, the leisure of the residents. There is concluded about the influence of the political events on the daily life of the Bezrodnents.

Key words: *history of daily life, social history, Bezrodnoe village, way of life, residents' leisure.*

УДК 93/94

Д.Р. ДУНЯМАЛИЕВА
(veresaevadia@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
(на примере Волгоградского региона)***

Анализируется деятельность и значение общественных объединений как институтов гражданского общества в Волгоградской области в XXI в. Рассматриваются проблемы функционирования общественных организаций, роль власти в установлении конструктивного партнерства с общественными образованиями.

Ключевые слова: гражданское общество, социокультурная политика, общественные объединения, направления деятельности общественных объединений, государство.

После распада СССР на протяжении 1990-х годов и до наших дней в Российской Федерации возникли и начали разрабатываться множество вопросов касательно дальнейшего устройства и развития страны, необходимости проведения преобразований и выстраивание этих линий. Наряду с проблемами формирования новой государственности, появились вопросы установления эффективного взаимодействия государства и общества, которые также актуализировали и задачи построения гражданского общества. О необходимости его развития руководство страны периодически говорит, начиная с 2001 г. [18, с. 90].

Одной из первых трудностей, которые возникают при рассмотрении такого явления, как гражданское общество, является отсутствие единого четкого определения, многообразие подходов к определению термина [1, с. 11]. Следует отметить, что данное понятие также не закреплено законодательно – не существует отдельного закона, определяющего политику в данной области, не упоминается термин и в Конституции РФ.

Несмотря на это в российском законодательстве можно проследить элементы гражданского общества, например, наличие частной собственности и закрепление прав человека в Конституции, их раскрытие и способы воплощения прописаны в отдельных федеральных законах [17, с. 82].

В данной работе под гражданским обществом понимается сфера функционирования независимых от государства добровольно сформированных на основе общих потребностей и интересов объединений [9, с. 17].

Как обозначено в ст. 7 Конституции, Россия является социальным государством [12], следовательно, обеспечение благополучной жизни гражданам страны является неотъемлемым элементом проводимой социокультурной политики. Однако в современной России в данной сфере власть не занимается ее осуществлением единолично, а привлекает и другие субъекты. Государство не всегда способно своевременно и в необходимой мере отреагировать на решение тех или иных социокультурных вопросов (что на федеральном уровне, что на региональном), в связи с чем происходит привлечение, в частности, такого института гражданского общества, как общественные объединения.

В Федеральном законе «Об общественных объединениях» излагается определение понятия «общественное объединение»: им является «добровольное, самоуправляемое, некоммерческое образование, созданное по инициативе граждан, которые объединились на основе общих интересов для воплощения общих целей, указанных в уставе объединения» [16].

Привлечение общественных формирований к реализации государственной политики обусловлено тем, что они могут осуществлять свою деятельность в различных сферах, в том числе и тех, которым слабо или практически не уделяется внимание со стороны федеральной или региональной вла-

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

стей. Также их преимуществом является то, что организации могут быстрее отзываться на возникающие потребности граждан, вырабатывая решения. Услуги, ими оказываемые, зачастую характеризуются разнообразием, уникальностью, адресностью и новаторством [11, с. 162–163].

Деятельность и роль общественных объединений в построении гражданского общества можно рассмотреть на примере Волгоградского региона.

Направления работы общественных организаций разнообразны:

- организация досуга, например, проект «Фотостудия равных возможностей», проводимый организацией «Всероссийское общество слепых», – его главной целью является формирование комфортной обстановки для реабилитации и интеграции людей с инвалидностью через работу с фотографиями [10, с. 78];

- защита и помощь различным слоям населения (особенно выделяются малоимущие семьи, пожилые люди и ветераны, сироты, люди с инвалидностью), например, помощь во временном трудоустройстве несовершеннолетних, постоянном трудоустройстве людей с инвалидностью, женщин с детьми, оказываемая организацией «Международный центр подготовки кадров»;

- патриотическое воспитание, например, проведение и участие различных организаций (Волгоградское региональное отделение общероссийской общественной организации «Бессмертный полк России» и др.) в акциях «Бессмертный полк» и «Георгиевская ленточка» [20, с. 135];

- охрана окружающей среды, например, проведение эко-квеста «Тимуровцы-2019», организованного обществом «Экоинициатива» для уборки различной загрязненной местности [19];

- сохранение и популяризация культурного, исторического наследия, например, деятельность различных организаций (Волгоградская региональная общественная организация «Царицынский фонд культуры», Волгоградская региональная общественно-патриотическая организация «Клуб Сталинград» и др.) по защите и поддержанию археологических и исторических памятников [20, с. 135].

Также члены и руководители общественных организаций – неизменные участники многочисленных митингов, сборов подписей и круглых столов, посвященных историческим событиям (Сталинградская битва, победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.), различным проблемам (роль и значение культуры в России, сохранение исторического облика Набережной, вопросы устройства детского отдыха в регионе, основные ценности воспитания детей и молодежи) [6–8].

Данной деятельностью объединения, одновременно решая насущные проблемы населения, привлекает внимание общества к различным вопросам, способствуя общественной активизации граждан. Происходит формирование общественного мнения, люди берут на себя инициативы в самостоятельном разрешении местных вопросов, касающиеся их самих, тем самым влияя на скорость и эффективность выработки решений.

Происходит артикуляция интересов людей, с чем связаны и формирование у них политической культуры, правосознания, осознание своей роли в жизни общества, уверенности в возможности собственного влияния на общественные процессы, собственной значимости. Люди также учатся взаимопомощи и взаимопомощи, развивают культуру общения, веру в справедливость и законность [20, с. 133]. Чем шире будут представлены вышеизложенные процессы, тем активнее будет происходить развитие гражданского общества.

Только активные и политически осознанные граждане могут конструктивно воздействовать на органы власти, благоприятно влияя на выработку и проведение, в частности, социокультурной политики, способствовать развитию страны и региона.

Начиная с 2010 г., в докладах Совета Общественной палаты Волгоградской области «О состоянии гражданского общества в Волгоградской области» и докладах Комитета по делам территориальных образований, внутренней и информационной политики Волгоградской области «О ходе реализации государственной программы Волгоградской области «Развитие гражданского общества на территории Волгоградской области» всегда отмечались все возрастающая активность жителей региона, их консолидация, нашедшая выражение и в образовании общественных объединений [2–4, 5–8]. Начиная с 2017 г., Волгоградская область неизменно находится в лидирующей тройке (после Москвы

и Санкт-Петербурга) среди субъектов страны по грантовой поддержке, учрежденной Фондом президентских грантов, общественных организаций, действующих в социокультурной сфере, а количество проектов-победителей увеличивается с каждым годом: 30 – в 2016 г., 84 – в 2017 г., 120 – в 2018 г., 143 – в 2019 г [15].

Еще одним показателем развития гражданского общества является количество общественных организаций – отмечается расширяющийся, как территориальный, так и количественный охват функционирующих обществ в Волгоградской области: 2205 – в 2010 г., 3027 – в 2015 г., 4744 – в 2019 г. [4–5].

Однако, то влияние и имеющиеся у общественных объединений возможности используется еще в недостаточной мере. Такая ситуация также является результатом имеющихся у организаций взаимосвязанных проблем, с которыми они сталкиваются в осуществлении своей деятельности:

- недостаточность государственной финансовой поддержки;
- слабая информированность жителей региона об их деятельности;
- недостаточная степень участия населения в их деятельности;
- отсутствие достаточного внимания СМИ к их деятельности [13].

Перечисленные аспекты мешают развитию объединений в качестве эффективного института гражданского общества. Изложенные трудности все еще остаются актуальными, но работа по их решению проводится.

Также стоит отметить, что в России, где исторически сложилась модель с сильной и ведущей ролью государства по отношению к обществу, для эффективного развития гражданского общества важно установление крепких и конструктивных связей его институтов с властью. В Волгоградской области серьезно подходят к созданию такого партнерства.

В принятой в 2017 г. «Стратегии Волгограда 2030» большое внимание уделяется формированию условий, способствующих поднятию и результативному воплощению гражданской активности населения региона через оказание поддержки общественным организациям, передачу решения ряда вопросов в их ведение [14].

Помощь власти общественным объединениям, закреплённая в государственной программе «Развитие гражданского общества на территории Волгоградской области», принятой в 2017 г., выражена в виде различных федеральных и региональных льгот и субсидий, суммы которых растут с каждым годом.

Пока нельзя сказать, что институты гражданского общества, в частности, общественные образования, являются равными партнерами с государством. Однако, благодаря ряду проведенных в Волгоградской области мероприятий, можно сказать о создании благоприятных для этого условий, наличии постоянного диалога, например, представители различных общественных организаций являются: членами общественных советов при органах исполнительной власти; членами Общественной палаты [13]; членами попечительских советов в государственных учреждениях социальной сферы: в 2017 г. в советах 90 учреждений (из 332); в 2018 г. – в 101 учреждении (из 340); в 2019 г. – в 163 учреждениях (из 339) [2–4].

Таким образом, можно констатировать наличие в Волгоградской области благоприятных условий для развивающегося гражданского общества, где немаловажную роль играют потенциал и деятельность общественных объединений, использующиеся для модернизации региона.

Литература

1. Аренский П.А. Гражданское общество. Некоторые аспекты его становления в России // Alter Idem. 2008. Вып. 1. С. 7–13.
2. Годовой доклад о ходе реализации в 2017 году государственной программы Волгоградской области «Развитие гражданского общества на территории Волгоградской области». [Электронный ресурс]. URL: <http://uprt.volgograd.ru/current-activity/programs/results/godovoy-doklad-o-khode-realizatsii-v-2017-godu-gosudarstvennoy-programmy-volgogradskoy-oblasti-gosud/> (дата обращения: 02.01.21).
3. Годовой доклад о ходе реализации в 2018 году государственной программы Волгоградской области «Развитие гражданского общества на территории Волгоградской области». [Электронный ресурс]. URL: <http://uprt.volgograd.ru/current-activity/programs/results/godovoy-doklad-o-khode-realizatsii-v-2018-godu-gosudarstvennoy-programmy-volgogradskoy-oblasti-razvi/> (дата обращения: 02.01.21).

4. Годовой доклад о ходе реализации в 2019 году государственной программы Волгоградской области «Развитие гражданского общества на территории Волгоградской области». [Электронный ресурс]. URL: <http://uprt.volgograd.ru/current-activity/programs/results/godovoy-doklad-o-khode-realizatsii-v-2019-godu-gosudarstvennoy-programmy-volgogradskoy-oblasti/> (дата обращения: 02.01.21).
5. Доклад о состоянии гражданского общества в Волгоградской области и деятельности Общественной палаты Волгоградской области по активизации, модернизации и консолидации гражданского общества и государства в регионе в 2010 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://opvo.volganet.ru/zakony-i-dokumenty/> (дата обращения: 02.01.21).
6. Доклад о состоянии гражданского общества в Волгоградской области и деятельности Общественной палаты Волгоградской области по активизации, модернизации и консолидации гражданского общества и государства в регионе в 2011 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://opvo.volganet.ru/zakony-i-dokumenty/> (дата обращения: 02.01.21).
7. Доклад о состоянии гражданского общества в Волгоградской области и деятельности Общественной палаты Волгоградской области по активизации, модернизации и консолидации гражданского общества и государства в регионе в 2012 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://opvo.volganet.ru/zakony-i-dokumenty/> (дата обращения: 02.01.21).
8. Доклад о состоянии гражданского общества в Волгоградской области Российской Федерации в 2014 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://opvo.volganet.ru/zakony-i-dokumenty/> (дата обращения: 02.01.21).
9. Ирхин Ю.В. Гражданское общество в современной России: особенности, проблемы и тенденции развития // Социология власти. 2009. № 7. С. 16–28.
10. Карагодина О.А. Роль социально ориентированных НКО в решении проблем инвалидов и лиц с ОВЗ (на примере деятельности организаций Волгоградского региона) // Социодинамика. 2019. № 9. С. 75–81.
11. Кондратьева Д.А. Некоммерческие организации (НКО) и их роль в решении социальных проблем // Символ науки: междунар. науч. журнал. 2016. № 2-2(14). С. 162–164.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 29.12.20).
13. Постановление Администрации Волгоградской области от 26.10.17 года № 561-п «Об утверждении государственной программы Волгоградской области «Развитие гражданского общества на территории Волгоградской области». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/450366191> (дата обращения: 02.01.21).
14. Решение Волгоградской Городской думы от 25.01.17 года № 53/1539 «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Волгограда до 2030 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446507709> (дата обращения: 02.01.21).
15. Социально ориентированные НКО Волгоградской области участвуют в программе Фонда президентских грантов. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.volgograd.ru/news/178536/> (дата обращения: 02.01.21).
16. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения: 29.12.20).
17. Халиманенко К.В. Гражданское общество в России на современном этапе развития (вопросы теории и практики) // Проблемы становления гражданского общества: сборник статей V Междунар. науч. студенч. конф. (г. Иркутск, 24 марта 2017 г.). Иркутск: Иркутск. юрид. институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. Ч. I. С. 81–85.
18. Черненко М.В., Разбегаева Л.П. Идея правового государства в отечественной научной мысли: исторический аспект // Электрон. науч.-образоват. журнал ВГСПУ «Грани познания» 2013. № 6(26). С. 90–94. [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1381297701.pdf> (дата обращения: 27.12.20).
19. Экологические акции объединяют активную молодежь Волгоградской области. [Электронный ресурс]. URL: https://www.volgograd.ru/news/234914/?sphrase_id=578140 (дата обращения: 02.01.21).
20. Ягодка Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. 2015. № 4. С. 128–140.

DIANA DUNYAMALIEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE ROLE OF PRIVATE ASSOCIATIONS IN THE DEVELOPMENT OF THE CIVIC SOCIETY (at the example of the Volgograd region)

The article deals with the analysis of the activities and significance of the private associations as the institutes of the civic society in the Volgograd region in XXI century. There are considered the issues of the functioning of the private associations and the role of the government in the establishment of the constructive partnership with the private associations.

Key words: *civic society, sociocultural policy, private association, directions of the activities of private associations, state.*

УДК 94

А.В. ЖИРНОВА

(selisoto.isso38@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ЗАКОН ОБ ОБРАЗОВАНИИ 1958 Г. И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В СТАЛИНГРАДСКОМ
(ВОЛГОГРАДСКОМ) ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ
(по материалам газеты «Учитель»)***

Анализируется процесс реализации закона об образовании 1958 г. в Сталинградском (Волгоградском) педагогическом институте на основе материалов студенческой газеты «Учитель».

Представлено мнение студентов педагогического института по поводу внедрения закона об образовании в жизнь.

Ключевые слова: закон об образовании, газета «Учитель», высшая школа, СГПИ, реализация закона 1958 года.

Советская система образования не без оснований считалась конкурентоспособной. Благодаря ей СССР вышел в 1960-х годах на первые строчки в рейтинге самых образованных государств мира. Страна занимала лидирующее место по востребованности своих людей, чьи знания, опыт и навыки на благо родной страны всегда ценились. Советское образование считалось фундаментальным. В начале 1950-х годов назрела необходимость приблизить советскую систему образования к потребностям народного хозяйства, пути приближения которой обозначились на XIX съезде КПСС в октябре 1952 года. С 1954–1955 гг. наметился новый образовательный курс, который нашёл своё воплощение в «Законо о связи школы с жизнью» 1958 г., а также в хрущёвской реформе образования. Наша задача определить, как прошла реализация закона об образовании 1958 г в Сталинградском (Волгоградском) педагогическом институте и как к этому закону отнеслись студенты.

Сталинградский педагогический институт внес немалый вклад в формировании высококвалифицированных специалистов для нашей страны. Он прошёл длительный путь: Сталинградский индустриально-педагогический институт появился в 1931 г. К 1933 г. был открыт Учительский институт в СГПИ, поэтому прием студентов проводился в педагогический и учительский институты. В Великую Отечественную войну Сталинград был практически полностью разрушен, и учебные корпуса, которые находились в ведении института, удалось восстановить только к 1949 г. В последующие годы учебно-материальная база института развивалась быстрыми темпами, студенты продолжали получать образование и совершенствоваться в личностном плане.

Изучая историю высшей школы в СССР, было выявлено, что советская средняя и высшая школа формировались в рамках сталинской модели, выработанной еще в условиях первых пятилеток, единственной целью властных структур в отношении студенчества было формирование нового советского человека в духе преданности существующему общественно-политическому режиму. Анализ научной литературы по данной теме привел к выводу, что СССР занимал второе место в мире по численности студентов на 10000 человек населения, именно за счет усиленного развития высшего образования [4].

В работе Е.В. Чуткерашвили «Кадры для науки» (1968 г.) автор в разделе «Высшая школа 1959–1965 гг.» выделяет ключевые направления работы вузов со студентами, приводит статистические данные о контингенте студентов СССР и о его социальном составе [15]. В юбилейном издании «Высшая школа за 50 лет» студенчество рассматривается в контексте его вклада в развитие науки и техники в обозначенный период [6]. Ф.Г. Паначин дает характеристику основных мероприятий Совета Министров СССР, направленных на улучшение качественного состава студенческой молодежи в педагогических вузах [13]. В.П. Елютин анализирует количественные данные о приеме студентов на обучение по конкретным специальностям и их выпуске с 1960 по 1965 гг. [8].

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

На региональном уровне исследований по реализации закона об образовании 1958 г. в Сталинградском (Волгоградском) педагогическом институте 1950-х–1960-х гг. не имеется. В обобщающих работах историков Волгограда – «Очерки истории Волгоградской областной организации КПСС», «50 лет Волгоградскому политехническому университету», «Волгоград. Четыре века истории», «Отечественная история: россияне в мировой цивилизации», «Волгоградский государственный медицинский институт» (1983) содержатся фрагментарные сведения о развитии высшего образования в регионе в этот период [11].

К середине 1950-х гг. система народного образования страны нуждалась в преобразованиях. В связи с этим руководством СССР готовилась реформа системы народного образования 1958–1961 гг. Верховный Совет СССР принял Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958). Так, одним из нововведений реформы стало право абитуриентов, имеющих стаж работы, поступать в вуз без испытаний и конкурса. Преимущественным правом при поступлении обладали лица, имеющие производственный стаж и демобилизованные из рядов Советской Армии и Военно-Морского флота [Там же]. Также для студентов «наиболее целесообразно сочетание обучения с работой на производстве по системе вечернего или заочного образования на первых двух курсах, т. е. «без отрыва от производства» (ст. 30)» [14]. Что касается непосредственно студентов СГПИ, то в ст. 33 говорилось о «усилении значения производственной и педагогической практики в подготовке учителей» [Там же].

Как восприняли данную реформу в Сталинградском педагогическом институте и начали реализовывать её основные положения мы можем узнать из институтской газеты «Учитель», которая была создана в 1956 г. Первым редактором студенческой газеты был Ф.Т. Зиннуров. Основные задачи и направления работы газеты определены были в первом её выпуске: «...Газета должна систематически освещать состояние научно-исследовательской работы в институте, вопросы укрепления связи кафедр и студенчества со школой, оказания научно-методической и практической помощи учителям города и села» [7]. Газета становилась трибуной, где студенты могли выражать свое мнение по происходившим событиям не только в институте, но и в масштабе области и страны. В «Учителе» постоянными рубриками были «Партийная жизнь», «Письма в редакцию», «Учебные будни», «В парткоме института», «Цифры и факты» и др. В данных рубриках преподаватели института и студенты рассказывали о результатах заседаний партийных организаций, освещали свою учебную, научно-исследовательскую работу, общественную деятельность, рассказывали о проходивших в стенах вуза мероприятиях, высказывали свои точки зрения по волнующим вопросам, вносили предложения по улучшению учебного процесса, жилищно-бытовых условий и т. д.

Уже первый выпуск газеты выделяет те ключевые направления в работе института, которые объединяют работу кафедр, всех структурных подразделений и студентов. Так уже на первой странице первого выпуска газеты «Учитель» в рубрике «Овладевать знаниями, глубже вникать в жизнь» мы видим материал о студентах-активистах, которые готовы всегда помочь своим товарищам. Член студкома общежития А. Аристов писал об улучшении жилищно-бытовых условиях студентов, особо отметив, «...что особенно важно, был вновь организован красный угол...» [2]. Также он говорил о недостатках, а именно о холодных батареях в комнатах студентов из-за введения в эксплуатацию нового здания, о непригодности спортплощадки. На страницах первого выпуска «Учителя» писалось о научном студенческом обществе (далее СНО), о задачах его работы и перспективах. Секретарь совета СНО Н. Кошкарлова говорила о работе совета СНО, которая была направлена на широкое вовлечение студентов в научные кружки [9]. В своем выступлении секретарь осветила результаты прошедшей ранее в стенах института научной студенческой конференции.

Что касается вопроса о том, как восприняли реформу народного образования (1958) в нашем институте, то видим, что в статье Б.Ф. Райского «За подлинную связь школы с жизнью» [12] говорилось об обсуждении изменений в системе народного образования. Студенты и преподаватели высказывали различные точки зрения, но все они исходили из утверждения, что средняя школа, с имеющими-

ся задачами и методами обучения, не удовлетворяет потребности общества в области воспитания и образования. В статье «С профсоюзной конференции» выпуска газеты «Учитель» 1959 г. [10] мы видим, что в институте обсуждались вопросы готовности кафедр, факультетов и отделов институтов к началу учебного года; вопросы подготовки и проведения полевых работ и производственных практик, а также издательской деятельности института. Участники профсоюзной конференции обсуждали вышедший в 1958 г. закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», а конкретно – записки Н.С. Хрущёва о перестройке работы среднего и высшего образования. На основе этого закона перед сотрудниками института ставились задачи улучшения профессиональной подготовки студентов и укрепления связи кафедр со школой.

Задачи, которые решал педагогический институт в конце 1950-х – начале 1960-х гг., созвучны современным требованиям федеральных государственных стандартов. Так, важнейшим направлением в работе института в рамках реализации закона 1958 г. стало укрепление взаимодействия с образовательными учреждениями, расширение форм сотрудничества, создание условий для погружения студентов в учительскую профессию с младших курсов. Для овладения практическими умениями в области воспитательной работы со школьниками все студенты 1–3 курсов распределялись по школам города. Они частично выполняли поручения классных руководителей. Летом студенты работали на практике в пионерских лагерях или в ученических производственных бригадах. В шестидесятые годы педагогическая практика стала массовой и длительной. Она проходила в 80-ти школах города и области, в которых более 1600 студентов вели занятия и общественно-полезную работу [5].

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования СССР», в 1958 г. был взят курс на усиление взаимосвязи теоретического обучения с производственной практикой, а также на внедрение результатов научных исследований студентов в производство. В 1959 г. был утвержден приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР, который не только определял порядок прохождения практики, но и обязал предприятия, сотрудничающие с вузами, выделять для практикантов оплачиваемые рабочие места, оплата труда которых составляла оклад штатного работника. Однако, на местном уровне оплата труда либо составляла 50% от оклада, либо же не выплачивалась вовсе.

Что касается укрепления связи процесса подготовки студентов с жизнью, то директор института С.М. Дроздов считал, что в целом «надо больше внимания уделять трудовому воспитанию будущих учителей. Необходимо организовать участие студентов в сельскохозяйственных работах, сделать это участие регулярным. Привлекать студентов к выполнению хозяйственных работ в институте. Намеченная перестройка системы народного образования не только улучшит работу школы, но и повысит уровень подготовки специалистов» [7]. В одном из выпусков газеты «Учитель» отмечено, что студенты выступили с предложением увеличить педагогическую практику с 1,5 до 2,5 месяцев, что дало бы возможность посвятить себя школьным делам без ущерба для академических занятий [1]. Ведь практика – это отличная возможность получить опыт погружения в будущую профессию. Соотношение теоретической и практической подготовки студентов зависело от профиля специальности: на естественнонаучных специальностях практика занимала от 20 до 30% от общего объема часов, на гуманитарных специальностях от 15 до 20% [11].

В выпуске газеты «Учитель» за 1960 г. студенты отмечали, что уходящий год был очень плодотворным и интересным. Одним из ярких событий в жизни институтской комсомольской организации было открытие в СГПИ школы общественных профессий, где студенты, оканчивающие институт, наравне с дипломом получали удостоверение лекторов-общественников, культмассовиков, общественных инструкторов и т. д. В статье «Задачи решаются успешно» секретарь комсомольской организации Т. Байкова отмечала, что значительная работа была проведена на естественно-географическом факультете. «Комсомольская организация добилась определенных успехов в решении основной задачи – подготовки высококвалифицированных педагогов для советской школы» [3]. Отмечалось, что студенты с большим одобрением приняли закон об укреплении связи школы с жизнью.

Таким образом, можно утверждать, что новый закон дал мощный импульс для дальнейшего развития высшей школы в нашей стране. Изменения коснулись также Сталинградского педагогического института, его учебно-воспитательной сферы. По-иному стали строиться учебные занятия, усилилась их практикоориентированная направленность. Большое внимание уделялось в институте проблеме перестройки школы на основе соединения обучения с трудом, расширились связи со школой.

Для конца 1950–1960-х годов для высшего образования было характерно соединение теоретического обучения с производственной практикой. СГПИ в рамках закона об образовании 1958 г. постепенно проводил профессиональную подготовку кадров. Взаимодействие государственных и общественных структур вузов в образовательной политике позволяло осуществлять эффективный контроль над ее реализацией на местном уровне. Об отношении студентов тех лет к реформе 1958 г. мы можем узнать из студенческой газеты «Учитель», которую можно считать основным источником о жизни студентов, их мнении и мнении преподавателей об изменениях в области высшего образования.

Литература:

1. Андреев Г. Студенты предлагают // Учитель. 1958. 30 дек. С. 1.
2. Аристов А. Загляните в общежитие // Учитель. 1956. 4 дек. С. 2.
3. Байкова Т. Задачи решаются успешно // Учитель. 1960. 6 апр. С. 2.
4. Бовкун В.В. Образ жизни советской молодежи: тенденции, проблемы, перспективы. М.: Высш. шк., 1988.
5. Волгоградский государственный социально-педагогический университет (1931–2011 гг.). Краткая история. 2-е изд., испр. и доп. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2011.
6. Высшая школа СССР за 50 лет. 1917–1967 гг. / под ред. В.В. Елютина. М.: Высш. шк., 1967.
7. Дроздов С.М. Готовить молодежь к производственному труду. // Учитель. 1958. 4 нояб. С. 1.
8. Елютин В.П. Развитие высшей школы в СССР. М.: Высш. школа, 1971.
9. Кошкарлова Н. О научном студенческом обществе // Учитель. 1956. 4 дек. С. 2.
10. Морозов А. С профсоюзной конференции // Учитель. 1959. 19 мая. С. 2.
11. Николаенко А.Н. Реализация государственной политики в отношении студенческой молодежи в 1960-е – первой половине 1980-х гг.: на примере вузов Волгограда: дис. ... канд. истор. наук. Волгоград, 2013.
12. Райский Б.Ф. «За подлинную связь школы с жизнью» // Учитель. 1958. 30 сент. С. 1.
13. Советская школа на современном этапе / ред. под ред. Н.П. Кузина, М.Н. Колмаковой. М.: Педагогика, 1977.
14. СССР. Законы и постановления. Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР. М.: Известия, 1958.
15. Чуткерашвили Е.В. Развитие высшего образования в СССР. М.: Высш. шк., 1961.

ANASTASIYA ZHIRNOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

EDUCATION ACT OF 1958 AND ITS IMPLEMENTATION IN STALINGRAD (VOLGOGRAD) PEDAGOGICAL INSTITUTE (based on the newspaper “Teacher”)

The article deals with the analysis of the implementation of the education act of 1958 in Stalingrad (Volgograd) Pedagogical Institute based on the data of the students' newspaper “Teacher”. There is presented the opinion of the students of the pedagogical institute concerning the implementation of education act in the life.

Key words: *education act, newspaper “Teacher”, higher school, Stalingrad State Pedagogical Institute, implementation of the act of 1958.*

УДК 93/94

М.А. КАЗЕЕВА
(maruikazeeva@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ОБРАЗ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ НАЧАЛА XX В.
ПО ВИЗУАЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ
(к постановке проблемы)***

Рассматривается образ монархической власти, сложившийся в России к началу XX в., на примере визуальных источников. Показана возможность использования общедоступной фотодокументальной базы прошлого для реконструирования исторических процессов и событий, а также восстановления материальной культуры.

Ключевые слова: история России, монархия, регалии, православие, народность, визуальные источники, фотодокументы.

Октябрь 1917 г. в России стал переломным моментом на пути развития страны и ее населения. Резкая критика результатов правления императоров большевиками привела к установлению ненависти в народном менталитете к монархической форме правления как таковой наряду с тяжелым и долгим процессом отказа от идеи народности и православия.

Существовавшая длительное время государственная идеология «православие, самодержавие, народность» имела своей целью служение нравственному идеалу через религию. Православие, в свою очередь, строилось на патриархальных началах, где глава семьи, а в государстве – глава народа был не объектом всеобщего устрашения, а человеком мудрым и почитаемым, наместником Бога на земле. Воспитание и обучение русских императоров всегда исходило из общей цели служения народу. Со второй четверти XIX в. Министерство народного просвещения активно внедряло идею в круги молодежи для установления определенного образа гражданственности русского человека в противовес революционным идеям, распространяющимся в определенных кругах российского общества. Тем не менее, до конца XIX столетия государство развивалось в духе принятия широкими массами населения индивидуального пути развития Российской империи.

Образ монархической власти формировался в соответствии с тремя составляющими теории официальной народности «самодержавие, православие, народность» и в полном объеме отражался в социокультурной жизни народа посредством храмового строительства, создания монументальных памятников монархам, а также проведения торжественных празднеств с участием императорской семьи, которые формировали духовный облик царя в умах населения.

К сожалению, фотодокументальных подтверждений на сегодняшний день недостаточно. Объективное противостояние идеологий (монархическая Россия – Советская Россия) привела к повсеместному уничтожению культурного и исторического наследия предыдущей эпохи (за исключением памятников Петру I, Екатерине II и Николаю I в Петербурге). И все же реконструировать образ монархической власти, сложившийся к началу XX в., возможно по имеющимся в открытом доступе фотодокументам, транслирующим образы, символы и знаки посредством визуализации прошлого. Данное положение и определяет научную актуальность темы.

Целью работы выступает исследование фотодокументальной базы периода конца 1855–1905 гг. и выявление степени фиксации на ней образа монархической власти в России. Целью были предопределены задачи: 1) провести концептуальный анализ общедоступной фотодокументальной базы периода; 2) раскрыть формы отражения образа монархической власти в России к нач. XX в. в фотодокументах.

В процессе анализа репрезентативных сайтов «История России в фотографиях» [5], «Российский государственный архив кинофотодокументов» [17] было отобрано 35 визуальных источников, которые

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

в разной степени отражают образ монархической власти через изображение: 1) монументальных памятников; 2) храмового строительства; 3) событий общественной жизни.

Так, уже 8 марта 1881 г., через неделю после убийства Александра II, московский городской голова Сергей Третьяков предложил установить в Кремле монумент в память о погибшем самодержце (рис. 1). Его инициатива была поддержана гласными городской думы и правящим императором Александром III [16]. Монумент заложили в 1893 г. в юго-восточной части Кремля над склоном холма, обращенным к Москве-реке. В его создании принимали участие архитектор Н.В. Султанов, скульптор А.М. Опекушин и художник П.В. Жуковский. Строительство велось в течение пяти лет на всенародные пожертвования [1].

Рис. 1. Павлов П. Памятник Александру II в Кремле [12]

Торжественное открытие памятника в присутствии представителей всех сословий состоялось 16 августа 1898 г. В восемь утра с Тайницкой башни прозвучали пять пушечных выстрелов. Церемония открытия началась в два часа дня с крестного хода из Чудова монастыря. После того как митрополит Московский Владимир отслужил молебен, сыграли «Преображенский марш» и выстрелили из пушек 360 раз. Церемонию закрывал парад войск, которым командовал император Николай II [19].

Монумент был выполнен в псевдорусском стиле и представлял собой мемориальный комплекс, состоявший из бронзовой статуи Александра II, шатровой сени над ней и здания с галереями. Скульптура была установлена на прямоугольном пьедестале и изображала императора, стоящего в генеральском мундире, в порфире и со скипетром. На пьедестале размещалась надпись: «Императору Александру любвию народа». Центральную фигуру императора, обращенную в сторону Ивановской площади, с трех сторон окружала сквозная арочная галерея, на сводах которой размещались 33 мозаичных портрета русских государей от св. Владимира до Николая I [1].

Можно констатировать, монумент императору Александру II содержит идею народности (надпись на пьедестале, всеобщность сборов денежных средств, торжественность открытия в присутствии представителей всех сословий); самодержавия (портреты всех русских государей, расположенные

на арочной галерее, шатровая сень, порфира и скипетр – символ самодержца всех земель русских), православия (молебен митрополита Московского Владимира на церемонии открытия и крестный ход в завершении события, багряница на статую императора).

Известна и дальнейшая судьба памятника Александру II в Кремле на Ивановской площади: в 1918 г. была убрана статуя императора, а оставшаяся часть монумента взорвана спустя десять лет. Фотография остается единственным источником для визуализации событий открытия памятника и внедрения идеи монархической власти в народное сознание.

Фотография неизвестного автора «Памятник Александру III» (рис. 2), созданная в 1900-е годы визуализирует образ императора в представлениях российских промышленных рабочих. Надпись на пьедестале гласит: «Население Кушвинского завода незабвенному монарху в память чудесного события 17 октября 1888 года». Дата вошла в историю событием крушения императорского поезда между станциями Тарановка и Борки Курско-Харьковско-Азовской железной дороги. Авария принесла трагическую смерть немалому количеству человек [7].

Рис. 2. Памятник Александру III [13]

Событие называлось чудесным – император и его семья смогли уцелеть. Подданные спустя много лет после трагедии и смерти Александра III продолжали воздвигать бюсты и монументальные статуи императора на добровольные взносы.

Как и многие другие памятники царской власти, данный монумент был отправлен на переплавку в 1917 г., но в 2020 г. – образ самодержца полностью восстановили на прежнем месте благодаря фотографическому наследию [11].

Увековечивание выдающихся личностей истории в монументальной скульптуре: памятник Николаю I (см. рис. 3 на с. 44), памятник святому Владимиру (см. рис. 4 на с. 44), памятник царю Михаилу Федоровичу и Ивану Сусанину (см. рис. 5 на с. 44) дают представление о складывании культурных образцов в российском обществе второй половины XIX в., идейной составляющей которых являлась теория официальной народности.

Рис. 3. Лоренс А. Памятник Николаю I [9]

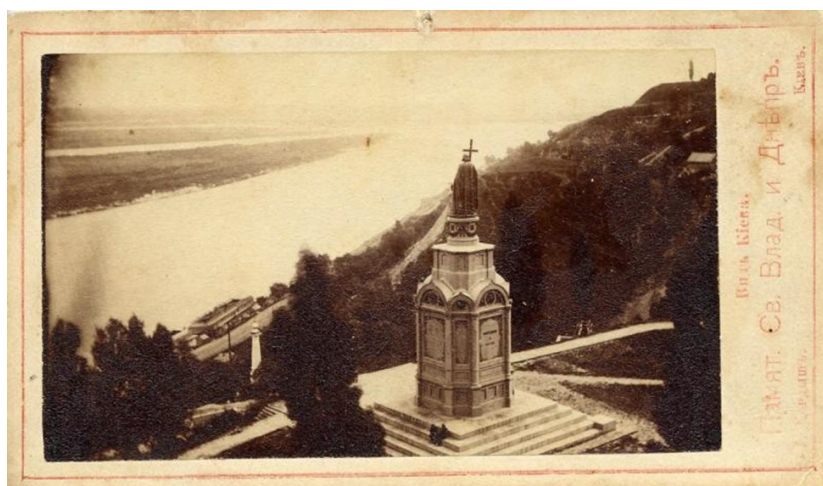

Рис. 4. Кордыш И. Памятник святому Владимиру и Днепр [8]

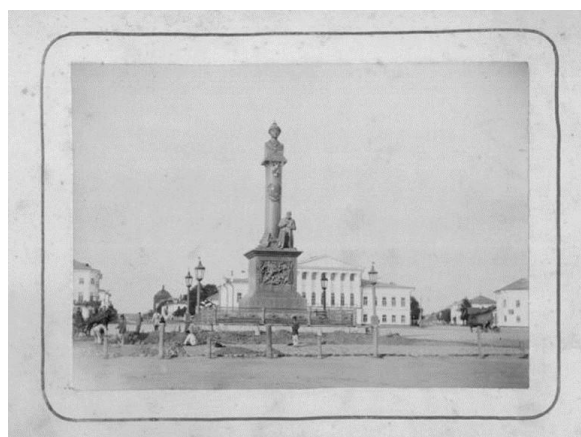

Рис. 5. Кордыш И. Памятник царю Михаилу Федоровичу и Ивану Сусанину [9].

Снимки, на которых запечатлен результат храмового строительства в России рассматриваемого периода [6], примечательны наличием сведений, объясняющих сакральность храмовых сооружений для представителей всех сословий: расположение на возвышенности, внешнее и внутренне убранство (рис. 6).

Особо важным является общенародное участие в выборе места и открытии культовых сооружений, предназначенных для совершения богослужений и религиозных обрядов (рис. 7), (см. рис. 8 на с. 46). Положение дает возможность констатировать «наличие» основных составляющих народного самосознания – народности и православия.

Рис. 6. Браборков П. Строительство храма в Стара-Загоре [2]

Рис. 7. Подъем креста на Спасо-Преображенскую церковь [14]

Помимо сооружения и открытия памятников, храмов, церквей, домов культуры, музеев, ярмарок, сельскохозяйственных выставок, университетов и школ, общенациональными событиями (имеющими высокую идеологическую значимость) являлись: коронация императора на престол (см. рис. 9, 10 на с. 46), празднование «Романовских дней» (см. рис. 11 на с. 47).

Рис. 8. Закладка строительства храма. 1901 г. [4]

Рис. 9. Булла К. (фотоателье). Торжественный въезд императора Николая II на территорию Кремля. 1896 г. [3]

Рис. 10. У Красных ворот в дни коронации Николая II. 1896 г. [17]

Рис. 11. Празднование «Романовских дней».
Проезд кортежа в Кремле на фоне Москвы. Дата съемки: 24 мая 1913 г. [15]

Подводя итог, выделим основные моменты. Социокультурное развитие России рубежа начала XX столетия проходило в условиях продолжающейся модернизации экономики, трансформации общественных отношений, реформ и контрреформ. Изменение всех сфер общественной жизни государства приводило к революционным настроениям в обществе, росту агитации за переустройство веками действующего государственного строя страны. Однако, фотодокументы того периода свидетельствуют, что в противовес шло активное формирование образа монархической власти, усилилась пропаганда триады «православие, самодержавие, народность». Этот процесс, его визуализация – возведение монументальных памятников монархам; храмовое строительство; особо значимые события общественной жизни с участием главы государства – закреплены в фотодокументах конца XIX – начала XX веков.

Литература

1. Александру II – памятник монумент // Музеи Московского Кремля. [Электронный ресурс]. URL: <https://kremlin-architectural-ensemble.kreml.ru/architecture/view/aleksandru-ii-pamyatnik-monument/> (дата обращения: 15.12.2020).
2. Браборков П. Строительство храма в Стара-Загоре // История России в фотографиях. [Электронный ресурс]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1905/?index=7&query=%D1%85%D1%80%D0%B0%D0%BC%D1%8B&paginate_page=5&page=5 (дата обращения: 10.11.2020).
3. Булла К. (фотоателье). Торжественный въезд императора Николая II на территорию Кремля. 1896 г. // История России в фотографиях. [Электронный ресурс]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1894-1905/?query=%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F&page=3&index=5&paginate_page=3 (дата обращения: 10.11.2020).
4. Закладка строительства храма. Новгородская губ., Боровичский у., пос. Кошели // История России в фотографиях. [Электронный ресурс]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1905/?query=%D1%85%D1%80%D0%B0%D0%BC%D1%8B&page=5&index=9&paginate_page=5 (дата обращения: 10.11.2020).
5. История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции: [сайт]. URL: <https://russiainphoto.ru/> (дата обращения: 09.06.2021).
6. Казеева М.А. Социокультурное развитие России второй половины XIX – начала XX в. в фотодокументах: храмовое строительство // Студен. электрон. журнал «СТРИЖ». 2020. № 6(35.2). С. 119–123. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh.vspu.ru/files/publics/1609260325.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).
7. Кони А.Ф. Крушение царского поезда в 1888 году. Т. 1. Из записок судебного деятеля. М.: Изд-во «Юридич. лит-ра», 1966–1969 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://dslov.ru/txt/357/t357_16.htm (дата обращения: 15.12.2020).
8. Кордыш И. Памятник святому Владимиру и Днепр // История России в фотографиях. [Электронный ресурс]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?tag_tree_ids=33716&paginate_page=2&index=2&page=2 (дата обращения: 10.01.2020).

9. Кордыш И. Памятник царю Михаилу Федоровичу и Ивану Сусанину // История России в фотографиях. [Электронный ресурс]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?tag_tree_ids=33716&index=1&page=2&paginate_page=2 (дата обращения: 10.01.2020).
10. Лоренс А. Памятник Николаю I // История России в фотографиях. [Электронный ресурс]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1855-1881/?tag_tree_ids=33716&index=3&page=1&paginate_page=1 (дата обращения: 10.01.2020).
11. Открытие восстановленного памятника императору Александру III в Кушве // Русская Православная Церковь. Нижнетагильская епархия. [Электронный ресурс]. URL: <https://tagileparhiya.ru/54308-2/> (дата обращения: 15.12.2020).
12. Павлов П. Памятник Александру II в Кремле // История России в фотографиях. [Электронный ресурс]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1840-1999/?query=%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA++%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D1%83+ii+%D0%B2+%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%BB%D0%B5&page=1&index=1&paginate_page=1 (дата обращения: 10.01.2021).
13. Памятник Александру III // История России в фотографиях. [Электронный ресурс]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1865-1917/?tag_tree_ids=23298&page=7&query=%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA&index=5&paginate_page=7 (дата обращения: 15.12.2020).
14. Подъем креста на Спасо-Преображенскую церковь // История России в фотографиях. [Электронный ресурс]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1840-1999/?paginate_page=1&page=1&index=1&query=%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%8A%D0%B5%D0%BC+%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0+%D0%BD%D0%B0+%D1%81%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BE-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%8E+%D1%86%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C (дата обращения: 11.12.2019).
15. Празднование «Романовских дней». Проезд кортежа в Кремле на фоне Москвы. Дата съемки: 24 мая 1913 г. // История России в фотографиях. [Электронный ресурс]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1900-1917/?tag_tree_ids=23298&page=10&query=%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA&index=9&paginate_page=10 (дата обращения: 10.11.2020).
16. Романюк С.К. Сердце Москвы: От Кремля до Белого города. М.: Центрполиграф, 2013.
17. Российский государственный архив кинофотодокументов: [сайт]. URL: <http://www.rgakfd.ru/> (дата обращения: 09.06.2021).
18. У Красных ворот в дни коронации Николая II. 1896 г. // История России в фотографиях. [Электронный ресурс]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1894-1905/?query=%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F&page=2&index=1&paginate_page=2 (дата обращения: 10.11.2020).
19. Юдаков И.Ю. Московский Кремль. Красная площадь: путеводитель. М.: Вече, 2007.

MARIYA KAZEEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE IMAGE OF MONARCHICAL POWER IN RUSSIA AT THE BEGINNING
OF THE XXTH CENTURY BY THE MEANS OF THE VISUAL SOURCES
(problem statement)**

The article deals with the image of the monarchical power in Russia at the beginning of the XXth century based on the visual sources. There is demonstrated the potential of the use of the popular photo document base of the last for the reconstruction of the historical processes and events and the reconstruction of the material culture.

Key words: *Russian history, monarchy, regalia, Orthodoxy, nationality, visual sources, photo documents.*

УДК 378.095

Д.В. КАКИЧЕВА
(kakicheva99@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ КОНТИНГЕНТОВ В ВУЗАХ СТАЛИНГРАДА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД*

Анализируется нормативно-правовая база, направленная на создание механизмов по увеличению студенческих контингентов в вузах. Рассматриваются меры по увеличению студенчества в г. Сталинграде в период с 1945 по 1953 гг. Выявляется динамика студенческих контингентов в послевоенный период в г. Сталинграде.

Ключевые слова: *высшие учебные заведения, студенты, приемная кампания, план набора, качественный состав студентов.*

75 лет прошло с начала Великой Отечественной войны, но многие вопросы все еще остаются малоизученными. Одним из таких вопросов является работа по восстановлению высших учебных заведений в послевоенное время.

Современная система высшего профессионального образования переживает период трансформации, т. к. наряду с государственными появляются и частные негосударственные образовательные учреждения. Система высшего образования является социальным институтом, занимающим одно из ключевых мест в структуре духовной культуры нашей страны. Информатизация общества, ускорение научно-технических преобразований делают исключительную роль культурно-образовательных учреждений в системе социально-общественных институтов, т. к. именно эти учреждения определяют будущие перспективы не только социально-экономического прогресса, но и всего общества в целом. Образование, являясь подсистемой системы духовной культуры общества, существует в конкретной среде социума, который детерминирует задачи, решаемые каждой из этих подсистем.

Для успешного решения проблем, возникающих в современном обществе и в сфере культуры, в том числе необходимо кардинальное решение задач, относящихся и к системе высшего образования в целом.

Новизна, оригинальность, формы развития просвещения должны соответствовать духу времени и запросам общества. Однако наряду с этим необходима преемственность, анализ опыта становления высшего образования, в том числе и в послевоенный период.

Анализ развития духовной сферы на определенном этапе развития позволяет установить взаимосвязь между культурными процессами и социально-политическими условиями того времени. Это особенно полезно для развития современной системы образования, т. к. позволяет уяснить ошибки и выявить различные практики, чтобы избежать их в будущем и исключить возможные деформации, т. к. сутью любого прогресса является базирование и опора на опыт предыдущих исторических результатов, использование методов, форм и практик пусть и в трансформированном виде.

Великая Отечественная война стала героической, но вместе с этим и трагической страницей в истории нашего государства. Были разрушены и сожжены тысячи сел, деревень, городов. Уничтожено множество предприятий. Огромный урон был нанесен культурным учреждениям: сожжены, разорены библиотеки, музеи, архивы.

Вернувшись в мирное время, необходимо было восстанавливать хозяйство, налаживать работу учреждений культуры, здравоохранения и образования, развивать государственную экономику. Вместе с развитием промышленности актуальной задачей стало восстановление высших учебных заведений, которые готовили квалифицированные рабочие кадры для важнейших отраслей народного хозяйства.

В данной статье мы рассмотрим меры, которые осуществлялись в послевоенный период по увеличению контингента студентов.

* Работа выполнена под руководством Белицкой М.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Научная новизна исследовательской работы заключается в том, что впервые на основе ранее не привлекаемых к изучению данной темы источников вузовских и региональных архивов, а также периодической печати проведено комплексное исследование процесса формирования студенческих контингентов вузов Сталинграда в послевоенный период. В работе выявлены особенности обозначенного процесса, проанализирован опыт Сталинградских вузов в контексте общегосударственных народно-хозяйственных задач страны. Исследование восполняет пробелы в историографии высшего образования в восстановительный период и вводит новые факты в научный оборот.

В соответствии с «Законом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» планировалось «довести количество студентов в высших учебных заведениях в 1950 г. до 674 тыс. человек; установить за пятилетие выпуск оканчивающих высшие учебные заведения молодых специалистов в количестве 602 тыс. человек» [1, с. 53].

В ходе реализации данного плана в 1945/46 учебном году количество поступивших в вузы страны по сравнению с 1939/40 учебным годом увеличилось в 1,26 раз, и составило 1015,9 тыс. человек. Реализация намеченного плана проходила в сложных условиях, что влияло на формирование студенческих контингентов.

Рассмотрим подробнее нормативно-правовые документы, которые на государственном уровне регламентировали данный процесс. В Конституции СССР 1936 г. и правилах приема в вузы было зафиксировано, что любой человек может получить высшее образование. Существовало единственное возрастное ограничение, абитуриент должен был быть не старше 35 лет. Изменения в правилах приема 1944 г. и в последующие годы указывали на то, что равенство прав всех граждан на получение высшего образования не было достигнуто. Начиная с первых послевоенных лет, для абитуриентов предоставлялись различные льготы при поступлении, а также были введены дополнительные требования. Это было связано с идеологическими установками и экономическими потребностями государства.

Однако, многие вузы страны столкнулись с целым рядом проблем при организации приемных кампаний. Главная проблема приемных кампаний рассматриваемого в работе периода заключалась в недостатке абитуриентов. В первую очередь это было связано с большими человеческими потерями в годы Великой Отечественной войны. Еще одной проблемой являлся постоянный рост набора в вузы, что было связано с нехваткой специалистов в отраслях народного хозяйства.

После окончания войны существовало платное образование. Ситуация сложилась таким образом, что среди населения государства, проживавшего в тяжелых послевоенных условиях, не каждый мог позволить себе обучение в вузе. При этом государству необходимы были средства для восстановления СССР после войны, вследствие чего оно не могло отказаться от данной системы. Однако все же, страна предоставила помощь с освобождением от платы за обучение для определенных категорий студенчества. В период с 1945 по 1946 гг. дети военнослужащих, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, а также дети инвалидов I и II групп имели право освобождения от оплаты за обучение. 1 июня 1946 г. Героев Советского Союза, Героев Социалистического труда также освободили от оплаты, кроме этого им была учреждена повышенная стипендия в размере 400 рублей ежемесячно: «Продлить до конца 1946 года действие Постановления Совнаркома СССР от 4 июня 1943 г. № 632 “О льготах для семей военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах Отечественной войны”; “Распространить на детей военнослужащих рядового, сержантского и старшего состава, погибших на фронтах Отечественной войны, а также на детей инвалидов Отечественной войны I-й группы действие Постановления Совнаркома СССР от 2 июля 1941 г. № 1803 “Об освобождении от платы за обучение детей рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии и Военно-морского флота”; “Дети офицеров, погибших на фронтах Отечественной войны и офицеров-инвалидов Отечественной войны, освобождаются от платы за обучение в соответствии с распоряжением Совнаркома СССР от 5 декабря 1944 г. № 22534-р.» [6].

Среди документов, способствовавших повышению количества студентов в вузах 13 июня 1945 г. было принято Постановление СНК СССР. Согласно документу для ряда категорий были определены льготы при поступлении. Так, абитуриент, окончивший среднюю школу с золотой медалью, имел пра-

во поступить в вуз без каких-либо дополнительных испытаний, независимо от года окончания школы. Участники Великой Отечественной войны могли быть зачислены в высшие учебные заведения вне конкурса и освобождались от платы за обучение на подготовительных курсах [5].

Таким образом, молодые люди, получившие в 1944 г. аттестат с отличием, а с 1945 г. золотую медаль, зачислялись вне конкурса. Все остальные должны были сдавать вступительные испытания. Что касается медицинских вузов, то для них существовали дополнительные льготы для поступления без экзаменов. Эти льготы были предоставлены тем абитуриентам, которые окончили средние медицинские учреждения с отличием и вошли в 5% бронь. Вступительные экзамены, как правило, сдавали с 1 по 20 августа, а зачисление проводилось до 25 августа [12, с. 91].

Сталинград в восстановительный период стал городом – примером для всей страны. Восставший из руин он активно развивался: в период с 1943 по 1944 г. произошло увеличение населения города почти в 8 раз; восстанавливалась тракторная промышленность, которая являлась важнейшей хозяйственно-политической задачей. Сталинград возрождался как крупный индустриальный центр юга СССР [8]. Для этого требовалась создание системы жизнеобеспечения городского населения и работников строительной индустрии. Расширение студенческих континентов должно было способствовать активному социально-экономическому развитию города.

В Сталинграде во второй половине 1940-х годов работали Сталинградский медицинский институт, Сталинградский механический институт, Сталинградский педагогический институт, Сталинградский сельскохозяйственный институт. Особенностью формирования студенческих континентов в Сталинграде стало развитие широкой агитационной кампании по приему в городские вузы. С целью привлечения абитуриентов проводилась активная агитация через каналы средств массовой информации: радио и газеты. В средние школы Сталинграда и области направлялись информационные письма и проводились встречи с профессорско-преподавательским составом.

Так, например, в 1951 г. в рамках приемной кампании для агитации абитуриентов проводились следующие мероприятия: четыре раза были сделаны объявления в газетах о приеме; два раза проведены беседы по всем школам Сталинграда; расклеены объявления о приеме по всем школам и наиболее людным местам города; в газете «Молодой ленинец» напечатана статья – проспект о медицинском институте; на вечере выпускников десятиклассников было сделано выступление с призывом поступать в мединститут; в 18 наиболее крупных районов области были сделаны выезды профессоров и доцентов для проведения бесед со школьниками 10 классов о мединституте. Все студенты 4 курса, поехавшие на практику, также были обязаны вести агитационную работу среди молодежи.

Для привлечения студентов в вновь построенный Сталинградский институт инженеров городского хозяйства, в журнале «Жилищно-коммунальное строительство» были опубликованы материалы, рассказывавшие о вновь построенном институте, о требованиях которым должен соответствовать инженер-строитель широкого профиля. С этой же целью информация о вузе была опубликована в Справочнике для поступающих в вузы [9].

Однако, несмотря на проводимую работу, существовала проблема недоборов в вузы. Она была связана с непрохождением абитуриентами вступительных испытаний. Экзаменаторами отмечалось снижение уровня знаний, особенно среди точных наук.

Особое внимание было направлено в сторону технических вузов, поскольку страна нуждалась в восстановлении и развитии промышленного производства. В Сталинградский механический институт в 1945/46 учебном году вместо планового набора в 270 человека приняли лишь 172 человека [2]. Большинство поступивших на первый курс студентов были демобилизованными солдатами Красной Армии, это были те, кто защищал в ожесточенных боях независимость Родины. Проблема нехватки абитуриентов сохранялась на протяжении нескольких лет. Кроме отмеченных выше проблем в недостатке абитуриентов, касательно технических вузов наблюдалась еще одна. В сельских школах не было курса технического черчения, из-за этого обстоятельства многие потенциальные абитуриенты не могли выдержать вступительные испытания.

В 1946/47 учебном году институт выполнил план набора за счет абитуриентов, не прошедших по конкурсу в другие институты. С учетом нового приема 1947–48 учебного года число студентов увеличилось на 227 человек.

В Сталинградский педагогический институт план по набору 1945–1946 учебного года также не был выполнен, вместо запланированных 270 смогли принять 203 человека [7]. Более половины поступивших, а именно 165 человек являлись участниками Великой Отечественной войны. В педагогических вузах в целом возникла проблема с нежеланием молодых людей идти в данном направлении, т. к. выпускников, рассматриваемых институтами, отправляли на работу в сельскую местность, при этом выпускников технических институтов оставляли в городе [11, с. 111–112]. Для пополнения студенческого контингента вуза были организованы мероприятия по дополнительному набору на старшие курсы, для этого активно использовали вышеперечисленные методы: средства массовой информации, встречи преподавателей с потенциальными студентами.

Страна испытывала острую нехватку учительских кадров, из-за чего Совет Министров РСФСР решил увеличить план набора студентов для Сталинградского педагогического института до 400 человек [4]. Однако это являлось невыполнимой задачей и бюро Сталинградского обкома ВКП(б), вследствие того что институт не получил дополнительных площадей для размещения и обучения нового контингента, запросило понизить план приема до 325 человек, на что пришел ответ понизить до 350 [12, с. 113]. Однако помимо, существовавшей проблемы с непрохождением вступительных испытаний, причиной недобора был тот факт, что количество выпускников являлось недостаточным. Проблема недобора существовала вплоть до конца 40-х гг. XX в. Для ее решения в сентябре проводились дополнительные наборы.

Сталинградский сельскохозяйственный институт в 1945–1946 учебном году вместо запланированных 225 человек принял только 214, вуз не смог выполнить план из-за факультета механизации сельского хозяйства [3].

План приема следующего учебного года был выполнен при помощи зачисления тех абитуриентов, которые не прошли по конкурсу в другие вузы: Мичуринский плодовоовощной институт и московские вузы.

Среди вузов, не имевших проблем с недоборами, были медицинские вузы, в которых наблюдался высокий конкурс. Это было связано с высоким престижем профессии врача и постановлением РККА об отсрочке службы для лиц призывного возраста, которые зачислены в медицинские вузы.

К концу 1940-х гг. в Сталинграде, как и в целом по стране повысилось количество студенческого контингента. Этому способствовал ряд причин: по большей части восстановление тяжелой промышленности завершилось, что, в свою очередь, высвободило материальные ресурсы, которые можно было бы использовать в сфере образования. Произошло повышение благосостояния людей, в результате чего они смогли оплачивать обучение и получать высшее образование. Поколение, которое непосредственно не участвовало в боевых действиях, выросло и смогло поступать в вузы.

Набор в вузы в начале 1950-х гг. увеличился по сравнению с предыдущим временем. Происходило стимулирование развития заочного и вечернего отделений. В 1952 г. согласно правилам приема все кандидаты, которые могли поступить на указанные отделения, а также все формы педагогического образования, окончившие средние специальные учебные заведения с отличием могли быть приняты без экзаменов в вузы по схожим специальностям в течение двух лет после получения среднего специального образования [10, с. 84]. В Сталинградском сельскохозяйственном институте заочное отделение начало работать еще в 1946 г., но с начала 1950-х гг. росло и развивалось наиболее заметно.

На некоторые специальности в вузах был достаточно высокий проходной конкурс. Так, в Сталинградском педагогическом вузе на исторический факультет 3 человека претендовали на 1, в то время как на физико-математический факультет был недобор и много студентов 1 курса были отчислены из-за низкой успеваемости.

В медицинском вузе конкурс составлял 2,3 человека на место, по итогам приемной кампании 1952/53 учебного годов план приема был перевыполнен.

В Сталинградский сельскохозяйственный институт в указанный учебный год заявление подали 903 человека, при этом зачисленных было 575 человек. Конкурс на место составил 1,7 человек.

Однако не во все институты конкурс был высоким, так в Сталинградский институт инженеров городского хозяйства на первый курс было необходимо принять 400 человек, за период приемной кампании поступило 476 заявлений.

Что касается качественного состава студентов, то в этом плане в послевоенный период произошли определенные изменения. Если до рассматриваемого периода большую часть студенческого контингента составляли мужчины, то теперь в вузах отмечался их недостаток. Наиболее показательна в этом плане ситуация в педагогических вузах, где юноши первого курса составляли около 18% от общего количества студентов. Схожая ситуация была отмечена в медицинских вузах, где в 1945–1946 учебном году доля мужчин-первокурсников составляла 12%.

Таким образом, в послевоенный период, а именно до 1950-х гг. наблюдалась проблема с формированием студенческих контингентов, это было связано с несколькими причинами: большими людскими потерями в ходе Великой Отечественной войны и снижением качества знаний у абитуриентов.

Преподаватели во время экзаменационных сессий отмечали низкую подготовку поступивших. Это было обусловлено недостаточной подготовкой потенциальных абитуриентов в средней школе.

Касаемо качественных изменений студенческого контингента наблюдалась ситуация гендерного различия студенческого контингента: возросло представительство девушек в вузах, недостатком юношей был обусловлен потерями в ходе Великой Отечественной войны.

Для восстановления студенчества государство предприняло ряд мер:

- приняты ряд социально-экономических мер, предоставлявших льготы для отдельных категорий граждан при поступлении;
- проводилась широкая агитационная кампания.

Сталинградские вузы получили широкую поддержку как государственных, так и местных органов власти в вопросах увеличения численности студенческих контингентов.

Литература

1. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946.
2. О размещении Сталинградского механического института в Тракторозаводском районе: справка отдела школ, техникумов и вузов Сталинградского обкома ВКП(б), 21 октября 1945 года // ЦДНБВО. Ф. Р-113. Оп. 20. Д. 43. Л. 6.
3. Отчет Сталинградского сельскохозяйственного института за 1946–1947 учебный год // ГАВО. Ф. Р-5977. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
4. Отчет о работе отдела кадров ГК ВКП(б) за 1-е полугодие 1946 года. Списки сменяемости работников по номенклатуре Горкома ВКП(б) 1946 г. // ЦДНБВО. Ф. 71. Оп. 6. Д. 35. Л.л. 28–30.
5. Постановление СНК СССР от 13 июня 1945 г. № 1406 «О льготах для участников отечественной войны, поступающих в высшие учебные заведения и техникумы» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=47816#09300636187957818> (дата обращения: 13.01.2021).
6. Постановление СНК СССР от 21 сентября 1945 г. № 2436 «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих» // Электронный фонд правовой и нормативно-правовой технической документации. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/765720074> (дата обращения: 13.01.2021).
7. Протокол № 21 заседания бюро Сталинградского обкома ВКП(б), 25 сентября 1945 года // ЦДНБВО. Ф.Р-113. Оп. 20. Д. 25. Л. 26 об.
8. Болотов Н.А. Восстановление Сталинграда в 1943 – начале 1950-х годов: факторы трудовой победы // Земля и власть в истории России. М.: Москов. педагогич. гос. ун-т, 2020. С. 661–671.
9. Головкин Г.М. Время и люди: Очерки истории ВолгГАСА. Волгоград: Волгогр. гос. архитектур.-строит. акад., 2002.
10. Олесик Е.Я. Проблемы формирования студенческого контингента вузов СССР (1944–1990 гг.) // Вестник Адыгей. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 2. С. 82–87.
11. Харина Л.В. Восстановление и развитие высших учебных заведений Нижнего Поволжья в послевоенные годы: 1945–1953: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2012.
12. Харина Л.В., Харинин А.И. Социальные льготы при поступлении и обучении в вузах в 1945–1953 гг. (на примере Нижневолжского региона) // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 2(32). С. 89–96.

DARIYA KAKICHEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**SPECIFIC FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE STUDENTS GROUPS
IN THE UNIVERSITIES OF STALINGRAD IN THE POST-WAR PERIOD**

The article deals with the analysis of the normative legal data directed to the creation of the mechanisms aimed at the enlargement of the students' groups in universities. There are considered the measures of the enlargement of students in Stalingrad from 1945 till 1953. There is revealed the dynamics of the students' groups in the postwar period in Stalingrad.

Key words: *higher educational institutions, students, enrollment campaign, enrollment plan, qualitative composition of students.*

УДК 902

А.Е. КАРЯКИНА

(anastasiya.cariakina@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ СРЕДЕ*

Анализируются актуальные археологические направления, которые представлены экспериментальной археологией и технологической реконструкцией. Выделяются особенности применения данных методик в лабораторных и полевых условиях. Представлены основные центры экспериментальной археологии и технологической реконструкции.

Ключевые слова: археологический эксперимент, реконструкция, технологическая карта, трасология, древние поселения.

Археология, как и любая другая область исторической науки, не стоит на месте, с каждым годом внедряя в свой исследовательский инструментарий новые средства познания прошлого. Большое значение имеют практические методы, которые наглядным образом помогают прийти к более точным представлениям о материальной культуре, оставленной древним человеком в наследие современному научному сообществу.

В настоящее время сложно представить полноценное археологическое исследование, которое основывалось бы только на сборе информации о месте раскопок, его историческом значении, а также на фиксации обнаруженных во время полевых работ артефактах и составлении из них тематических коллекций. Такого рода научные экспедиции остались далеко в прошлом, когда в первую очередь нужно было зафиксировать место деятельности древних людей и собрать предметы их функционирования. Однако даже в период складывания археологической науки ученые прибегают к эксперименту и реконструкции, которые сохраняют свою актуальность и на сегодняшний день.

Эксперимент и технологическая реконструкция являются общенаучными методами и применяются в различных исследовательских сферах. Археологическая наука обращается к данным исследовательским средствам в различных ситуациях, применяя их как в полевых условиях, так и в лабораторных.

Под экспериментальным методом в археологической науке принято понимать способ научного исследования, который выступает как вид практической деятельности по модельному воспроизводству процесса труда и производственной технологии. Реализация его происходит путем применения системы научно поставленных опытов и наблюдений, которые осуществляются в строго учитываемой обстановке, с максимальными усилиями воссоздания деятельности древних сообществ [8, с. 37]. Специфическими чертами археологического эксперимента, отличающими его от остальных исторических методов познания, являются источники исследования, которые представляют собой лишь фрагментарные данные о предметах и явлениях прошлого [3, с. 4].

С середины XX в. со всесторонним использованием и усовершенствованием методической базы эксперимента в археологии верификации стали подлежать многие гипотезы, связанные с мышлением, способностями древних людей [4, с.10]. Таким образом, происходило постепенное накопление аналитических приемов, наполнявших эксперимент в археологической науке и позволивших выделиться данному приему в обособленное направление лабораторных и полевых исследований.

Без внимания не стоит оставлять и реконструкцию, которая в настоящее время занимает важное место как в лабораторных, так и в полевых исследованиях, при этом многие восстановленные археологические комплексы несут также функцию сохранения исторической памяти. Под реконструкцией в археологической науке принято понимать метод изучения прошлого, когда на основе собранного ма-

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

териала фрагментарно или полностью восстанавливают памятники истории, а также нематериальную часть жизнедеятельности отдельных людей и целых сообществ [6].

Археологическая реконструкция не предполагает использование именно тех материалов, которые были частью материальной культуры предков, в ней возможно применение новых технологий, чаще всего она выступает в качестве визуализации археологического эксперимента [13]. Однако современную экспериментальную археологию сложно представить без реконструкции как целых жилищ, так и без моделирования фрагментов жизнедеятельности человека, проживающего на месте раскопок.

Для проведения технологической реконструкции во время археологических исследований часто требуется сторонняя помощь специалистов именно технических профессий, которые имеют практический опыт и теоретические представления о работе древних механизмов. Имея в своем арсенале найденные артефакты с определенного участка раскопа, технолог-производитель подбирает подходящее оборудование, инструменты, материалы, описывает последовательность операций по восстановлению прежних технических процессов. Такой специалист даже способен выяснить количество людей, которые нужны для производства. Данные наблюдения фиксируются в технологической карте, которая важна при дальнейшей реконструкции отдельных исторических процессов [1].

Важное место в изучении экспериментальной археологии и технологической реконструкции занимают истоки применения данных методов в научно-практической среде. Хотя первые попытки по систематизации знаний о найденных предметах старины и воспроизведении их основных функциональных особенностей в полевых условиях редко отличались достоверностью конечных выводов. Данные практические исследования закладывают фундамент для дальнейшего развития эксперимента и реконструкции в археологической науке.

Так, например, немецкого ученого XVIII века Андреаса Альберта Роде, считают одним из первых, кто решился на постановку эксперимента в археологии, а на его базе реконструировал бытовые предметы старины. Долгое время в Западной Европе находили окаменевшие объекты в земле, чаще всего острой формы, которые сопоставляли с ударами молний. Эти молнии, как основная гипотеза, со временем превращались в топоры и ножи, которые были частыми находками. Андреас Роде изготовил аналогичный предмет из камня, изучив ранее множество форм «окаменелых молний». Тем самым ему удалось экспериментально повторить каменные орудия, которые до этого считались упавшими с неба [10, с. 5].

Коллегой Андреаса Альберта Роде был немецкий исследователь Якоб фон Меллен, изучающий осколки керамических кувшинов, которые долгое время находили крестьяне в земле. Ему удалось заметить, что склеенные осколки не совсем похожи на современные горшки: они были более грубые и выполнены из примитивного материала. Якоб Меллен долгое время собирал сведения о технике и материалах изготовления древних керамических горшков. Позднее он передал все сведения знакомым гончарам, которые постарались с технической точностью реконструировать древние находки [15].

С конца XIX в. эксперимент в археологии начинает приобретать комплексный характер. Археологи отходят от проверки опытным путем только одного аспекта человеческой жизнедеятельности, набирает популярность воспроизведение жизни целых поселений. В 1922 г. на берегах Боденского озера в Швейцарии археологи реконструируют целые поселения эпохи бронзы и камня. Однако исследования не до конца были научно-обоснованными в связи с недостаточной фактической информацией о жизнедеятельности человека в эпоху камня и бронзы, археологи часто домысливали, полагаясь на накопленный ими опыт [11].

Закрепление статуса достоверности и обоснованности археологические исследования, включающие использование экспериментальных и технологических методик, получают во второй половине XX в. Связано это с именем отечественного исследователя Сергея Аристарховича Семенова. Ученый совмещал в себе черты практика и теоретика. Без его экспериментально-археологического метода сейчас нельзя проводить ни одни крупномасштабные раскопки, т. к. он позволяет среди различных

предметов обихода определить с точностью функционал каждого в жизни человека. В 50-е годы XX в. С.А. Семенов вместе с экспедицией направился в Прибалтику, где опытным путем он применял трасологический анализ в работе с нефритом. Эксперименты с нефритовыми топорами оказались успешными, что доказывало эффективность данного метода в экспериментальной археологии [7]. Данные исследования имели революционный характер в формировании современной экспериментальной археологии и технологической реконструкции, определили дальнейший ход многих как отечественных, так и зарубежных археологических исследований.

На современном этапе развитие экспериментальной археологии и технологической реконструкции можно проследить на примерах восстановления древних археологических центров, которые несут историческую и культурную ценность. Посещая их, можно полностью погрузиться в различные стороны жизни наших предков, т. к. восстановительные археологические работы зачастую направлены на воспроизведение точных копий жилищ, быта, занятий, присущих изучаемой культурно-исторической местности.

Одним из крупнейших археологических музеев-заповедников в России является древний город Танаис, который назван по устью реки, на котором находится данный памятник.

Танаис впервые был открыт в 1823 г. полковником И.А. Стемповским, но его полноценные исследования и раскопки начались в 1955 г. Нижне-Донской археологической экспедицией Института археологии Российской Академии наук. В 1958 г. по инициативе начальника Нижне-Донской экспедиции Д.Б. Шелова и заместителя директора Ростовского областного музея краеведения С.М. Маркова вышло постановление «О создании музея-заповедника “Танаис” как филиала Ростовского областного музея краеведения» [2].

На протяжении 70-х гг. XX в. происходило постепенное накопление материальных артефактов, исторической информации о музее-заповеднике, проводились многочисленные эксперименты по проверке техники строительства древних жилищ. Это позволило произвести реконструкцию участка западной оборонительной линии основного четырехугольника городища, которая была выполнена из старого материала, найденного во время раскопок, только масштаб данной постройки был несколько меньше, чем фундамент первоначального сооружения [9].

Украшением Танаиса и сейчас считается восстановленное в конце 80-х годов половецкое святилище, которое было полностью воссоздано в первоначальном виде из оставшихся деталей архитектурного сооружения. Данное сооружение находится на вершине кургана 2 могильника Ливенцовский VII и представляет собой обложенный камнем овальный котлован, по краям которого находятся четыре каменных изваяния. Данное сооружение привлекает внимание посетителей музея во время экспозиционного показа под открытым небом [12].

Ярким центром экспериментальной археологии и реконструкции является Историко-этнографический комплекс «Затерянный мир», который находится в Ростовской области. Он представляет собой интерактивный музей реконструкции под открытым небом, который знакомит с историей Донского края с древности до нового времени. Данный комплекс также имеет образовательную цель в своей деятельности, т. к. на его территории в летнее время действует детский лагерь, который позволяет подрастающему поколению изучать историю родного края [5].

Основу данного комплекса составляют известные памятники Донского края такие как: «Раздорское II», «Раздорское I», «Ракушечный Яр», которые представляют собой неолитические поселения. Данные археологические памятники сохранили множество остатков керамической посуды, изделий из кремня, камня, кости, а также достаточное количество древних инструментов – клинообразные топоры, тесла, тесаки, резцы, свёрла [14]. Начиная с 80-х гг., идет крупномасштабное восстановление данных культурных объектов, а в настоящее время проводится множество экскурсий по различным объектам реконструкции [13].

Современные археологические исследования, которые включают в свой инструментарий экспериментальную археологию и технологическую реконструкцию, позволяют проводить практические

опыты, которые опираются на теоретически подготовленную базу, а также на спланированную последовательность действий ученых. В настоящее время многие археологи в своей научно-практической деятельности базируются на накопленных ранее знаниях, применяют междисциплинарный подход для точности выводов о функционале различных явлений древних культур. Немаловажной задачей является сохранение историко-культурного наследия археологических памятников, которые представлены разнообразными центрами технологической реконструкции и экспериментальной археологии, на территории которых не только ученый способен увидеть многообразные направления жизни людей ушедших от нас эпох.

Литература

1. Артемьев А.П. Города мастеров (полемика заметки об исторической реконструкции по данным археологии) // Ид-накар: методы историко-культурной реконструкции. 2011. № 3(13). С. 97–113.
2. Археологический музей-заповедник Танаис: [сайт]. URL: <https://www.museum-tanais.ru/>.
3. Васильев В.Г. Экспериментальное моделирование археологических жилищ: по материалам памятников неолита – бронзы таежной зоны Среднего Приобья: автореферат дис. ... канд. историч. наук. Барнаул, 2000.
4. Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История, 2013.
5. Затерянный мир: [сайт]. URL: <https://zatermir.ru/>.
6. Зверев В.В., Лелеков Л.А. Методические рекомендации по реконструкции и реставрации археологических находок // Проект «АРТконсервация». [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20201128052652/http://www.art-con.ru/libraries> (дата обращения: 12.05.2021).
7. К 70-летию Сергея Аристарховича Семенова // Археология: науч.-просвет. проект. [Электронный ресурс]. URL: <https://arheologija.ru/k-70-letiyu-sergeya-aristarkhovicha-semenova/> (дата обращения: 12.05.2021).
8. Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1987.
9. Макет оборонительных сооружений Танаиса // Археологический музей заповедник Танаис. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.museum-tanais.ru/maket-oboronitelnyh-sooruzheniy-tanaisa-117> (дата обращения: 12.05.2021).
10. Малинова Р.А., Малина Я.А. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. М.: Мысль, 1988.
11. Мартынов А.И. Археология. 5-е изд., перераб. М.: Высш. шк., 2005.
12. Половецкое святилище // Археологический музей-заповедник Танаис. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.museum-tanais.ru/poloveckoe-svyatilishche-103> (дата обращения: 12.05.2021).
13. Цыбрий В.В. Археологический эксперимент и археологическая реконструкция. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0Ar9OZS68tk> (дата обращения: 12.05.2021).
14. Экскурсия Тропа истории // Этно-археологический комплекс «Затерянный мир». URL: https://zatermir.ru/muzei/ekskursii#tropa_istorii (дата обращения: 12.05.2021).
15. Экспериментальные методы исследования в системе исторических наук. [Электронный ресурс]. URL: http://www.redov.ru/istorija/pryzhok_v_prozhloe_yeksperiment_raskryvaet_tainy_drevnih_yepoh/p2.php (дата обращения: 12.05.2021).

ANASTASIYA KARYAKINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

EXPERIMENTAL ARCHEOLOGY AND TECHNOLOGICAL RECONSTRUCTION: THE HISTORY OF DEVELOPMENT IN THE RESEARCH AND PRACTICE ENVIRONMENT

The article deals with the topical archeological directions that are presented by the experimental archeology and the technological reconstruction. There are revealed the peculiarities of the use of these teaching methods in the laboratory and field conditions. There are demonstrated the basic centers of the experimental archeology and the technological reconstruction.

Key words: archeological experiment, reconstruction, process map, traceology, ancient settlements.

УДК 94

Д.А. КИРИЛЛОВ
(mitya.kirillov.02@bk.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА*

Анализируются проблемные вопросы новейшей отечественной историографии Великой Российской революции 1917 г. В частности, представлены труды историков последних 25 лет, в которых отмечено расширение точек зрения на Февральскую революцию, ввиду изъятий от марксистско-ленинских трактовок отечественной историографии.

Ключевые слова: *Отечественная историография, Великая Российская революция 1917 года, отречение Николая II, манифест, Февральская революция.*

На сегодняшний день революцию 1917 года историки именуют «Великой Российской революцией». С конца 80-х годов XX века Советская историография постепенно избавляется от марксистско-ленинских догматов трактовки отечественной историографии. Прежде всего, это связано с трудами В.И. Старцева, В.В. Кожинова, Г.З. Иоффе, А.Н. Боханова, А.И. Уткина [5–10, 22–24]. За последние 25 лет выделяются работы О.Р. Айрапетова, Н.С. Андреевой, С.В. Куликова, П.В. Мультигули, О.А. Платонова, А.В. Пыжикова, Б.А. Старкова, В.Ж. Цветкова, А.В. Шубина и др. [1, 4, 12–18, 20–21, 26–28].

Следует отметить, что историки последних 25 лет в полной мере используют различные архивные источники, мемуары и воспоминания современников, труды советских и зарубежных ученых, что дает возможность плюрализму позиций ученых и выявлению дискуссионных проблем, которых в советской историографии не могло быть, ввиду идеологических причин.

Нами были выделены следующие проблемы новейшей отечественной историографии первого этапа Великой Российской революции – Февральской революции: 1) проблема стихийности и предопределенности Великой Российской революции 1917 года; 2) проблема действительности и законности отречения Императора Николая II от престола; 3) проблема влияния внешнего фактора на ход революции 1917 г.; 4) проблема причастности ставки к заговору против Николая II.

Проблема стихийности и предопределенности Великой Российской революции Февраля 1917 г.

«Крах Российской империи для меня начался 4 августа 1916 года» – говорил А.В. Пыжиков в своем выступлении на аналитическом интернет-канале «День ТВ» в цикле «Хроники революции» [3]. Историк считает, что 4 августа является отправной точкой Русской революции 1917 г., т. к. в этот день Алексей Иванович Путилов, председатель русско-азиатского банка, написал письмо Эмануилу Нобелю о фактически капитуляции банка и о его прекращении скупить контрольный пакет «Товарищества братьев Нобель». За этим, казалось бы, незначительным событием наблюдала вся мировая общественность. На глазах всего мира, русское правительство потерпело поражение от олигархии, которой был открыт полный путь к всевластию. Олигархия, в частности, в лице московской купеческой группы, была поддержана в думе ее председателем М.В. Родзянко, кадетской партией и всем Прогрессивным блоком в целом.

Таким образом, по мнению А.В. Пыжикова, Февральская революция была все-таки запланирована в политической верхушке и была предопределена задолго до событий Февраля 1917 г. [Там же].

В своей монографии «Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II» П.В. Мультигули отмечает: «Так называемое отречение Императора Николая II от престола в феврале 1917 года явилось результатом хорошо спланированного государственного переворота» [17, с. 12]. В данной монографии П.В. Мультигули ссылается на документальные источники, которые свидетельствовали о том, что в течение 1916 и вплоть до февраля 1917 г. в столичных городах России не было

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.Л., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

крупных революционных организаций, способных осуществить революцию. Автор отмечает, что «Революционное подполье было дезорганизовано арестами, страдало от нехватки денег и ограничивалось распространением листовок или легальными формами борьбы» [17, с. 12]. Следовательно, причастность революционных группировок к перевороту остается под вопросом. Также П.В. Мультиатули пишет: «Никакой государственный переворот, никакая революция не могут происходить стихийно, сами по себе» [Там же, с. 14]. И события Февраля 1917 г. не являются исключением.

Таким образом, П.В. Мультиатули, убежден в том, что Февральская революция – следствие деятельности мощных организаций, которые вкладывали большое количество денег. Следовательно, по мнению ученого, революция не носила стихийный характер [Там же, с. 21].

А.В. Шубин в книге «Великая Российская революция – от Февраля к Октябрю 1917 года» отмечает, что одной из причин Русской Февральской революции был социальный кризис в городах – росло население, в некоторой степени прослеживалась капиталистическая глобализация, что, в свою очередь, стало причиной социальной стратификации. Также А.В. Шубин убежден, что социально-политический и экономический кризисы, которые возникли еще в конце XIX в., являются отправной точкой Русской революции. Вот, что по этому поводу пишет историк: «Рост экономики разгонял потребности населения, но возможности его продолжения были ограниченными, торможение роста – неизбежным. А именно такое торможение и было чревато социальными волнениями и при определенных условиях – революцией» [28, с. 29].

Итак, на основе данной монографии можно сделать вывод, что А.В. Шубин уверен, что Великая Российская революция 1917 года не была стихийна, и ее корни уходят в конец XIX в.

Размышляя над стихийностью и предопределенности Великой Русской революции А.Н. Боханов в статье «Русская революция – 100 лет» пишет: «Собственно в точном смысле слова “заговора” – как некоей тайной организации, “секретного союза единомышленников”, скрепленного программой и планом действий, не существовало. Однако определённо наличествовал сговор высших должностных лиц, преследовавших лишь одну цель: “убрать” Самодержца и Верховного Главнокомандующего Николая II, т. е. совершить государственный переворот» [7].

Таким образом, А.Н. Боханов убежден в том, что Великая Российская революция Февраля 1917 г. не была стихийна, и ход ее во многом зависел от «политической верхушки» [Там же].

Научная работа С.В. Куликова «Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917)» посвящена следующей проблеме отечественной историографии в изучении Русской революции – роли высшей бюрократии в предыстории падения старого порядка, однако исследователем косвенно затрагивается и проблема Стихийности и предопределенности русской революции. Изучая роль бюрократического аппарата в подготовке революции С.В. Куликов отмечает: «Скупость оппозиционеров объяснялась тем, что они предпочитали жертвовать миллионы не на благотворительность, а на подготовку переворота» [12, с. 245].

Следовательно, С.В. Куликов убежден, что Русская революция была предопределена задолго до Февраля 1917 г., в первую очередь благодаря действиям высших чиновников.

В противовес вышеперечисленным историкам, считавшим, что революция 1917 г. не была стихийна, следует упомянуть статью Б.А. Старкова «Февральский излом 1917 года». Автор статьи один из тех историков, которые считают, что события Февраля 1917 года были стихийны. «Февральская революция явилась стихийным событием, положившим начало коренному перелому в судьбах народов России» [21, с. 30]. В качестве аргументов своей позиции Б.А. Старков приводит несколько фактов, позволяющих сделать вывод, о том, что революция носила стихийный характер. Во-первых, автор отмечает такой феномен, как «окопная психология» Это особая форма милитаризованного сознания, легко поддающегося на радикально-экстремистские, популистско-демагогические лозунги и призывы крайних сил от националистов до интернационалистов. Носителями такого сознания стали, по всей массе организованные в партийно-общественные структуры. Следовательно, демагогам и агитаторам не составило особого труда изменить мышление солдат и рабочих в кратчайшие сроки. Во-вторых,

Б.А. Старков упоминает Петроградский хлебный голод, как основную составляющую стихийности событий февраля. Однако эти доводы историка скорее носят характер советской исторической традиции, и современные ученые могут с ними не согласиться. Однако, тем не менее, и такое раскрытие проблемы стихийности и предопределенности Русской революции имеет место быть в отечественной историографии последних 25 лет.

Таким образом, в новейшей отечественной историографии, большинство историков сходится в том, что революция февраля 1917 года не была стихийна и ход ее событий был во многом предопределен политической верхушкой того времени. В качестве аргументов приводятся архивные данные, воспоминания современников, мемуары, дневники, также ученые ссылаются на работы советских историков, которые занимались изучением данного вопроса. Однако, тем не менее, существует и иная позиция историков, которые считают, что революция носила стихийный характер, в первую очередь, эта стихийность, по мнению ряда историков, связана с голодом в Петрограде и забастовками рабочих 23 февраля 1917 года.

Проблема действительности и законности отречения Императора Николая II от престола.

Согласно общепринятой версии, последний русский император подписал манифест об отречении от престола за себя и за своего сына, Цесаревича Алексея. Однако среди историков существует мнение, что согласие на отречение было дано добровольно, а не под принуждением. Есть, наконец, и те, кто считает акт об отречении последнего Императора фальшивкой.

П.В. Мультатули в рассматриваемой нами раннее монографии «Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II» уверен, что никакого отречения от престола и вовсе не было, т. к. основные законы Российской империи не предусматривали возможность отречения. Также стоит отметить, что Царь в то время находился под моральным воздействием и был в условиях лишения свободы действий. «Таким образом, – справедливо пишет П.В. Мультатули, – даже если бы Император Николай II и подписал бы под угрозой или под давлением некую бумагу, ни в коей мере не являющуюся ни по форме, ни по сути Манифестом об отречении, то это вовсе не означало бы, что он действительно отрекается от престола» [17, с. 7]. Если следовать официальной версии, Николай II не упразднил монархию, а передал престол своему брату – Великому князю Михаилу. По мнению историка, отречение императора не обрело силу законодательного акта, потому что манифест обретает статус закона, когда его опубликование совершается царствующим императором. Как известно, опубликование манифеста было произведено СМИ.

Следовательно, данная монография позволяет понять позицию историка по поводу проблемы отречения Императора Николая II от престола. Он уверен, что никакого отречения не было, а сам манифест является поддельным.

Позиция О.А. Платонова весьма неоднозначна: с одной стороны, на протяжении его научной деятельности у ученого выработалась четкая позиция к Николаю II – он ему явно симпатизировал, однако, с другой же, стороны в книге «Терновый венец России. История цареубийства» О.А. Платонов отмечает: «Жертва царя оказалась для России напрасной и, более того, губительной, ибо само государство стало жертвой измены» [18, с. 205].

Итак, позиция О.А. Платонова по поводу отречения Императора Николая II понятна: он обвиняет последнего российского Императора в вопросе об отречении, и считает, что царь отрекся напрасно.

А.Н. Боханов в книге «Николай II» пишет: «Как-то сразу же забылось, что император по доброй воле, в интересах сохранения мира и благополучия в стране, отказался от своих исконных полномочий, передав их своему младшему брату Михаилу» [5, с. 358]. Историк считает, что действия Николая II в обществе того времени получили негативную оценку, в частности из-за волнений в городах России. Также в монографии А.Н. Боханов рассматривает отречение последнего русского Императора в соответствии с юридической нормой законов Российской империи того времени. Им приводятся факты, что видные политические деятели периода Февраля 1917 года, такие как А.Ф. Керенский и П.В. Миллюков были убеждены, «что избранная форма отречения – тонко рассчитанная интрига, что царь стремил-

ся таким путем лишь выиграть время, чтобы потом заявить о недействительности Манифеста 2 марта» [5, с. 359]. Однако, тем не менее, историк выделяет и другие группы политических деятелей, среди которых были и те, кто считали, что Царь поступил трусливо и недальновидно. Прежде всего, хотелось бы заострить внимание на цитате историка: «В силу харизматической природы царской власти Основные Законы Российской империи не содержали (и не могли содержать) положений, предусматривающих добровольный отказ монарха от своих prerogatives». Это значит, что позиция А.Н. Боханова близка с позицией П.В. Мультиатули. Оба историка убеждены, что манифест не соответствовал законодательству Российской империи.

Проблема влияния внешнего фактора на ход Великой Российской революции 1917 г.

В новейшей отечественной историографии произошло существенное переосмысление Февральской революции. Прежде всего, это связано с освобождениями от догматов советской исторической традиции, которая прослеживалась довольно четко в работах многих ученых той эпохи, поскольку в советской историографии тема Февральской революции получила освещение с марксистско-ленинских позиций. Таким образом, Революция – результат противоречий между пережитками феодализма – полуфеодальной монархии и помещичьим землевладением. Практически все авторы того периода рассматривали Февральскую революцию как пролог Октябрьской революции. Соответственно и утверждалось, что решающую роль в революции сыграли большевики, особое внимание уделялось роли В.И. Ленина в организации и определении направления деятельности большевиков. Утверждалось, что их деятельность была целенаправленной, хорошо продумана, а их основной социальной опорой выступил пролетариат. Февральская революция дала рабочим опыт борьбы за власть. Это все значит, что в советской историографии влияние союзных стран и Германии на ход Февральской революции не рассматривалось. Эта проблема появилась только в современной историографии.

Прежде всего, хотелось бы заострить внимание на позиции А. Корнева. В своей работе «Февральский переворот 1917 г. и т.н. “Союзные страны”». Историк анализирует мемуары иностранных дипломатов Ллойд-Джорджа, Самуэля Хора и Бьюкинена, а также архивные данные и иные источники, свидетельствовавшие об участии Запада в заговоре против Николая II и монархии в целом. «Поддержка мятежников в России была частью стратегии германского верховного командования с самого начала войны» [11].

Следовательно, автор убежден в наличии заговора против Российского самодержавия в лице Запада.

В своей статье «Революция запланирована в Лондоне? (к вопросу о причинах февральских событий 1917 г.)». Историк Н.С. Андреева рассматривает возможное влияние Англии на события Февраля 1917 года. Следует отметить, что Н.С. Андреева, как и А. Корнев, в качестве подтверждений своих позиций используют мемуары и дневники иностранных дипломатов Ллойд-Джорджа, Самуэля Хора и Бьюкинена. «Хотя прямых документальных свидетельств, однозначно указывающих на ключевую роль Великобритании в ее подготовке и осуществлении, на данный момент нет, однако приведенные выше данные и прежде всего признания самого Бьюкинена однозначно свидетельствуют о том, что Англия в этих событиях отнюдь не довольствовалась ролью стороннего наблюдателя» [4, с. 77] – отмечает историк.

П.В. Мультиатули в ранее упомянутой монографии «Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II» акцентирует внимание на подготовке заговора против монархии в лице Запада. В частности, им приводятся доводы, что помимо английских послов, активное участие в свержении монархии в России принял посол Франции в Петрограде Ж.-М. Палеолог. Историк отмечает, что поводом для этого стали весьма сомнительные книги посла по русской истории. Также Ж.-М. Палеолог неоднократно был обвинен в клевете на Императора Николая II. Еще одним аргументом П.В. Мультиатули является подозрительная связь французского посла с английским послом, а Англия, по мнению историка, готовила переворот в России [17].

Таким образом, представители отечественной историографии последних 25 лет в большинстве своем убеждены, что Запад сыграл роль в событиях Февраля 1917 г., однако прямых документальных свидетельств наличия заговора историками пока не обнаружено.

Проблема причастности ставки к заговору против Николая II.

Ставка накануне и во время Февральской революции представляла собой, наверное, последний оплот русского самодержавия, по мнению императора. Однако главнокомандующие практически всех фронтов прислали царю телеграммы, в которых настоятельно рекомендовали монарху отречься от престола. Эти странные обстоятельства по-разному оцениваются современными историками. Одни считают эти действия генералов предательством, другие же считают, что генералы приняли верное решение и тем самым спасли Россию от краха, третьи – действия генералов являлись заговором против самодержавия. Рассмотрим несколько позиций по данной проблеме.

К.М. Александров в статье «Ставка накануне и в первые дни Февральской революции 1917 года» отмечает: «Таким образом, отсутствуют какие-либо серьезные факты для бесспорных утверждений о том, что зимой 1917 года в Севастополе – за тысячу верст от Могилева – генерал Алексеев, борющийся с тяжелой болезнью, оценивавший и критиковавший некоторые решения своего заместителя в Ставке, одновременно в одиночестве планировал военный переворот и тем более обсуждал его подробности с руководителями либеральной оппозиции, не говоря уже об их безымянных эмиссарах» [2]. По мнению историка, ставка все-таки была причастна к заговору против царя.

Стоит так же отметить монографию В.Ж. Цветкова «Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России)», в которой четко доминирует позиция непричастности ставки к Февральскому заговору против последнего русского императора. Историк назвал акт отречения «выражением свободной воли Государя» [26, с. 7], отрицая какое-либо прямое насилие или принуждение по отношению к монарху. Таким образом, В.Ж. Цветков убежден в отсутствии заговора ставки против царя.

О.А. Поливанов в статье «Позиция русского генералитета и отречение Императора» уверен, что обвинения в заговоре ставки является нецелесообразным, т. к. отречение от престола Николая II не противоречит «смыслу и духу присяги» [19].

Таким образом, новейшая отечественная историография Великой Российской революции Февраля 1917 года избавилась от марксистско-ленинских догматов трактовки отечественной историографии и предполагает не признавать марксизм-ленинизм как единственно верную идеологию. Современными учеными выделено достаточно обширное количество дискуссионных проблем, которые в полной мере представлены в работах ученых. Однако, тем не менее, у целого ряда историков, появилась тенденция идеализировать монархический строй Российской империи, что тоже можно отнести к определенным догматам. Однако это скорее проявление субъективизма некоторых историков, в целом современная историография освобождена от единой идеологии – ей характерен плюрализм проблемных позиций.

Литература

1. Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию (1907–1917). М.: Модест Колеров: Три квадрата, 2003.
2. Александров К.М. Ставка накануне и в первые дни Февральской революции 1917 года: к истории взаимоотношений императора Николая II и русского генералитета // Звезда. 2017. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/2/stavka-nakanune-i-v-pervye-dni-fevralskoj-revoljuczii-1917-goda.html> (дата обращения: 01.12.2020).
3. Аналитический интернет-канал «День ТВ», цикл «Хроники революции». [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rwlGMiW_hMg&list=PL2zbO1Ks2ovxK7z_8LzMpR9JTvj4NHP9Q (дата обращения: 15.11.2020).
4. Андреева Н.С. Революция запланирована в Лондоне? (к вопросу о причинах февральских событий 1917 г.) // Петербург. историч. журнал. 2018. № 2(18). С. 70–79.
5. Боханов А.Н. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997.
6. Боханов А.Н. Прощание с государем // Аргументы и факты. 29 янв. 1998. № 5(902).
7. Боханов А.Н. Русская революция – 100 лет // Православный апологет. [Электронный ресурс]. URL: <https://apologet.spb.ru/ru/церковная-жизнь/67-актуальные-темы/2905-bokhanov-a-n-russkaya-revoljutsiya-100-let.html> (дата обращения: 21.11.2020).
8. Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М.: Республика, 1992.
9. Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995.
10. Кожин В.В. Россия. Век XX: 1901–1939. М.: Алгоритм, 1999.

11. Корнев А. Февральский переворот 1917 г. и т. н. «Союзные страны». 11 октября 2017 // РУСТРАНА. [Электронный ресурс]. URL: [http://рустрана.рф/7902/Fevralskiy-perevorot-1917-g.-i-t.-n.-Soyuznie-strani-\(Antanta\)](http://рустрана.рф/7902/Fevralskiy-perevorot-1917-g.-i-t.-n.-Soyuznie-strani-(Antanta)) (дата обращения: 01.12.2020).
12. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: Изд-во И.А. Трибунский, 2004.
13. Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // Из глубины времен. 1999. Вып. 11. С. 21–108.
14. Куликов С.В. Совет министров в дни Февральской революции // Революция 1917 г. в России: сб. науч. ст. СПб., 1995.
15. Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен. 1995. Вып. 5. С. 3–46.
16. Мультатули П.В. Император Николай II и заговор 17-го года. Как свергали монархию в России. М.: Вече, 2013.
17. Мультатули П.В. Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II. М.: Астрель, 2012.
18. Платонов О.А. Терновый венец России: История царевубийства. М.: Энцикл. рус. цивилизации, 2001.
19. Поливанов О.А. Позиция русского генералитета и отречение Императора // Русский военно-исторический журнал. 2001. № 11–12. С. 408–412.
20. Пыжиков А.В. Грани русского раскола: заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М.: Древлехранилище, 2013.
21. Старков Б.А. Февральский излом 1917 года // Общество. Среда. Развитие. 2007. № 4(5). С. 30–45.
22. Старцев В.И. Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции 1917 года // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Вып. 2. СПб.: Третья Россия, 1994. С. 18–23.
23. Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб.: Третья Россия, 1992.
24. Уткин А.И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001.
25. Цветков В.Ж. Белое дело в России, 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М.: Посев, 2008.
26. Шубин А.В. 1918 год. Революция кровью омытая. М.: Академический проект, 2019.
27. Шубин А.В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: Родина-медиа, 2014.
28. Шубин А.В. Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М.: Академический проект, 2018.

DMITRIY KIRILLOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE BASIC ISSUES OF THE CONTEMPORARY DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF THE FEBRUARY REVOLUTION IN 1917

The article deals with the issues of the contemporary domestic historiography of the Great Russian revolution in 1917. There are presented the works of the historians of the last 25 years where there is emphasized the extension of the viewpoints of the February revolution considering the getting rid of the Marxist-Leninist notions of the domestic historiography.

Key words: *domestic historiography, the Great Russian revolution in 1917, the denial of Nikolay II, manifest, the February Revolution.*

УДК 93/94

Н.Ю. КЛИШИНА

(nadezhdaklishina@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ В РОССИИ (XVIII – нач. XX вв.)*

Рассматриваются процессы создания и основные этапы развития системы детского призрения в Российской империи. Раскрываются правовые аспекты формирования института оказания социальной помощи детям, осуществляемые государственными учреждениями, различными общественными организациями, частными благотворителями и императорской семьей. К началу XX в. в России был накоплен большой опыт формирования системы социальной защиты детей, оставшихся без попечения родителей или оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Ключевые слова: защита детей, социальная помощь, несовершеннолетние дети, попечительство, призрение, благотворительность.

Забота о тех, кто в большей степени в ней нуждается, была присуща обществу независимо от времени, политического или экономического устройства государства. Вопрос социальной защиты детства важен в какое бы то ни было время и для любого общества ввиду недостаточного уровня развития их психического и физического здоровья, отсутствия жизненного опыта. Дети нуждаются в повсеместной опеке взрослых, а на уровне местного самоуправления и государственной власти – в особой социальной защите. С течением времени, элементарные составляющие заботы о детях постепенно развивались, совершенствовались и складывались в систему призрения и попечительства, образуя институт социальной защиты детей.

Одним из направлений политики социальной защиты служит защита детей, детства и отрочества. Институт социальной защиты детей имеет богатую отечественную историю своего становления и развития. В течение многих веков он видоизменялся и приобретал все более важное значение в качестве проявления сострадания к детям. На сегодняшний момент социальная защита детства представляет из себя системообразующий фактор экономического, социального, культурного развития общества, представляет сущность политики государства в отношении общества, но так было не всегда. Система помощи детям постепенно складывалась в России с XVIII в. (начиная с реформ Петра I) и приобрела завершённый вид лишь к началу XX в.

К началу XVIII в. в России на государственном уровне закрепились необходимость в переходе от благотворительности к созданию системы общественного призрения. В период правления Петра I государственная политика в области социальной защиты становится более целенаправленной, социальная служба наполняется новым глубоким содержанием. Система призрения детей в России переживает изменения: создаются приюты для детей-сирот, беспризорным детям оказывается помощь в трудоустройстве. Полномочия по контролю за адресной помощью детям передаются из церковного ведения светским правительственным и общественным учреждениям [7, с. 208]. При Холмово-Успенском монастыре Петром I была открыта «сиропитательница» для «засарных» детей, ставшая первым учреждением для сирот и незаконнорожденных детей, содержали ее несколько монастырских вотчин. Согласно указам императора в каждой губернии должны были создаваться «шпиталитеты» для незаконнорожденных младенцев, существовали они благодаря частным пожертвованиям и средствам губернских управ [3, с. 20]. Также создавались различные формы устройства и трудоустройства беспризорных детей: их отдавали на воспитание семьям – тем, кто захочет о них заботиться, отправляли в ученики, матросы или работать на мануфактуры, где те могли освоить необходимую для жизни профессию.

Приемники Петра I уже не столь заботились о нуждающихся детях, только Екатерина I и Елизавета Петровна были обеспокоены жизнью незаконнорожденных детей. Однако их указы не были претво-

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

рены в жизнь и постепенно стали закрываться даже открытые Петром I приюты для детей. Это привело к увеличению количества беспризорных детей. Однако, в период царствования Елизаветы Петровны, получили распространение «приходы», которые осуществляли попечение детей-сирот и детей-инвалидов. Такое содержание производилось за счет специального налога в пользу бедных.

В эпоху Екатерины II социальная помощь и общественное призрение в отношении детей получает дальнейшее развитие. В период ее нахождения у власти были созданы специальные органы призрения – приказы, которые выполняли функцию контроля за деятельностью благотворительных заведений по территориям губерний. Кроме того, в таких крупных городах, как Петербург и Москва. В 1764 г. появились Воспитательные («Сиропитательные») дома [10, с. 62]. К 1773 г. во многих частях России были открыты учреждения, занимающиеся вопросами помощи нуждающимся детям. Особым распоряжением императрицы 1775 г. предписывалось в каждой губернии учредить Приказ общественного призрения, в обязанности которого входило организовывать больницы для детей, сиротские дома и богадельни.

После Екатерины II стала более активна благотворительность среди монарших особ. Например, Мария Федоровна, супруга Павла I, открыла первое в России училище для глухонемых детей, воспитательные дома для глухонемых и слепых детей [6, с. 67]. Открытие благотворительных обществ подготовило фундамент для складывания системы социальной помощи детям от лица государства и частных лиц. По ее инициативе при одном из воспитательных домов открылось военно-сиротское отделение. В воспитательных домах открывались специальные школы, отделения и классы, где учились и получали знания о видах будущих работ дети-сироты. Строились новые помещения для сиротских домов и училищ, к чему привлекалась также общественность.

Особое покровительство царской семьи учреждениям помощи несовершеннолетним наблюдалось в конце XVIII – начала XIX вв. Во время царствования Александра I открываются специализированные общества, нацеленные на оказание социальной помощи. В их состав входили лица одного сословия. Данные организации осуществляли свою деятельность путем членства, внесения ежегодных взносов. Эти средства были направлены на финансовую поддержку внутри самого сословия, в основном сиротам и вдовам, которые остро нуждались в поддержке. Такие общества отличались от обычных благотворительных обществ тем, что оказывали помощь своему сословию, тогда как благотворительные организации помогают любому, оказавшему в трудном положении лицу. По распоряжению царя 16 мая 1802 г. возникло Человеколюбивое общество с целью оказания помощи нуждающимся. Главным направлением деятельности учреждения было воспитание и обучение детей, которые остались без родительского попечения [10, с. 59–60]. В 1806 г. в Павловске было открыто училище для глухонемых, учеников обучали грамоте и ремеслам. В Гатчине в том же году было открыто училище для слепых детей. Позже такие школы открывались во многих губерниях.

В XIX в. призрение за общественностью было сосредоточено в руках Министерства внутренних дел, но, по сложившемуся обыкновению, и личное участие семьи императора также все более крепло. Распространенным явлением было создание благотворительных обществ и попечительских советов для оказания помощи детям-сиротам и инвалидам. Большую роль в социальной защите детей сыграла Земская реформа Александра II. Земства осуществляли социальную политику по регионам, создавали условия для развития благополучия населения. Попечительские советы содействовали устройству малолетних в учреждения призрения, выдаче денежных пособий социально-незащищенным слоям населения, организации домов трудолюбия. По территории Российской империи в пореформенный период создавались дома призрения, приюты, школы, специализированные учебные заведения. Таким образом, Александра II прозвали «реформатором», а большую часть его правления – «великими» и либеральными реформами. Большой вклад в социальное попечительство внесла и жена Александра II – Мария Александровна.

Во время правления Александра III, благодаря содействию Великой княгини Елизаветы Маврикиевны, в 1882 г. открывается благотворительное общество «Синий крест», основная функция которого

заклучалась в оказании помощи бедным и обездоленным детям. В 1893 г. возникло Общество защиты детей от жестокого обращения, в его компетенцию входила постройка различных учреждений и общежитий для детей, при которых работали мастерские, обучающие детей ремеслу. Тогда же благодаря средствам частных лиц открываются учреждения для детей-эпилептиков и слабоумных детей [8, с. 63]. Во всех делах попечительства Александру III помогала его жена – Мария Федоровна. Представители господствующего класса также занимались благотворительностью. Например, семья промышленников Бахрушиных открыла приют и больницу для беспризорных детей в Москве.

Император Николай II в 1895 г., в честь рождения своей дочери великой княжны Ольги Николаевны, учредил Ольгинский детский приют трудолюбия, «убежище для призрения» детей-сирот. Учреждение предназначалось преимущественно для подготовки детей к трудовой жизни, кроме того их обучали грамоте, ремеслам, земледелию. Впоследствии в стране были открыты более трех десятков таких приютов. В том же году под председательством княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой открылось Общества попечения об улучшении быта питомцев обоего пола Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома, вскармливаемых и воспитываемых в деревнях округов. Общество учреждало школы для детей-сирот с четырехгодичным курсом обучения, в рамках которого преподаватели знакомили учащихся с Законом Божиим, учили пению и грамоте, рукодельничать и мастерить [5, с. 80].

В конце XIX в. в стране работало более 15 тыс. благотворительных учреждений и обществ по призрению детей [4, с. 62–63]. Благотворительные организации являлись юридическими лицами, со стороны полиции за ними осуществлялся особый контроль и надзор. Благотворительная деятельность носила разнообразный характер, одной из распространенных форм было создание, например, яслей и приютов, которые предназначались для дневного пребывания несовершеннолетних детей из бедных слоев населения. Дети в таких учреждениях находились бесплатно или за небольшую плату, ведь их было необходимо накормить, одеть, дать начальное образование и обучить профессии – подготовить их к самостоятельной жизни. Наибольшая концентрация подобных учреждений была сосредоточена на территории Европейской части России и, в особенности выделим, в Прибалтийском крае.

К началу XX в. в стране было основано уже 82% всех благотворительных учреждений и 95% благотворительных обществ. Из-за большой детской смертности, начиная с 1904 г., в Санкт-Петербурге открыл свои двери Союз для борьбы с детской смертностью по России. Главной причиной высокой детской смертности оставались губительные условия, в которых находились только что родившиеся младенцы [1, с. 173]. Организация оставляла за собой право открытия филиалов по территории России. Главной целью его деятельности являлось обеспечение детских яслей, приютов и убежищ, учреждение санитарных и лечебных пунктов. Кроме того, главной функцией Союза была работа по предоставлению всесторонней поддержки малолетним детям, участие в их просвещении и добродетельном воспитании. В 1913 г. было основано Всероссийское попечительство по охране материнства и младенчества.

Итак, благодаря краткому обзору этапов создания и развития институтов оказания помощи детям, оставшимся без попечения родителей или оказавшимся в трудной жизненной ситуации в период XVIII – начала XX вв., можно сделать вывод, что попечительство развивалось неравномерно, наибольшие результаты в этой области связаны с имперским периодом отечественной истории. Таким образом, к началу XX в. в стране уже оформились основополагающие формы по оказанию социальной помощи детям, идея которых состояла в воспитании, обучении и помощи детям.

Литература

1. Антология социальной работы: в 5 т. Т. 1: История социальной помощи в России / сост. М.В. Фирсов. М.: Сварогъ: НВФ СПТ, 1994.
2. Ануфриева О.В. Становление системы социальной защиты детства в России XIX века // Альманах современной науки и образования. 2008. № 4-1(11). С. 19–21.
3. Варьвин В.А. Клемантович И.П. Управление системой социальной защиты детства. М.: Педагогич. общество России, 2005.
4. Зайнышев И.Г., Демидова Т.Е., Ерохин Ю.С. [и др.]. Теория и методика социальной работы: в 2-х ч. М.: Союз, 1994. Ч. 1.

5. Кузыченко А.С. Благотворительность в сельских местностях Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX вв. // Псков. Науч.-практич. историко-краеведч. журнал. 2011. № 34. С. 78–85.
6. Степанова И.А. Социально-правовая защита детства в России в XVII веке // Педагогическое образование. 2008. № 3. С. 67–73.
7. Торохтий В.С., Савин Ю.В., Корольков О.М. Управление социальными системами. М.: Граница, 2011.
8. Холостова Е.И. Генезис социальной работы в России. М.: Дашков и К°, 2012.
9. Чеснокова Ю.В. Политика Петра I в области общественного призрения в первой половине XVIII века // Наука и современность. 2010. № 5-3. С. 359–363.
10. Чеснокова Ю.В. Развитие системы призрения детей в России в IX–XVIII веках // Юридическая наука в XXI веке: сб. науч. ст. по итогам работы четвертого междунар. круглого стола. Ростов н/Д.: ООО «КОНВЕРТ», 2018. С. 59–62.

NADEZHDA KLISHINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**ESTABLISHMENT OF THE SYSTEM OF CHILD PROTECTION IN RUSSIA
(XVIII – the beginning of XXth centuries)**

The article deals with the processes of the formation and basic stages of the development of the system of the children's care in the Russian Empire. There are revealed the legal aspects of the development of the institute of the children's protection implemented by the state establishments, the different civic organizations, the private charity providers and the imperial family. There was kept the huge experience of the development of the system of children's protection without the parental care and in the difficult living conditions.

Key words: *child protection, social care, children of minority age, tutorage, care, charity.*

УДК 93

А.Р. КНЫШ
(knysh1901@inbox.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЖЕНОТДЕЛЫ И ИХ ВКЛАД В КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО 1920-Х ГГ. НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ*

Раскрывается вклад женотделов в культурное строительство на примере Нижнего Поволжья. Рассматривается их роль в ликвидации неграмотности, посредством занятий с малограмотными людьми, участие в деятельности культ-армии, а также рассказывается об агитационной кампании празднования 8 Марта.

Ключевые слова: Женотделы, культурное строительство, ликвидация неграмотности, культ-армия, культ-армейцы, 8 Марта.

Начало XX в. ознаменовалось коренными изменениями в нашей стране. Сначала это были политические революции, а затем, после установления Советской власти, началось культурное строительство, которое принято называть «культурной революцией». Культурная революция, по утверждению В.И. Ленина, – это «целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы» [6].

Культурные преобразования большевиков были ориентированы на становление нового советского общества. Культурная революция призвана была изменить мировоззрение, семейные и национальные отношения, сформировать новые традиции и новые обряды.

В построении социализма и осуществлении культурной революции советские женщины должны были играть важную роль, они рассматривались как серьезный кадровый резерв. Создавались специальные органы руководства женщинами – женотделы. Наибольшее применение женотделы нашли в культуре и образовании. Данная тема не раз затрагивалась исследователями. Наше сообщение посвящено краеведческой тематике в плане изучения деятельности женотделов в культурном строительстве на примере Царицына (Сталинграда).

Женотделы создавались при комитетах партии РСДРП(б). Основными задачами женотделов были: вовлечение женских масс в культурное строительство, агитация женщин в партию и воспитание новых грамотных советских работниц и крестьянок [4].

Важным делом в культурной сфере стал вопрос о ликвидации неграмотности. В первую очередь обучался женский актив – делегатки, комсомолки, коммунистки, а также заведующие фабричных комитетов.

Неграмотные делегатки сначала обучались сами в школах ликбеза, а затем шли в массы обучать других [2].

Нижнее Поволжье это – многонациональный регион, здесь проживают калмыки, поволжские немцы, казаки, татары и многие другие, поэтому в первую очередь набирался и обучался актив из местного населения и разных национальностей [9].

Делегатки внесли огромный вклад в ликвидацию неграмотности среди населения Царицына – Сталинграда и в целом всего Нижнего Поволжья. Они вели учет неграмотных, подбирали учителей, находили для школ помещения и обеспечивали их оборудованием. Во время занятий, когда обучающиеся мужчины и женщины были заняты, они присматривали за их детьми [2].

В то время были популярны «культ-армии» и «культ-армейцы». Культ-армейцами были учителя, врачи, студенты и грамотные женщины. Основу культ-армии составляли учителя-женщины, работающие в общеобразовательных школах. Именно на них ложилась основная работа, они занимались с неграмотными и малограмотными людьми, а также руководили культ-армией [1].

Культ-армейцы также проводили разъяснительную работу среди женщин, чтобы привлечь их к получению образования. Однако, естественно, все шло не так гладко, как хотелось советским

* Работа выполнена под руководством Ленивиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

властям, существовало множество проблем, из-за которых женщины не хотели получать образование. К таким проблемам можно отнести: проблема с мужьями которые не отпускали своих жен на учебу; проблема детей, которых не с кем было оставить; проблема хозяйства – нельзя было уезжать надолго и бросать дом. К тому же сами женщины часто не понимали зачем им нужно учиться [9].

Тем не менее, со временем женские массы осознали, что получение хотя бы начального образования, а также участие в делегатских собраниях и, в целом, в общественной жизни приносит реальную пользу: возможность сделать карьеру, устроить детей в ясли и детский сад, получить какие-либо привилегии.

Наиболее активных женщин направляли на курсы во вновь построенные вузы и техникумы. Они приобретали такие специальности как ясельные и дошкольные воспитатели, фельдшерицы, секретари. Популярны были курсы высших должностных и счетных рабочих. В нашем регионе в 1929 г. такие курсы прошли около 66 женщин, а уже в 1930 г. – около 443 женщины [2].

Благодаря обучению на курсах стало возможным получение высшего и средне специального образования.

В 20-е годы культурно-просветительская работа велась на разных уровнях: в изба-читальнях; в кружках; при заводах, фабриках, школах.

Женотделы активно использовали возможности печати. Так в журнале «Волго-Донской кооператор» – регулярно публиковались статьи, касающиеся вопросов вовлечения женщин в кооперацию, в «Партспутнике» – печатались руководящие материалы, в газете «Борьба» был также особый уголок, посвященный работницам и крестьянкам [Там же].

Кроме того, по всему Нижнему Поволжью распространились и столичные журналы «Работница», «Коммунистка» и «Крестьянка». Для пропаганды нового советского мировоззрения широко использовались такие культурные события, как праздники, в частности 8 Марта. В этот день проводились собрания с докладами на тему того, что сделала Советская власть для женщины. В изба-читальнях и библиотеках устраивались выставки, посвященные женскому движению. Организовывались концерты, на которых чествовали отличившихся работниц [5]. Все журналы к этому дню публиковали статьи, посвященные женскому вопросу и их участию женщин в социалистическом строительстве. Проходили торжественные шествия, парады и физкультурные соревнования для женщин [2]. Устраивались экскурсии в школы, детские сады, музеи и предприятия. Эти культурные мероприятия должны были открыть весь потенциал женского населения, который был скрыт в императорской России.

Организаторами празднования 8 Марта были женотделы при партийных и советских органах. Они и проводили собрания, выпускали тезисы докладов, организовывали шествия и создавали комиссии на предприятиях, которые следили за выполнением порученных задач [5].

Кампания, посвященная празднованию 8 Марта, начиналась задолго до самого праздника. проводились открытые партийных собрания с обсуждением женского вопроса. Работницам и крестьянкам читали лекции об изменившемся положении женщины в обществе и государстве, а также лекции о семье материнстве здоровье. Организовались соревнования среди предприятий по внедрению женского труда. На селе проводились общие собрания с местными делегатками по вопросу роли женщин в посевной компании [2].

Также на этот праздник женщины выходили с лозунгами, которые отражали окружающую их действительность и были одобрены советским органами. В дальнейшем выдвигались лозунги, отражавшие направление работы среди женщин, результаты первой пятилетки и мобилизацию на вторую [5].

Следует отметить, что женотделы провели достаточно большую работу в сфере культурного строительства в Нижнем Поволжье и вовлечение женщин в активную общественную и социально-политическую жизнь. Отдел по работе среди женщин принимал активное участие во всех ударных работах: неделя профдвижения, неделя пахаря, агиткампания о продналоге, о вербовке на рыбный промысел и т. д. В своем докладе секретарь губкома РКП(б) И.В. Муругов на V губернском партийной

конференции 1921 г. отмечал, что «женщины были втянуты в жизнь наших советских учреждений и экономических организаций, а также продвинута вперед работа и среди мусульманских женщин» [3].

В целом, можно сказать, что женщины и женотделы сыграли большую роль в культурном строительстве Сталинграда и Нижнего Поволжья в 1920–1930-е годы. При содействии женотделов и делегатов открывались новые школы, детские сады, а также происходил культурный подъем в нашем крае, увеличилось число грамотных людей среди населения, в частности среди женщин. Женотделы стали организаторами новых культурно-массовых мероприятий, особым праздником среди них был «8 Марта».

Литература

1. Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. М.: Госполитиздат, 1956.
2. Иевлев Н.В. Работа государственных органов по вовлечению женщин в культурную жизнь Нижнего Поволжья в 1920–1930-е годы // Вестник Саратов. гос. социал.-экономич. ун-та. 2010. № 5(34). С. 169–170.
3. Из отчётного доклада секретаря губкома РКП (б) И.В. Муругова на V губернской партийной конференции об усилении идейно-политического воспитания коммунистов и беспартийных масс // Культурное строительство в Волгоградской области, 1917–1941 гг.: сб. документов и материалов. Т. 1. Волгоград: Ниж. Волж. Кн. Из-во, 1980. С. 82–84.
4. Ленивихина Н.О. Культурно-просветительская работа среди женщин России в 1920-е гг. (По материалам архивов Волгоградской области) // Электрон. науч.-образоват. журнал ВГСПУ «Грани познания». 2010. № 4(9). С. 59. [Электронный ресурс]. URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/220_st.pdf (дата обращения: 25.03.2021).
5. Ленивихина Н.О. Международный женский день в советской России (на материалах Нижневолжского региона 20-х гг. XX в.) // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2016. № 2(106). С. 196–203.
6. Ленин В.И. О кооперации // Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 45. С. 372–374.
7. Петрова И.А., Комисарова Е.В. Культурная революция в Волго-Донском регионе (1917–1941 гг.) // Интеграционные процессы в науке, образовании и аграрном производстве – залог успешного развития АПК. 2011. С. 131–148.
8. Хлопова А.В. Женский вопрос в «культурной революции» // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6471> (дата обращения: 27.03.2021).
9. Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917–1937). М.: Мысль, 1978.

ANASTASIYA KNYSH

Volgograd State Socio-Pedagogical University

WOMEN'S SECTIONS AND THEIR CONTRIBUTION IN THE CULTURAL CONSTRUCTION OF THE 1920S BASED ON THE LOWER VOLGA REGION

The article deals with the contribution of the women's sections in the cultural construction based on the Lower Volga region. There is considered their role in the extirpation of literacy by the means of the classes with the uneducated people, the participation in the activities of the cult-army and there is described the agitation campaign of the celebration of the 8th of March.

Key words: *Women's section, cultural construction, extirpation of literacy, cult-army, cult-army men, the 8th of March.*

УДК 93/94

Т.А. КОРОТКОВА
(tnkorotkova.96@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И НАРОДОВ РЕСПУБЛИК СССР В ВОССТАНОВЛЕНИИ СТАЛИНГРАДА В 1945–1950 ГГ.*

Проанализировано содержание статей региональной печати, а также архивных документов делопроизводственного характера, касающихся вопросов, связанных с мероприятиями послевоенного восстановления Сталинграда. Определена роль государства и народов республик на этапе мирного восстановления города.

Ключевые слова: *всенародная помощь, послевоенная пятилетка, возрождение Сталинграда, восстановительный процесс, советский народ, молодые рабочие.*

Когда речь идет о сохранении и трансляции исторической памяти о Великой Отечественной войне, которая оставила неизгладимый отпечаток на исторических судьбах народов и регионов страны, нельзя остаться в стороне такой страницы истории, как восстановительный процесс в Сталинграде. Здесь важно учитывать не только качественные и количественные характеристики, но и эмоциональную составляющую данного процесса, настроения советских граждан, что их мотивировало, потому что именно человек сыграл огромную роль в деле возрождения Сталинграда.

Процесс возрождения Сталинграда на начальном этапе восстановительных работ носил характер общесоюзной программы, в которой принимали участие как центральные и местные органы государственной власти, так и непосредственно жители города и граждане со всей страны [7, с. 48–49].

Правительство Указом от 4 сентября 1945 г. определило Сталинград как самостоятельный административно-хозяйственный центр и причислило его к городам республиканского подчинения. С этого времени планирование средств, оборудования и материалов для него устанавливалось Госпланом СССР [6, с. 91].

18 марта 1946 г. Верховным Советом СССР был утвержден план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг., в котором была зафиксирована общая сумма затрат, выделенных на восстановление и развитие всенародного хозяйства страны, которая составила 250 млрд руб., часть из которых – 115 млрд руб. – была нацелена на возрождение районов СССР, пострадавших от немецко-фашистской оккупации, а из этих средств на финансирование восстанавливаемого Сталинграда за период первой послевоенной пятилетки (1946–1950 гг.) было израсходовано почти 2 млрд руб. [4, с. 56; 8, с. 103].

В послевоенный период главными направлениями государственной политики в восстановлении Сталинграда стали комплекс тяжелой промышленности, жилищный фонд и социально-культурная сфера [7, с. 48].

Для осуществления поставленных задач требовались значительные людские резервы. Население города быстро росло: в январе 1945 г. численность городских жителей составила 252,3 тыс. чел., а спустя пять лет, по состоянию на январь 1950 г. население города выросло более чем на 100 тыс. чел. и составило 398 тыс. чел. Из них 52,5% молодежь [5, с. 27]. В Сталинград прибывали рабочие, инженеры и техники-строители из различных областей и городов Советского Союза [2].

Жители тех регионов, откуда приезжали советские граждане на восстановление Сталинграда, продолжали поддерживать связь с ними в письмах, а также в обращении к ним через периодическую печать: «Вам, молодым патриотам, выпала великая честь – быть в числе едущих восстанавливать разрушенный гитлеровскими бандитами героический Сталинград. Провожая вас, наших лучших представителей, мы выражаем уверенность, что вы оправдаете имя кировцев, с честью выполните свой

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

долг, будете работать не покладая рук, невзирая ни на какие трудности, приложите все силы к тому, чтобы скорее задымили трубы сталинградских заводов, чтобы наша доблестная Красная Армия получила ещё больше оружия и с успехом продвигалась всё дальше и дальше на запад» [11]. Вклад в восстановление Сталинграда вносили не только те люди, которые непосредственно прибыли на территорию города. Велик был энтузиазм рабочих других городов и регионов, для которых именно Сталинград стал символом мужества, стойкости и героизма.

Настрой советских граждан поддерживался и поощрялся и периодической печатью города: зачастую в газетах публиковались подобные лозунги: «Строитель! Весь советский народ пристально следит за твоей работой. Страна ждёт от тебя быстреешего возрождения героического города. Больше инициативы, находчивости, больше упорства в достижении Великой цели восстановления Сталинграда!» [1, с. 1]. Инициатива, производственная смекалка всячески поощрялась, популяризировалась благодаря устной, наглядной агитации, настенной печати. Строители награждались медалями, отличительными значками, их вешали на доску соревнования – это были большие и заслуженные награды быть строителями города.

В связи с тем, что основной приток рабочей силы составляла молодежь, то перед государством стояли задачи удержать молодых рабочих на своих местах, укрепить энтузиазм, побудить их на новые трудовые подвиги уже в условиях послевоенного развития города [5, с. 30–31].

Также одним из приоритетных направлений государственной политики в области народного хозяйства (1946 – начало 1950-х гг.) являлось, в первую очередь, значительное финансирование промышленной сферы из местного общесоюзного бюджета. За годы первой послевоенной пятилетки союзный бюджет увеличился на 29,9%, республиканские бюджеты – на 49,3%, а местные – на 53,5% [10, с. 86]. В послевоенный период ускоренное расширение местных бюджетов было связано с возрождением и ростом местной промышленности и жилищно-коммунального хозяйства, ставшими определяющими факторами увеличения доходов от городского хозяйства, и ростом базы налогообложения по местным налогам и сборам [4, с. 76].

В послевоенный период выросло значение сберегательных касс как источников вовлечения сбережений населения, для дальнейшего направления их на финансирование народного хозяйства. Если к концу 1940 г. остатки по вкладам населения составляли 7,3 млрд руб., то на 1 января 1946 г. они увеличились до 9 млрд руб., а на 1 января 1951 г. – до 18,5 млрд руб. [9, с. 404.]. При этом значительно увеличилось число вкладчиков: с 5 млн человек на 1 января 1946 г. до 14,3 млн человек на 1 января 1951 г. [Там же]. Таким образом, перестройка налоговой системы в военное время дала значительные результаты по сбору обязательных налогов с населения.

Всего за период с 1946–1950 гг. на восстановление городского хозяйства было затрачено 1883 млн руб. и в том числе по хозяйству, подведомственному исполкому городского совета – 308 млн руб. [3].

К 1950 г. введено в эксплуатацию 489,1 тыс. кв. м жилой площади, построено индивидуального жилого фонда 725 кв. м., 48 школ, 17 детских садов, 3 больницы, восстановлено 65,1 км трамвайных путей, водопровод, производительностью 65,5 тысяч кубометров воды в сутки, 127,8 км. водопроводных сетей и 34,9 км канализационных сетей [Там же].

Таким образом, за период послевоенного развития Сталинграда в городе проведена большая работа по восстановлению хозяйства, разрушенного немецко-фашистскими захватчиками. Советские граждане, приезжающие на стройку города Сталинграда, были замотивированы, полны страстного желания быстрее приобщиться кипучей жизни Сталинграда и стать полезными в деле возрождения. В процессе возрождения города-героя приняли участие представители всех национальностей, это была народная стройка, пример трудового подвига всего народа. Для людей, переживших войну, появилась возможность проявить себя, получить новую профессию, которая была бы актуальна в данное время, появился шанс зажить новой жизнью, стать частью мирного Сталинграда, оставшись там на постоянное место жительства.

Литература

1. Больше инициативы, находчивости // Сталинградская правда. 1943. 13 июня. № 110(4540). С. 1.
2. Из отчетного доклада секретаря обкома ВКП(б) Прохвятилова о работе Сталинградского горкома ВКП(б) за период с 1 марта 1940 г. по 1 января 1948 г. На IX-й городской партийной конференции // Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 71. Оп. 8. Д. 1. Лл. 41–44.
3. Из постановления бюро Сталинградского горкома ВКП(б) о рассмотрении проекта плана развития хозяйства города Сталинграда на 1951–1955 гг. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 71. Оп. 15. Д. 8. Лл. 29–29 об.
4. Кузьмина Э.В. Восстановление Сталинграда. 1943–1950. Волгоград: Издатель, 2002.
5. Липатов А.В., Такташева Ф.А. Социально-бытовые условия организации и формы проведения досуга рабочей молодежи в Сталинградской области в послевоенный период (1945 – начало 1950-х гг.) // Электрон. науч.-образоват. журнал ВГСПУ «Грани познания». 2019. № 1(60). С. 26–32. [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1554199906.pdf> (дата обращения: 15.11.2020).
6. Люшин С.П. Трудовой подвиг волгоградцев: Исторический очерк восстановления и развития города-героя. 1943–1962. Волгоград: Кн. изд-во, 1963.
7. Олейникова Е.Г. Приоритеты социально-экономической политики центральных и региональных органов власти в период послевоенного восстановления Сталинграда // Науч. вестник Волгоград. филиала РАНХиГС. Сер.: Политология и социология. 2017. № 3. С. 44–49.
8. Орешкина Т.Н. Восстановление и развитие учреждений культуры в Сталинградской области (1943 – начало 1950-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2009.
9. Плотноков К.Н. Очерки истории бюджета Советского государства. М.: Госфиниздат, 1955.
10. Поляк Г.Б. Послевоенное восстановление народного хозяйства. М.: Финансы и статистика, 1986.
11. Снегирев Г. Ехали добровольцы в Сталинград // Кировская правда. 2018. 13 февр. [Электронный ресурс]. URL: <https://kirovpravda.ru/ehali-dobrovoltsy-v-stalingrad/> (дата обращения: 03.12.2020).

TATYANA KOROTKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE ROLE OF STATE AND PEOPLE OF THE SOVIET LANDS IN THE RESTORATION OF STALINGRAD IN 1945–1950

The article deals with the content of the papers of the regional press and the archive documents of the records management character related to the issues of the events of the postwar restoration of Stalingrad. There is defined the role of the state and people of the Republic at the stage of the peaceful restoration of the city.

Key words: *national help, postwar five years, restoration of Stalingrad, reconstructive process, Soviet people, young worker.*

УДК 93/94

А.А. КРЫМОВ

(krumok0000@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

А.С. ЧУЯНОВ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГГ.*

Выявляется роль Алексея Семеновича Чуянова в победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Анализируется специфика деятельности А.С. Чуянова в период войны. Определяются особенности задач, стоящих перед А.С. Чуяновым на разных этапах войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная Война, Сталинградский городской комитет обороны, А.С. Чуянов, Сталинградская битва, Сталинградский областной и городской комитеты ВКП(б).

Великая Отечественная война против немецко-фашистских захватчиков заставила подняться на защиту Родины каждого человека. Кто-то встретил врага лицом к лицу с оружием в руках, кто-то обеспечивал советского солдата всем необходимым от оружия и боевых машин, до теплой одежды. Однако для грамотного взаимодействия необходима была третья организующая сила, которая бы связывала фронт и тыл воедино.

Одним из тех, кто стал этой «силой», был Алексей Семенович Чуянов (1905–1977). Комплексного монографического исследования о его жизни и деятельности до сих пор не появилось, публикуются лишь биографические статьи в различных энциклопедических изданиях, посвященных Сталинградской битве [8, с. 694–695; 9, с. 156–157], почетным гражданам города-героя Волгограда [7, с. 36–40]. Правда, в последние годы прослеживается тенденция на сохранение историко-культурной памяти о Сталинградской битве на примере этой героической личности. В 2008 г. в Комсомольском сквере был открыт Музей «Сталинградский городской комитет обороны», который часто горожане называют «бункер Чуянова». Таким образом, необходимо проводить более глубокие и подробные исследования и надеяться на увеличение количества региональных работ о деятеле государственного масштаба.

Цель работы – определить роль и вклад А.С. Чуянова в период Сталинградской битвы на основе доступной источниковой базы. Для ее достижения поставлены следующие задачи: 1) охарактеризовать специфику деятельности А.С. Чуянова в условиях военного времени; 2) определить особенности задач, стоящих перед партийно-государственным деятелем на разных этапах войны.

Родившись в маленьком городе Темрюке нынешнего Краснодарского края, этот человек прошел долгий путь от секретаря райкома ВЛКСМ до первого секретаря обкома и горкома Сталинградской области [9, с. 156–157]. При этом Алексей Семенович уделял внимание не только политической карьере. С 1929 по 1938 годы А.С. Чуянов получает образование в Московском институте мясной промышленности, продолжив образования, обучаясь в аспирантуре [8, с. 694].

Наконец, в 1938 г. Алексей Семенович Чуянов получает назначение первого секретаря Сталинградского обкома и горкома ВКП(б), где и встречается его война. Как вспоминает сам А.С. Чуянов, война застала его на партийной базе отдыха на Волге, где он вместе с семьей отдыхал после тяжелой рабочей недели [10, с.23].

Сразу же перед Алексеем Семеновичем как первым председателем Сталинградского обкома и горкома ВКП(б) встал широчайший круг проблем и вопросов, который надо было решать в короткие сроки.

Как справедливо при этом отмечает С.Синякин, автор статьи, посвященной одному из почетных граждан города Волгограда (Сталинграда) А.С. Чуянову: «молодой партийно-государственный деятель не был профессиональным военным и мало разбирался в специфике работы оборонной промышленности, но он был прекрасным организатором, умел находить нужных людей для выполнения раз-

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

личных задач, а также, что самое главное, брать на себя ответственность за решения рискованных поручений» [7, с. 36–40].

На первых этапах войны, когда фронт был еще далек от Сталинграда, перед председателем местных партийных комитетов города и области стояли задачи увеличения выпуска военной продукции, мобилизации населения и обеспечения безопасности города от возможных воздушных налетов.

Чтобы выполнить данные задачи, Алексей Семенович совместно с другими партийными работниками уже с 22 по 30 июня 1941 г. принимают целый ряд решений, среди которых можно выделить: о мобилизации руководящего партийного актива и перемещении его на промышленные предприятия города, создание восьми истребительных батальонов в городе и по одному в каждом районе области для борьбы со шпионами и диверсантами, организации областного штаба местной противовоздушной обороны, о привлечении к работе на производстве учеников старших классов средних школ и студентов университетов и техникумов и т. д. Об этом свидетельствуют источники личного происхождения – дневниковые записи, которые непосредственно вел А.С. Чуянов в период 1941–1943 годов [11, с. 8–15].

В этот же период он как первый секретарь партии региона занимается вопросами общего стратегического планирования областного комитета ВКП(б). Так, 20 октября 1941 г. Алексей Семенович выступил с докладом «О текущем моменте и задачах партийных организаций города», где обсуждались вопросы укрепления обороны города, улучшения работы оборонных предприятий и т. д. [Там же, с. 44].

Роль Алексея Семеновича в области еще более увеличилась 22 октября, когда он был назначен в это же время на должность созданного Сталинградского городского комитета обороны (СГКО) [2]. Там он с первых дней реализует комплекс первоочередных задач: организация производства взрывчатого вещества динамита «О» на одном из кирпичных заводов города; создание резервного фонда на 5 тысячоек для приема раненных бойцов и целый ряд других вопросов [Там же, с. 42].

Кроме того, 3 ноября 1941 года в личном телефонном разговоре А.С. Чуянова с главой Советского государства И.В. Сталиным, в распоряжение городского Комитета обороны было передано триста противотанковых пушек (по просьбе председателя СГКО) [Там же, с. 45].

Новый этап в работе Алексея Семеновича начинается с июля 1942 г., когда главный удар гитлеровской армии нацеливается на Сталинград. Так, 3 апреля 1942 г. для оперативного взаимодействия фронта и экономической мощи Сталинграда, А.С. Чуянов постановлением Государственного комитета обороны включается в состав Сталинградского военного округа [3].

В этот период (помимо контроля выпуска военной продукции) в работе Алексея Семеновича первостепенными задачами становятся: ускоренная работа по возведению оборонительных рубежей на подступах к Сталинграду, эвакуация сельскохозяйственной продукции, а также целый ряд мер, направленных на подготовку города к возможному вторжению.

Решения по данным вопросам принимались СГКО. Например, на репрезентативном сайте Федерального архивного агентства «Сталинград» выложены рассекреченные документы (постановления, акты, записки, руководства СГКО, телеграммы СНК и др.), хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). В частности, «Постановления Сталинградского Комитета Обороны» (том № 6) № 301–370 за период с 8 июля по 8 августа 1942 г. [4]. По ним можно проследить интенсивность и оперативность принимаемых решений органом власти, возглавляемым А.С. Чуяновым. Например: Постановление № 321 от 17 июля 1942 г. «О производстве взрывных работ на строительстве оборонительного рубежа 3-го Сталинградского обвода; Постановление № 335 «О производстве камуфляжных работ и переселении жильцов, живущих около базы Главнефтебсыта», принятое 23 июля; Постановление № 360 «О производстве беззапальной огнесмеси с добавлением продукта «КС» Сталинградским ликероводочным заводом» от 4 августа и др. Подчеркнем, только за 17 июля по 8 августа 1942 г. СГКО принял более 50 нормативно-правовых документов, персональную ответственность за своевременное выполнение которых, нес Алексей Семенович [Там же].

Помимо интенсивной работы в СГКО А.С. Чуянов играл большую роль «в посредничестве» между фронтом, тылом и центральными органами власти. Как вспоминает Алексей Семенович, 8 авгу-

ста 1942 г. по просьбе командующего Юго-Восточным фронтом А.И. Еременко он связывается со И.В. Сталиным и решает вопрос об оставлении дивизии, намечаемой на перевод, в составе юго-восточного фронта. В этот же день по просьбе командующего А.С. Чуянов под свою ответственность передает юго-восточному фронту сто пушек, которые намечались к отправке в другие районы боевых действий [10, с. 78].

Более того, для оперативного обеспечения области необходимыми средствами для обороны города и области, 1 августа 1942 г. СГКО получил телеграмму за подписью заместителя председателя Совета Народных Комиссаров СССР Н.А. Вознесенского (документ № 357 тома № 6), в которой подтверждалось разрешение «председателю Сталинградского ГКО сроком до 1 сентября 1942 г. производить изъятие необходимого оборудования и материалов со Сталинградской эвакуационной базы для оборонительных рубежей и фронта» [4].

На третьем этапе деятельности А.С. Чуянова, в один из самых тяжелых периодов Великой Отечественной войны, Сталинградской битвы, в частности – с августа по 19 ноября 1942 г. – особую важность приобретают задачи оперативного решения по ремонту военной техники, мобилизации населения, а также эвакуации детей и женщин из города.

На этом этапе войны Алексей Семеновичу приходилось принимать решения не только в области обеспечения фронта, но и непосредственного отражения атак врага. По воспоминаниям А.С. Чуянова, 25 августа 1942 г., когда немцы прорывались к Сталинградскому тракторному заводу (СТЗ), председатель СГКО отдал приказ директору СТЗ Задорожному выслать против гитлеровцев истребительный батальон и части народного ополчения [10, с. 81].

Можно констатировать, что бремя ответственности Алексея Семеновича как Председателя Сталинградского ГКО в этот период крайне тяжелое. Об этом свидетельствуют различные источники – его дневниковые записи, Постановления СГКО из тома № 7-а за период с 22 августа по 2 декабря 1942 г. Например, Постановление № 401-а «Об усилении охраны заводов в г. Сталинграде» от 22 августа; № 402-а «О дополнительных мероприятиях по возведению линий обороны вокруг заводов г. Сталинграда» (доклад А.С. Чуянова) от 23 августа; № 403-а от 23 августа «О направлении на фронт истребительных и рабочих батальонов» (доклад А.С. Чуянова); № 409-а «Сообщение т. Чуянова о положении в г. Сталинграде» от 26 августа; № 423-а – Постановление Чрезвычайной комиссии Тракторозаводского района г. Сталинграда «О мобилизации всего мужского и женского населения района от 17 до 50 лет на оборонительные работы в районе» – доклад А.С. Чуянова от 18 сентября и др. [5].

Как отмечает исследователь М.Т. Поляков, меры по дополнительной охране заводов иницируются именно А.С. Чуяновым. Он же, согласно исследованиям автора, сыграл решающую роль в том, что ключевые предприятия Сталинграда не были взорваны и продолжали снабжать фронт оружием и ремонтировать военную технику [1, с. 218].

В это же время все теснее становится взаимодействие А.С. Чуянова и командующего фронтом А.И. Еременко. По поручению последнего Алексей Семенович совместно с заместителем командующего по тылу должен был решать такие вопросы, как наведение порядка в тыловом хозяйстве фронта; помощь инженерному управлению в строительстве оборонительных рубежей; организация работы переправ, а также железнодорожного и водного транспорта [11, с. 287].

На этапе контрнаступления войск РККА и разгрома противника в ходе Сталинградской битвы (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.) Алексей Семенович по поручению ГКО выезжает в 64-ю, а затем в 51-ю армию и, согласно собственным воспоминаниям, занимается чисто военными вопросами [Там же, с. 288].

По завершению сражения, как указывает М.Т. Поляков, Алексей Семенович приложил много усилий для восстановления города: в налаживании народного хозяйства, восстановлении производства необходимого фронту и сталинградцам [1, с. 218]. Об этом свидетельствуют и Постановления Сталинградского ГКО (тома № 8 за период с 21 января по 24 мая 1943 года), направленные на восстановление города: № 410 «О подготовке специалистов по разминированию полей и построек», принятое 21 янва-

ря; № 422 «Об использовании военнопленных на работах по восстановлению промышленных предприятий и г. Сталинграда» от 20 февраля; № 427 «Об обеспечении строительства и восстановления цехов завода № 91 материалами и оборудованием» от 25 февраля; № 446 от 24 мая «О восстановлении Сталинградского гидролизного завода № 8 и Т.Э.С. завода им. Куйбышева» и др. [6].

Таким образом, многочисленные документальные свидетельства позволяют сделать вывод – роль А.С. Чуянова в Великой Отечественной войне, Сталинградской битве, в частности, значительна. Занимая высокие партийно-государственные посты, он, по сути, брал высочайшую ответственность не только за принятые решения, но и их реализацию, организуя работу по эффективному взаимодействию фронта и тыла, обеспечивая взаимосвязь местных и центральных органов власти. При этом, если в начале войны Алексей Семенович занимался, главным образом, вопросами увеличения выпуска военной продукции, то к началу и в ходе Сталинградской битвы председатель СГКО все теснее начинает взаимодействовать непосредственно с воюющими фронтами. Круг вопросов, решаемых Алексеем Семеновичем, также увеличился – от организации военного производства, до обеспечения бесперебойного движения транспорта и эвакуации жителей.

Литература

1. Поляков М.Т. Призвание – служить России: от Царицынской губЧК до управления ФСБ по Волгоградской области. Волгоград: Издатель, 2011.
2. Постановление Государственного комитета обороны № 830-сс от 22 октября 1941 г. // СТАЛИНГРАД.РУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/postanovlenie-byuro-stalingradskogo-obkoma-vkp-b-i-stalingradskogo-oblispolkoma-o-sozdanii> (дата обращения: 13.01.2021).
3. Постановление ГКО СССР № 1529 о введении первого секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) А.С. Чуянова в состав Военного совета Сталинградского военного округа (с приложением справки-объективки на А.С. Чуянова). 3 апреля 1942 г. // СТАЛИНГРАД.РУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/postanovlenie-gko-sssr-no-1529-o-vvedenii-pervogo-sekretarya-stalingradskogo-obkoma-vkp-b-chuyanov> (дата обращения: 27.10.2020).
4. Постановления Сталинградского городского комитета обороны № 320-370. 17 июля – 8 августа 1942 г. // СТАЛИНГРАД.РУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/postanovleniya-stalingradskogo-gorodskogo-komiteta-oborony-no-320-370> (дата обращения: 27.10.2020).
5. Постановления Сталинградского городского комитета обороны № 401а-429а. 22 августа – 2 декабря 1942 г. // СТАЛИНГРАД.РУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/postanovleniya-stalingradskogo-gorodskogo-komiteta-oborony-no-401a-429a> (дата обращения: 27.10.2020).
6. Постановления Сталинградского городского комитета обороны № 410–449. 21 января – 24 мая 1943 г. // СТАЛИНГРАД.РУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/postanovleniya-stalingradskogo-gorodskogo-komiteta-oborony-no-410-449> (дата обращения: 27.10.2020).
7. Почетные граждане: Время. Герои. Судьбы / рук. проекта: В.А. Головин, Л.Н. Москаленко. Волгоград: Панорама, 2019.
8. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энцикл. / под ред. М.М. Загорулько. 7-е изд., доп. Волгоград: Издатель, 2017.
9. Сталинградская битва: словарь-справочник / ред. кол.: З.П. Тинина, М.М. Загорулько, Л.И. Будченко [и др.]. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2017.
10. Чуянов А.С. На стремнине века: Записки секретаря обкома. М.: Политиздат, 1976.
11. Чуянов А.С. Сталинградский дневник. 1941–1943. 2-е изд., испр. Волгоград: Ниж. Волж. кн. изд-во, 1979.

ANDREY KRYMOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

A.S. CHUYANOV IN THE GREAT PATRIOTIC WAR IN 1941–1945

The article deals with the role of Aleksey Semenovich Chuyanov in the victory in the Great Patriotic War in 1941–1945. There is analysed the specifics of the work of A.S. Chuyanov in the war period. There are defined the peculiarities of the tasks of A.S. Chuyanov at the different stages of the war.

Key words: *the Great Patriotic War, the Stalingrad Municipal Defence Committee, A.S. Chuyanov, the Stalingrad battle, the Stalingrad district and municipal committee of the All-Union Communist Party.*

УДК 902

Е.В. КУЛАЧКИНА
(kkulachkinaaa@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВКЛАД В.П. ШИЛОВА В РАЗВИТИЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ АРХЕОЛОГИИ*

Отражена роль в развитии волгоградской археологии Валентина Павловича Шилов – выдающегося советского и российского археолога, который значительную часть своей научной деятельности посвятил исследованию археологических памятников, расположенных на территории Нижнего Поволжья, в частности, Волгоградской области.

Ключевые слова: В.П. Шилов, Сталинградская археологическая экспедиция, Астраханская археологическая экспедиция, археологическое наследие Волгоградской области, бронзовый век, археология.

Валентин Павлович Шилов (1917–1995) – известный отечественный археолог, специалист в области бронзового века, научный сотрудник Института археологии РАН. Под его руководством были исследованы многочисленные памятники археологии Нижнего Поволжья, Подонья, Прикубанья и Предкавказья, раскопки которых существенно пополнили фонды археологических источников. Более того, обнаруженные Валентином Павловичем уникальные артефакты, украсили экспозиции Эрмитажа, Астраханского, Волгоградского и Ростовского музеев.

Начало научного пути В.П. Шилов связано с его обучением на историческом факультете Ленинградского государственного университета. Однако из-за начавшейся Великой Отечественной войны продолжить свою исследовательскую деятельность сразу после завершения первого образования ему не удастся. На фронте он получает несколько серьезных ранений, но несмотря на тяжелые последствия травм, требовавших постоянного нахождения в госпитале, молодой исследователь не прекратил углублять свои знания в области археологии и «...ежедневно, на костылях ходил за несколько километров заниматься в библиотеке» [3, с. 251].

После военных действий В.П. Шилов поступает в аспирантуру и заканчивает ее в 1949 г. Уже через два года успешно защищает диссертацию на тему «Население Прикубанья конца VII – середины VI веков до н. э.» [Там же].

Свои первые исследования на территории Волгоградской области В.П. Шилов начинает в составе Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, целью которой являлось изучение археологических памятников, находящихся под угрозой затопления водами строящейся ГЭС. Тогда экспедиция насчитывала четыре отряда. Сталинградским палеолитический руководил С.Н. Замятин, Заволжским – И.В. Синицын, первым Нижневолжским – К.Ф. Смирнов и вторым Нижневолжским – В.П. Шилов [2, с. 12].

Последние три на протяжении 50-х гг. XX в. занимались изучением древних курганов, остро нуждающихся во внимании археологов. За шесть лет полевых работ было раскопано несколько сотен курганов по берегу р. Волги между Волгоградом и Саратовом [1, с. 12].

Большой научный интерес вызывает деятельность Калиновского отряда, образованного уже упомянутой Сталинградской экспедицией. Этот отряд, возглавляемый В.П. Шиловым, в 1952–1954 гг. исследовал Калиновский могильник, расположенный на левом берегу р. Волги, 35 км севернее современного Волгограда. В 49 курганах подверглось анализу 189 погребений сарматского времени. Из них 148 погребений относились к раннесарматской (III–I вв. до н. э.), 18 – к среднесарматской (I первая половина II вв. н. э.) и 23 – к позднесарматской (вторая половина II–III вв. н. э.) культурам Нижневолжского региона [6].

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Должного внимания заслуживают работы Калиновского отряда в 1954 г. по изучению трех не-больших могильников на левобережной полосе р. Волги в Быковском районе Волгоградской области у с. Новоникольского (I и II) и Верхнее Погромное, на основе которых Валентин Павлович написал свою монографию под названием «Очерки о истории древних племен Нижнего Поволжья». В ней он подводит некоторые итоги изучения истории древних племен Нижнего Поволжья, начиная с эпохи ямной культуры и заканчивая сарматским временем [11, с. 3].

По вполне обоснованным причинам Волгоградская область не обладает обильным количеством памятников гуннского времени. Однако они есть, но представлены несколькими погребениями. Одно из таких было открыто у с. Верхнепогромное. В кургане находилось женское погребение, в котором присутствовала фрагментированная диадема, украшенная вставками из альмандинов, золотая сережка в виде колечка и шаровидная бусина из опала. В погребении лежали кости ног и черепа лошади.

В 1956 г. в кургане в окрестностях г. Ленинска той же экспедицией было исследовано впускное захоронение гуннского времени, где покоилась женщина в гробнице. На ее черепе была найдена узкая золотая пластина от налобной повязки. С левой стороны у плеча лежал фрагмент кулона, изготовленного из золота с вставками камней красного сердолика и янтаря. Кулон украшал филигранный орнамент из зерни и тонкой проволоки. На груди располагалось украшение из округлых золотых пластинок в виде монист. На левом запястье имелся серебряный браслет, а на пальце – золотой перстень с вставками из полированного красного стекла. Рядом с левой стопой лежал овальный медальон из синего стекла в золотой оправе. Были обнаружены лепной горшок, остатки деревянного сосуда, обломок китайского зеркала, железный кинжальчик с деревянной ручкой [1, с. 142–143].

Позднее на территории Нижневолжского региона археологические изыскания проводила Астраханская экспедиция Института археологии АН СССР под руководством В.П. Шилова. За десять лет комплексных работ в Астраханской и Волгоградской областях были раскопаны несколько могильников, содержащих в основном захоронения сарматского периода. Был получен подъемный материал, оказавший помощь археологам в решении таких проблем, как разработка хронологии сарматских культур, экономические и культурные связи сарматов, преемственность сарматских культур [1].

Также были открыты новые погребения позднесарматской культуры по р. Ахтубе у Ленинска, на р. Медведице у с. Сидоры, на р. Аксай около станции Жутово в Волгоградской области, а также у хут. Кузин, Старица, Капитанский, в местечках Сазонкин и Ордынский бугор в Астраханской области [8, с. 14–15].

Многолетняя, плодотворная деятельность Астраханской экспедиции позволила изрядно пополнить музейную коллекцию первого местного краеведческого музея. Таким образом, фонды музея обогатились уникальными материалами, некоторые из которых получили широкий резонанс. В частности, большую известность приобрели комплексы сарматского времени из курганных могильников у пос. Жутово Октябрьского района и с. Верхнепогромного Среднеахтубинского района [1, с. 5].

Археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (далее – ЛОИА) в лице ее начальника В.П. Шилова и научных сотрудников И.П. Засецкой и Л.Я. Мало-вицкой способствовала приобщению волгоградских студентов к археологической науке [7].

Где-то в начале 60-х гг. Валентин Павлович присутствовал на одном из заседаний археологического кружка исторического факультета Волгоградского государственного педагогического института (далее – ВГПИ). Как руководитель экспедиции, он принял решение пригласить тех ребят, которые принимали активное участие в ее работах и немногих первокурсников в Ленинград на зимние каникулы. Планировалось посетить культурные, образовательные учреждения города – музеи и библиотеку ЛОИА, которая ведет свое начало от библиотеки Императорской археологической комиссии. «Ребята съездили в Ленинград и были очень довольны, много рассказывали о своем пребывании в этом городе» – писал в своей книге «Об археологии, о себе, о других» А.С. Скрипкин, не попавший в состав этой студенческой делегации, но принимавший непосредственное участие в жизни кружка [9, с. 33–35].

В то время археологическая практика для студентов исторического факультета ВГПИ не проводилась. Свои первичные умения и навыки в области полевых археологических исследований студенты из Волгограда получали в экспедициях, организованных ЛОИА [9, с. 45].

В те же 60-е гг. экспедиция ЛОИА исследует археологические памятники, расположенные на территории Октябрьского района Волгоградской области. В пойме и по террасам небольшой речки Есауловский Аксай было изучено значительное количество древних курганов [1, с. 22].

Определённый интерес вызывает один из самых крупнейших сарматских могильников – Аксеновский, раскопанный экспедицией в 1966 г. Он располагался на высокой правобережной террасе р. Есауловский Аксай, если точнее – напротив хут. Дорофеевского.

Данный могильник включал в себя 38 курганов: от совсем небольших, лишь едва заметных на вспаханном поле до монументальных сооружений высотой до 4 м и диаметром 50 м, окруженных кольцевыми оградами из природного камня (песчаника) диаметром около 150 м. Здесь археологам крупно повезло – почти все курганы оказались не ограбленными.

В большой и широкой прямоугольной яме кургана № 15 было обнаружено погребение из 5 человек, но все-таки под большинством курганов в могильных ямах находился один погребенный. В мужских захоронениях присутствовал приличный набор вооружений, представленный серией железных мечей, железными наконечниками копий, бронзовыми и железными наконечниками стрел. В женских погребениях чаще всего находились бронзовые зеркала и стеклянные бусы, а в отделенных – глиняные лепные горшки.

Практически во всех погребениях как элемент погребального ритуала присутствовали кости животных – овцы и лошади [8, с. 91–92].

Таким образом, научная жизнь Валентина Павловича Шилова в большей мере была связана с археологией Нижнего Поволжья, включающего Волгоградскую область. Став сотрудником ЛОИА, он активно работал в составе Сталинградской археологической экспедиции. В последующие 30 лет являлся руководителем многих археологических экспедиций, проводивших свои исследования на Нижней Волге и Дону.

На территории Волгоградской области им было раскопано большое количество памятников, в том числе и уникальных, представленных курганными могильниками, содержащими материалы по ряду эпох: бронзового и раннего железного века, средневековья.

Кроме того, в экспедициях под его руководством, прошли первоначальную подготовку А.С. Скрипкин, В.И. Мамонтов и Е.В. Шнайдштейн, которые в будущем станут известными волгоградскими археологами.

Как отмечали его друзья и коллеги по работе: «Для научных трудов В.П. Шилова характерно неуклонное стремление к построению выводов и заключений на строго проверенных фактах. Ему была присуща высокая ответственность перед истиной в науке, позволяющая мужественно признавать ошибочность своих прежних решений, если они приходили в противоречия с новыми материалами», а это характеризует Валентина Павловича как первоклассного знатока своего дела – археолога [3, с. 252].

Литература

1. Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея / под ред. А.С. Скрипкина. Волгоград: Издатель, 2013.
2. Бурдин Е.А. Деятельность Сталинградской археологической экспедиции (1951–1957 гг.) // Вестник Ульяновск. гос. тех. ун-та. 2012. № 3(59). С. 12–13.
3. Валентин Павлович Шилов // Российская археология. 1996. № 3. С. 251–253.
4. Всевиов Л.М. К 100-летию со дня рождения Валентина Павловича Шилова // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3. С. 6–11.
5. Малов Н.М. Погребение эпохи поздней бронзы из кургана 9 на выгоне города Покровска: раскопки П.Н. Шишкина // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3. С. 29–36.

6. Мордвицева М.Н. Культурные изменения в Нижнем Поволжье по материалам комплексов с предметами из драгоценных металлов (III в. до н. э. – III в. н. э.). [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1472717923> (дата обращения: 10.01.21).
7. Скрипкин А.С. История отечественной археологии. М.: Изд-во Юрайт, 2017.
8. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984.
9. Скрипкин А.С. Об археологии, о себе и о других (из истории волгоградской археологии). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020.
10. Стеганцева В.Я. Проблематика памятников эпохи бронзы в трудах В.П. Шилова // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3. С. 19–28.
11. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975.

EKATERINA KULACHKINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**CONTRIBUTION OF V.P. SHILOV IN THE DEVELOPMENT
OF THE VOLGOGRAD ARCHAEOLOGY**

The article deals with the role of Valentin Pavlovich Shilov, an outstanding Soviet and Russian archaeologist, who devoted his scientific work to the study of the archaeological monuments situated at the territory of the Lower Volga region, including the Volgograd region.

Key words: *V.P. Shilov, Stalingrad archaeological expedition, Astrakhan archaeological expedition, archaeological heritage of the Volgograd region, the Bronze Age, archaeology.*

УДК 902

Е.В. КУЛАЧКИНА

(kkulachkinaaa@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ОРГАНИЗАЦИЯ КУЙБЫШЕВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ ИИМК АН СССР***

Рассматриваются причины создания, основной состав и ключевые направления первого этапа исследований Куйбышевской археологической экспедиции, организованной Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР для осуществления охранно-спасательных археологических работ в зонах затопления водами Куйбышевской гидроэлектростанции. Нашли отражение некоторые детали работ, которые были проведены до официального создания экспедиции в 1951 г.

Ключевые слова: Куйбышевская археологическая экспедиция, А.П. Смирнов, Куйбышевская ГЭС, охранно-спасательные археологические работы, археологическое наследие, археология.

В 50–60-е гг. XX в. Институт истории материальной культуры Академии наук СССР (далее – ИИМК АН СССР) как ведущее археологическое учреждение страны организует многочисленные экспедиции, целью которых являлось проведение охранно-спасательных археологических работ в зонах строительства гидроэлектростанций, водохранилищ и других подобных объектов.

Так, были созданы следующие крупнейшие экспедиции: Братская (рук. А.П. Окладников), Камская и Воткинская (рук. О.Н. Бадер), Красноярская (рук. М.Н. Грязнов), Саяно-Тувинская (рук. А.Д. Грач), Сталинградская (рук. Е.И. Крупнов), Куйбышевская (рук. А.П. Смирнов) и пр. [1]. Особое же место в этом списке занимает последняя, чья деятельность была направлена на изучение огромной территории: от Казани до Куйбышевской области (сейчас – Самарская область) [7].

Необходимо отметить, что первые археологические исследования, вызванные постройкой Куйбышевской ГЭС, были начаты ещё в 1938 г. Тогда археологам удалось обследовать почти всё побережье р. Волги и её притоков [12, с. 6].

Заместитель начальника и руководитель II отряда послевоенной экспедиции Н.Я. Мерперт [8, с. 178], определяя роль изысканий этого года, писал: «Работы 1938 г. были всё же значительными, чётко и продуманно проведёнными А.П. Смирновым. Ими были охвачены поймы рек Сока, Кондурчи, Усы, Черемшана, Утки, Камы, берега Самарской луки, зарегистрированы сотни памятников самых различных эпох, от палеолита до городов Волжской Булгарии и русских феодальных деревень. Однако, конечно, этими работами была охвачена далеко не вся будущая зона затопления» [2, с. 124].

В последующие два года в Куйбышевской области проводились разведки, составленные по определённому плану, силами сотрудников Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, а именно – Н.В. Бакшаевой, К.В. Муромцевой и Н.И. Чибирковым.

Первые два маршрута охватили правый и левый берега р. Волги в местах планируемого затопления и р. Усу. В результате в правобережье были обнаружены поселения у сел Муранка, Комаровка, Шигоны, Усинское, Печерские Выселки, Березовка, Жигули, Актуши и др. На левом берегу были открыты селища и стоянки у сел Хрящевки и Сускан. Третий маршрут проходил по р. Сок и преподнес ряд памятников, располагавшихся у сел Чесноковка, Сергиевск и пр. [6, с. 12].

Однако продолжить раскопки не представлялось возможным по причине начавшейся Великой Отечественной войны. Все исследования приостановились на несколько лет.

Только летом 1950 г. встал вопрос о возобновлении полевых работ в связи с выходом Постановления Правительства СССР «О строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции на реке Волге»: «... Придавая важное значения строительству Куйбышевской гидроэлектростанции на р. Волге, обеспечивающей снабжение электроэнергией промышленных предприятий гг. Москвы, Куйбышева, Саратова

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

и электрификацию железных дорог, орошение земель Заволжья и улучшения судоходства на р. Волге, Совет Министров Союза ССР постановил:

1. «Построить на р. Волге в районе г. Куйбышева гидроэлектростанцию мощностью около 2 млн киловатт с выработкой электроэнергии около 10 млрд. киловатт-часов в средний по водности год <...>» [3, с. 16].

Строительство ГЭС планировалось завершить и ввести в действие на полную мощность уже в 1955 г. [9, с. 224]. Ввиду возникшей необходимости обследования территорий, причём с колоссальным количеством малоизученных объектов археологии, которым грозило полное или частичное затопление, Куйбышевская археологическая экспедиция была официально сформирована в 1951 г.

«Послевоенная» экспедиция включала в себя 5 отрядов. Они в течение нескольких месяцев изучали всевозможные памятники прошлого – стоянки, курганы, городища в местах затопления [11, с. 5].

Уже упомянутый Н.Я. Мерперт утверждал, что «с самого начала в состав Куйбышевской экспедиции послевоенных лет входила большая группа видных специалистов по всем периодам как поволжской археологии, так и восточноевропейской археологии в целом» [2, с. 124]. Действительно, в составе экспедиции насчитывалось более 25 первоклассных учёных.

Руководителем Куйбышевской экспедиции был назначен А.П. Смирнов – крупнейший отечественный специалист, проходивший обучение у одного из основоположников археологической науки – В.А. Городцова [13, с. 176].

Совместно с многоопытным начальником работал его коллектив «булгароведов» (З.А. Акчурина, А.М. Ефимова, О.С. Хованская), специалисты по палеолиту (М.З. Паничкина), бронзовому веку (А.Е. Алихова, Р.М. Мунчаев, Н.В. Трубникова, А.Х. Халикова), железному веку (А.В. Збруева, Н.Ф. Калинин), средневековья (Т.А. Хлебникова и др.) [2, с. 124].

Также было обращено внимание на участие в деятельности экспедиции «учёных с мировым именем» – антрополога профессора Г.Ф. Дебеца и палеозоолога профессора В.И. Цалкина, отвечающих за анализ материалов [Там же].

Итак, раскопки возобновились в зонах затопления, начиная от среднего течения р. Усы, вниз по течению; по северному берегу Самарской Луки, в пределах Куйбышевской области, в районе с. Ягодного, где располагались большие курганные группы и несколько севернее, близ с. Хрящевки. Полевые работы развернулись и на территории Ульяновской области у деревень Русской Бектяшки и Зеленовки [12, с. 7].

Крупномасштабные исследования проводились в пределах Татарской АССР (сейчас – республика Татарстан) по «казанскому» течению р. Волги, по нижнему течению р. Камы, близ г. Куйбышева. Активно изучалась часть городища Булгар – крупнейшего города Восточной Европы [10, с. 15].

Более того, археологи вновь принялись за раскопки урочища Ага-Базар, где происходил торг болгар с приезжими русскими купцами [12, с. 7].

Куйбышевская экспедиция – на то время самая крупнейшая археологическая экспедиция страны [7] спасла для науки десятки и даже сотни объектов археологического наследия. Многие исследователи считают, что «она имела грандиозный размах», охватив фактически всё Среднее Поволжье [5, с. 71].

Таким образом, исследования, осуществленные уже в первые послевоенные годы, охватили всю зону строительства и сохранили для науки вещественные документы, характеризующие различные этапы истории общества на средней Волге: от времени её заселения и до XVII в. [12, с. 7].

Более того, некоторые отряды обеспечили источниками решение многих спорных проблем в истории региона. Например, палеолитический отряд, руководимый М.З. Паничкиной, впервые приступил к систематическому анализу памятников эпохи палеолита на средней Волге. Археологические материалы, добытые в урочищах Тунгуз Куйбышевской области и «Красная Глинка» Татарской АССР (сейчас – республика Татарстан), а также на островах Бектяшском Куйбышевской области и Ундорском Ульяновской области, позволили подтвердить предположение о появлении первого человека

в Поволжье в «раннюю пору плейстоцена» [12, с. 7–9]. Вероятно, авторы под «ранней порой плейстоцена» имеют в виду именно валдайское оледенение [11, с. 21].

Отряд под руководством Н.Я. Мерперта впервые обратил внимание на «длинные курганы». И добился больших успехов в изучении такого вида курганов близ с. Хрящевки Куйбышевской области [12, с. 6].

Опыт работ Куйбышевской экспедиции показал А.П. Смирнову преимущества большой, многолетней и, главное, комплексной экспедиции. Впоследствии он принял решение организовать новую широкомасштабную экспедицию – Поволжскую, которая распространила свою деятельность и на Среднее, и на Нижнее Поволжье [5, с. 72].

Примечательно, что большинство материалов экспедиции оперативно вводилось в научный оборот. В академическом издании «Материалы и исследования по археологии СССР» вышли четыре тома трудов Куйбышевской экспедиции, которые и сегодня сохраняют свою актуальность [6, с. 12].

Литература

1. 1950–1960-е гг. – спасательные работы при строительстве гидроузлов // Институт археологии Российской академии наук. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archaeolog.ru/ru/about/history/expeditions-1943-1970/1950-1960-e-gg---spasatelnye-raboty-pri-stroitelstve-gidrouzlov> (дата обращения: 15.04.2021).
2. Бурдин Е.А. Волжская Атлантида: трагедия великой реки. Ульяновск: Печатный двор, 2005.
3. Волжская ГЭС имени В.И. Ленина (1950–1958 гг.): документы и материалы / сост. А.Д. Фадеев, А.П. Яковлева. Куйбышев: Кн. изд-во, 1963.
4. Гавритухин И.О., Кузьминых С.В., Лопатин Н.В. Материалы и исследования по археологии СССР (книжная серия) // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М.: Институт археологии РАН, 2019. С. 196–199.
5. Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Зеленев Ю.А. Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. № 135. М.: НИО ГИМ, 2002. С. 71–79.
6. Кочкина А.Ф., Сташенкова Д.А. Археология в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.А. Алабина // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: краеведческие записки. 2010. № 25. С. 10–16.
7. Крупнов Е.И. Древности Нижнего Поволжья: Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
8. Мунчаев Р.М. К 80-летию Николая Яковлевича Мерперта // Российская археология. 2002. № 4. С. 176–181.
9. Носкова О.Л., Розенберг Г.С. История создания Куйбышевского водохранилища // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2012. Т. 14. № 1. С. 222–226.
10. Очерки по археологии Татарстана. Казань: Изд-во «Школа», 2001.
11. Смирнов А.П. Итоги исследований в зоне строительства Куйбышевской ГЭС // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1953. № 50. С. 5–7.
12. Труды Куйбышевской археологической экспедиции / отв. ред. А.П. Смирнов // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 1. № 42. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.
13. Федоров-Давыдов Г.Ф. К 70-летию Алексея Петровича Смирнова // Советская археология. 1969. № 4. С. 117–119.

EKATERINA KULACHKINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

ORGANIZATION OF KUYBYSHEVSKY ARCHEOLOGICAL EXPEDITION BY THE INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

The article deals with the reasons of the formation, main content and key directions of the first stage of the study of the Kuybyshevsky archeological expedition organized by the Institute of the History of Material Culture of the Academy of Sciences of the USSR for the implementation of the guarding and life saving archaeological excavations in the flooding zones by the water of the Kuybyshevsky hydro-electric power station. There are reflected the details of the work having conducted before the official formation of expedition in 1951.

Key words: *Kuybyshevsky archeological expedition, A.P. Smirnov, Kuybyshevsky hydro-electric power station, guarding and life saving archaeological excavations, archaeological heritage, archeology.*

УДК 94(47)191

Д.И. ЛОЗИН
(dil199734587@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СТАЛИНГРАДСКИЙ МЕХАНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В 1941–1945 ГГ.*

Выявляется вклад Сталинградского механического института в достижение победы в Великой Отечественной войне. Анализируются основные направления деятельности института в период 1941–1945 гг. Определяются основные проблемы, стоявшие перед Сталинградским механическим институтом в изучаемый период, и пути их решения.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Сталинградский механический институт, техническое образование, Сталинградская битва, научно-исследовательская работа, социальное обеспечение.*

Известно, что победа в Великой Отечественной войне явилась результатом героизма и самопожертвования советских солдат и напряжения всех сил народного хозяйства страны. Важную роль как на фронте, так и в тылу – на производстве играла военная техника, техническое оборудование, над разработкой и усовершенствованием которого трудились не только специализированные научно-исследовательские институты, но и высшие технические учебные заведения (Втузы). Одним из них стал Сталинградский механический институт (СМИ). Не менее важна роль СМИ в подготовке инженерно-технических кадров, которые в дальнейшем работали на производстве военной техники и иного вооружения.

Вместе с тем на сегодняшний день наблюдается достаточное малое количество работ, освещающих деятельность Сталинградского механического института в период Великой Отечественной войны, а также социальные условия жизни студентов и преподавателей института. Среди имеющихся исследований стоит отметить статью Р.М. Петруновой, которая на основании ряда воспоминаний ветеранов СМИ выявляет деятельность института в военный период, подробно раскрывает его роль в научно-исследовательской работе в области вооружения [9], а также работу О.Ю. Трыковой, где приводятся данные об участии студентов и преподавателей в обороне города и войне в целом [12]. Не менее важными при выявлении роли СМИ в войне являются работы, которые дают комплексное понимание значения Сталинградской битвы и роли региона в победе над немецко-фашистскими захватчиками в целом, а именно работы таких исследователей, как Н.А. Болотов, М.А. Белицкая [1] и т. д.

Так, Сталинградский механический институт, как один из опорных технических втузов страны, уже с самого начала Великой Отечественной войны включается в защиту Родины. Согласно исследованиям О.Ю. Трыковой, многие студенты института были направлены государством в Бронетанковую и Артиллерийскую академии РККА, а также на производства тяжелой промышленности без отрыва от производства [13].

Непосредственное участие в боях с первых дней войны приняли более 500 студентов и аспирантов, 70 сотрудников и 25 преподавателей СМИ [9]. При этом стоит отметить, что студенты не шли на войну необученными. Практически с начала основания института в нем действовала военная кафедра. Так, в 1937 г., согласно приказу по военной кафедре СМИ от 4 июля 1936 г., студенты института в обязательном порядке изучали материальную часть машин, проходили курсы радиосвязи и подготовку по огневому циклу [12, Л. 15]. Из состава женских групп организовывался санитарный взвод, который также проходил специальную подготовку [Там же, Л. 25].

Как указывается в работе Р.М. Петруновой, студенты института принимали участие в строительстве оборонительных рубежей на подступах к Сталинграду [9].

Однако 24–26 августа 1942 г., из-за масштабных бомбардировок города и наступления немцев на подступах к Сталинграду, студентов и преподавателей СМИ эвакуируют в Челябинск. Первоначаль-

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

начально их размещают в здании недостроенного универсального магазина, где 7 декабря 1942 г. начинаются занятия [9]. Несмотря на тяжесть бытовых условий и отсутствие необходимых помещений и приборов, в институте продолжалась научно-исследовательская деятельность. Согласно плану научно-исследовательских работ института на 1942 г., было проведено 26 финансируемых из госбюджета исследований. Среди них можно выделить такие работы, как: «параболоидная продувка, ее расчет и применения для двухтактных тягловых дизельных двигателей», которая имела целью произвести экономию топлива в автотракторных двигателях до 35%; «Глушитель с минимальным сопротивлением», которая предполагала довести сопротивление глушителя до нуля или даже вакуума и т. д. [10, Л. 1]. Также, согласно плану защиты кандидатских диссертаций от 10 апреля 1942 г., на базе Сталинградского механического института была проведена защита 19 кандидатских диссертаций [Там же, Л. 5].

Активная деятельность вузов в научно-исследовательской и учебной деятельности, тяжелый военный условия побудили государство стимулировать деятельность преподавателей. Приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК от 14 сентября 1942 г. предусматривалось повышение должностных окладов профессорско-преподавательского состава, директоров вузов и их заместителей по учебно-научной работе. Так, профессора – заведующие кафедрой, имеющие ученую степень доктора наук, получали в зависимости от стажа от 1700 до 2300 рублей, не имеющие докторской степени – от 1300 до 1800 рублей. Профессора кафедры, имеющие докторскую степень, стали получать от 1500 до 2000 рублей в зависимости от стажа, не имеющие докторской степени – от 1200 до 1500 тысяч. Для доцентов кафедр, имеющих степень кандидата наук, уровень заработной платы стал равняться от 1000 до 1400 рублей, доценты, не имеющие ученой степени кандидата наук – от 800 до 1100 тысяч рублей [11, Л. 1].

Несмотря на трудности эвакуации и неустроенности в связи с этим учебной системы, Сталинградский механический институт, согласно приказу народного комиссара танковой промышленности СССР от 17 мая 1943 г., утверждает прием в институт по следующим специальностям: танкостроение – 75 человек без отрыва от производства, 50 человек с отрывом от производства, авто и бронемашин – 75 и 50 человек соответственно, а также литейное производство, куда предполагалось набрать 50 человек с отрывом от производства [5, Л. 56].

В этом же году приказом Наркомтанкпрома от 6 июля 1943 г. СМИ утверждает план приема 6 аспирантов [5, Л. 63]. Директору института А.В. Ловягину предписывалось разработать индивидуальные учебные планы для каждого аспиранта, исходя из 3 – годичного срока обучения [Там же, Л. 60].

Для стимуляции учебной деятельности учащихся СМИ постановлением СНК СССР с 1 сентября 1943 г. для всех успевающих студентов Сталинградского механического университета устанавливалась стипендия. Так, для первого курса она устанавливалась в размере 210 руб. в месяц, 2 курса – 240 руб., 3 и 4 курсов – 275 руб., 5 курса – 315 руб. Аспиранты получали стипендию в размере 600 руб. [5, Л. 90].

Обучение студентов, согласно справке о начале учебного года в Сталинградском механическом институте, проводил преподавательский состав, состоящий из 6 профессоров, из них 3 доктора технических наук и 3 кандидата технических наук; 24 доцента, из которых 18 были кандидатами технических наук, а также 32 старших преподавателя и ассистента [5, Л. 152]. Заработная плата преподавательского состава в 1943 г. была практически идентична 1942 г. Так, профессор, заведующий кафедрой имел среднюю ставку в размере 2300 руб., профессор кафедры – 1500 руб., доценты института получали в месяц около 1100 руб., старшие преподаватели – 1000 руб. [3, Л. 111].

Особенностью научно-исследовательской деятельности СМИ в 1943 г. стало отсутствие у института своих лабораторий и загрузки лабораторий заводов Челябинска. В силу этих причин вести систематические научные исследования было затруднительно и основной стратегией института на 1943 г. было: «минимум затрат и максимум помощи оборонной промышленности и делу повышения квалификации профессорско-преподавательского состава». Вследствие этого большое количество исследований проводилось сотрудниками института на базе специальных научно-исследовательских институтов и оборонных заводов страны. Так, кафедра энергетики института занималась работой в области специ-

ального гидропривода на экспериментальном заводе № 200 НКТП, кафедра «Литейное производство» осуществляла исследование в лаборатории Кировского завода по текущим анализам и, в частности, по теме «Влияние наследственности металлических шихтовых материалов на качество литейной продукции». Кафедра артсистем СМИ работала в НИИ – 24 и занималась исследованиями аккумулятивных и других трофейных снарядов. Всего же, согласно плану научно-исследовательских работ за 1943 г., сотрудники Сталинградского механического института провели более 39 исследований [10, Л. 20, Л. 25].

Основной проблемой, стоящей перед Сталинградским механическим институтом в 1943 г., оставалась жилищная. Еще в марте 1943 г. приказом Наркомтанкпрома в целях укрепления учебно-материальной базы СМИ передавалось бывшее здание школы № 4 в городе Челябинске, а Кировскому заводу предписывалось построить для студентов института 2 барака на 300 человек [5, Л. 34]. Однако, как показывает повторный приказ Наркомтанкпрома от 6 июля 1943 г., данные предписания еще не были осуществлены [Там же, Л. 62]. Более того, как оказывает справка, отправляемая директором института А.В. Ловягиным Председателю комитета по делам высшей школы «О неотложных нуждах института» от 1 октября 1943 г., из 21 одной аудитории использовались институтом в учебных целях лишь 9 [Там же, Л. 152]. Остальные же аудитории использовались рядом других предприятий и организаций. Строительство же бараков для студентов СМИ Кировским заводом было вынужденно отложено до 1 ноября 1943 г. [Там же, Л. 152].

Как отмечается в плане учебно-методической и научно-исследовательской работы СМИ на 1943–1944 г., проблема с учебным зданием была решена только в конце 1943 г. [10, Л. 26].

В то же время за период конца 1943 – начала 1944 г. отмечается для Сталинградского механического института ряд положительных изменений. Так, большинство кафедр сумели собрать на заводах ряд материалов для учебной работы, а также обеспечить студентов наглядными пособиями и учебной литературой. На базе института стали функционировать небольшие лаборатории, а в предшествующий 1942–1943 гг. период работы СМИ были установлены прочные связи с научными и учебными заведениями, что позволило использовать их оборудование в научно-исследовательских и учебных целях [10, Л. 26].

В то же время именно со второй половины 1943 – начала 1944 г. начинается сложный процесс эвакуации института, который значительно осложнил выполнения поставленных перед СМИ задач. Как отмечает в своем исследовании Л.В. Харинина, первая группа преподавателей и студентов вернулась в Сталинград еще в ноябре 1943 г. [14]. Однако возвращаться, по сути, еще было куда. Согласно «Материалам об ущербе, нанесенном институту немецко-фашистскими захватчиками», за время Сталинградской битвы были полностью уничтожены учебный корпус института, учебно-вспомогательные здания, библиотека и ценная аппаратура. Общий ущерб, согласно подсчетам специальной комиссии, составил 8656134 руб. [4, Л. 2].

Только 25 декабря 1943 г. специальным приказом Наркомтанкпрома институту были переданы здания бывшего ремесленного училища № 4 и № 11. Заводу № 264 (от которого и было передано здание) было поручено к 20 января 1944 г. осуществить ремонт этих домов. Материально-техническое снабжение СМИ возлагалось данным приказом на Сталинградский тракторный завод (СТЗ). Неизвестно, насколько успешным был (и был ли вообще) ремонт, осуществляемый заводом № 264 [6, Л. 7]. Однако, согласно исследованиям Л.В. Харининой, в июле 1945 г. данная задача была переадресована СТЗ, с которой тот также справлялся весьма unsuccessfully. В целом проблема с учебными корпусами стояла перед Сталинградским механическим институтом вплоть до начала 1950-х годов [14].

Несмотря на тяжелые условия переданные здания позволили СМИ активизировать процесс эвакуации и начать занятия к 15 февраля 1944 г. [Там же]. В результате распределения контингентов учащихся между СМИ и Челябинским механико-машиностроительным институтом, в нем осталось сравнительно небольшое количество студентов, а именно по дневному отделению – 93, по вечернему – 0. Также в Сталинград возвращались двое аспирантов [8, Л. 14].

Вместе с возвращенными студентами количество обучаемых в институте насчитывало на 1944 г. 408 человек. Из них по специальностям: технология машиностроения – 159, литейные ма-

шины и литейное дело – 39, танкостроение – 101, двигатели внутреннего сгорания – 72, автомобили и тракторы – 37. Рост численности обучаемых в 1944 г. был относительно высоким [8, Л. 63]. В то же время обучение и конечный выпуск студентов сопровождалось рядом трудностей, к которым относили потерю трех учебных месяцев, в период которых происходила реэвакуация института в Сталинград, острая нехватка преподавателей инженерно-технического профиля, а также нехватка учебного инвентаря, необходимого для проведения занятий и написания курсовых работ. Все это привело к тому, что вместо 52 студентов, которые к 1944 г., согласно плану, должны были окончить институт, успешно защитили дипломные работы лишь 24 студента [2, с. 49–51].

При этом план приема студентов в СМИ на 1944–1945 г., несмотря на сохраняющиеся трудности, решением Наркомтанкпрома был сохранен на прежнем уровне. Так, 150 человек планировалось зачислить на механико-технологический факультет и 175 на танковый факультет [6, Л. 143]. Размер стипендии для студентов по сравнению с 1942 г. изменился не сильно. Так, первые и вторые курсы продолжали получать 210 и 240 руб. соответственно, 3 курс – 275 руб. Для студентов 4 и 5 курсов стипендия была повышена до 325 руб. [3, Л. 111].

В целом же, как показывает работа Р.М. Петруновой, «за годы Великой Отечественной войны институт выпустил 91 специалиста по колёсно-гусеничным машинам, 57 – по двигателям внутреннего сгорания, 80 технологов машиностроения, 46 специалистов в области артиллерии, 14 – в области литейного дела, всего – 288 инженеров, которые трудились на предприятиях по распределению НКТП» [9].

Тяжелые военные условия и трудности с реэвакуацией привели и к замедлению научно-исследовательской деятельности. Всего за 1944 г. было проведено 15 исследований. Так, кафедра «Проектировки артсистем» под руководством Л.Я. Деревянко занималась изучением факторов, влияющих на точность определения стойкости танковой брони при полигонных испытаниях. Профессор А.Н. Рабинович проектировал расчетную линейку для использования металлорежущих станков и т. д. [3, Л. 121]. Размер заработной платы преподавателей втуза в 1944 г. оставался идентичным 1943 г. и изменился лишь для доцентов – заведующих кафедрой, заработная плата которых поднялась с 1100 до 1680 руб. [Там же, Л. 111]. В это же время на Сталинградском тракторном заводе среднемесячная заработная плата инженеров и техников в 1944 г. колебалась в районе 1020–1200 руб., что говорит о достаточно высокой заработной плате преподавателей [7, Л. 28–35].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, роль Сталинградского механического института в Великой Отечественной войне проявлялась как непосредственно участием студентов и преподавателей в сражениях на фронте или строительстве оборонительных рубежей, так и участием в обеспечении текущего производства военной и иной необходимой фронту продукции. Однако главной функцией, которая успешно выполнялась СМИ в годы войны, продолжали оставаться выпуск специалистов и научно-исследовательская деятельность. Достоинством работы института в годы войны стало умение руководства и преподавательского состава кооперироваться со специализированными научно-исследовательскими институтами и заводами, что позволяло не прекращать исследования и использовать их оборудование и материалы для обучения студентов. Во-вторых, ведущей проблемой, которая не оставляла СМИ вплоть до начала 1950-х годов, стала нехватка жилищных и учебных помещений. Несмотря на формальное выделение институту зданий как в Челябинске, так и Сталинграде после реэвакуации, зачастую процесс ремонта помещений и выселение ранее живших и работавших там организаций происходил достаточно долго, что значительно осложняло работу СМИ. В-третьих, уровень заработной платы преподавателей института был достаточно высоким и в среднем равнялся размеру зарплаты инженерно-технических работников, работающих на производстве. В то же время стипендиальное обеспечение студентов в изучаемый период представляется недостаточным. В целом можно заключить, что деятельность студентов и сотрудников и преподавателей института за период Великой Отечественной войны отличается огромной самоотверженностью. Несмотря на тяжелейшие военные условия, институт продолжал учебную и научную деятельность, значительная часть которой была направлена на разгром немецко-фашистских захватчиков.

Литература

1. Белицкая М.А., Болотов Н.А. Влияние победы в Сталинградской битве на ход Второй мировой войны // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2018. № 4(127). С. 177–182.
2. Лозин Д.И. Особенности подготовки инженерно-технических работников Сталинграда в восстановительный период // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2019. № 5(28). С. 48–52. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1569927839.pdf> (дата обращения: 08.01.2021).
3. Материалы о финансировании института (штатное расписание, смета расходов на подготовку кадров и др.) // ГАВО. Ф. 4182. Оп. 4. Д. 24. ЛЛ. 1–187.
4. Материалы об ущербе, нанесенном институту немецко-фашистскими захватчиками (акт, ведомости, списки и др.) // ГАВО. Ф. 4182. Оп. 4. Д. 25. ЛЛ. 1–114.
5. Наркомат танковой промышленности Союза СССР. Приказы наркомата за 1942 год, относящиеся к деятельности института // ГАВО. Ф. 4182. Оп. 4. Д. 3. ЛЛ. 1–155.
6. Наркомат танковой промышленности СССР. Сталинградский механический институт. Приказы наркомата, относящиеся к деятельности института // ГАВО. Ф. 4182. Оп. 4. Д. 15. ЛЛ. 1–254.
7. Основные показатели по фондам и заработной плате СТЗ за 1944 г. // ГАВО. Ф. 6032. Оп. 1. Д. 281. ЛЛ. 1–67.
8. Отчеты учебной части за 1944–1945 учебной год (со всеми прилагаемыми материалами // ГАВО. Ф. 4182. Оп. 4. Д. 22. ЛЛ. 1–117.
9. Петрунева Р.М., Васильева В.Д., Навроцкий Б.А. [и др.]. Город и вуз: одна судьба на двоих // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 4. С. 109–118.
10. План научно-исследовательской работы института на 1942–1945 годы // ГАВО. Ф. 4182. Оп. 4. Д. 6. ЛЛ. 1–53.
11. Приказы Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР, относящиеся к деятельности института // ГАВО. Ф. 4182. Оп. 4. Д. 4. ЛЛ. 1–67.
12. Приказы по военной кафедре Сталинградского механического института. // ГАВО. Ф. 4182. Оп. 4. Д. 1. ЛЛ. 1–58.
13. Трыкова О.Ю. Сквозь призму времени... К 85-летию ВолгГТУ. [Электронный ресурс] URL: <http://os.x-pdf.ru/20tehnicheskie/558121-1-skvoz-prizmu-vremeni-letiyu-volggtu-bibliograficheskiy-obzor-isp.php> (дата обращения: 08.01.2021).
14. Харина Л.В. Восстановление учебно-материальной базы сталинградских вузов в 1945–1953 годах // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 9: Исследования молодых ученых. 2010. № 8-2. С. 17–23.

DMITRIY LOZIN

Volgograd State Socio-Pedagogical University

STALINGRAD MECHANICAL INSTITUTE OF 1941–1945

The article deals with the contribution of the Stalingrad mechanical institute in the victory in the Great Patriotic war. There are analyzed the basic directions of the work of the institute in 1941–1945. There are defined the basic issues of the Stalingrad mechanical institute in the period and the ways of their solution.

Key words: *the Great Patriotic war, the Stalingrad mechanical institute, technical education, the Stalingrad battle, research work, social care.*

УДК 94(47)191

Д.И. ЛОЗИН
(dil199734587@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ПРОЖИВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СТАЛИНГРАДЕ В КОНЦЕ 1920-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.*

Выявляются социальные условия проживания иностранных специалистов в Сталинграде в конце 1920 - х – первой половине 1930-х гг. На основе воспоминаний самих специалистов и отчетов заводской администрации анализируются различные аспекты условий проживания иностранных специалистов. Определяются основные различия между условиями проживания и работы граждан СССР и иностранных специалистов.

Ключевые слова: индустриализация, социальные условия, иностранные специалисты, медицинское обслуживание, заработная плата, культурно-просветительская работа.

Период конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. отмечается коренными изменениям в отечественной истории. Политика индустриализации затронула все сферы советского общества, качественно изменила дальнейшее развитие экономики. Огромную роль на первоначальном этапе индустриализации сыграли иностранные специалисты – инженерно-технические работники, а также квалифицированные рабочие. Между тем на сегодняшний день выявление социальных условий проживания иностранных специалистов, качество их жизни в СССР является все еще достаточно актуальной и перспективной темой для изучения. Особую актуальность данная тема приобретает в свете все увеличивающейся глобализации всемирной экономики, когда трудовые отношения с различными иностранными организациями, а значит и культурные, и социальные взаимоотношения становятся повседневностью для российского общества.

Целью исследования является выявление социальных условий проживания иностранных специалистов в Сталинграде в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.

Для выполнения данной цели в настоящем исследовании будут рассмотрены причины привлечения иностранных специалистов на предприятия Сталинграда в период индустриализации, выявлены особенности предоставляемого специалистам жилья и условий питания на различных предприятиях Сталинграда. Также для полного раскрытия предмета исследования необходимо охарактеризовать качество медицинского обслуживания, предоставляемого иностранным специалистам, и выявить уровень выплачиваемой им заработной платы.

Привлечение иностранных специалистов на сталинградские предприятия объяснялось рядом факторов. Во-первых, по справедливому замечанию исследователя С.В. Журавлева, рабочий класс рубежа 1920-х – 1930-х гг. активно пополнялся выходцами из деревни, которые не имели навыков индустриального труда. Как отмечает исследователь, в конце 1920-х гг. страницы газет заполнили сообщения о таких недостатках советского рабочего, как низкая квалификация, слабая производственная дисциплина и производительность труда. Важной проблемой была высокая текучесть кадров [1, с. 5].

Вследствие этого для успешного протекания процесса индустриализации советскому государству требовались квалифицированные специалисты, знакомые с поточным производством и способные на примере своего труда обучить ему советских рабочих.

Во-вторых, для постройки Сталинградского тракторного завода (СТЗ) (строившегося по проекту, разработанному американскими специалистами), реконструкции заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады» и обслуживании импортного оборудования также остро требовались иностранные специалисты [3].

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Данные факторы выдвигали требования к активному привлечению на первоначальном этапе индустриализации иностранных специалистов различного профиля.

Одной из самых важных задач, стоявших перед региональными властями, стало обеспечение иностранных специалистов жильем. Как указывает исследовательница О.О. Резаненко, иностранцы проживали в основном в новых домах Нижнего посёлка и в Доме Коммуны Верхнего посёлка Сталинграда. Сами иностранцы, согласно данным, приведённым автором, неудовлетворительно оценивали условия своего проживания, отмечая недостроенность домов, задержку поставок дров для обогрева и загрязненность помещений [3].

Между тем в материалах заводоуправлений отмечается, что в среднем на каждого иностранца приходилось 12 кв. м. жилых помещений с электрическим освещением, канализацией и всеми бытовыми предметами [2, Л. 42–69]. Так, в акте по «обследованию иностранцев, живущих в г. Сталинграде на Тракторном заводе им. Дзержинского» приводятся данные о том, что все специалисты размещены в квартирах заводоуправления. На одного человека приходится как минимум 14 кв. м жилой площади, максимум – 20 кв. м [Там же, Л. 49]. На некоторых предприятиях иностранные специалисты жили не только в заводских поселках и пригородах, но и непосредственно в городе. Например, на заводе «Баррикады» два инженера-немца проживали в сталинградской гостинице «Дюко», где каждый из номеров имел площадь 25 кв. м. От гостиницы инженеры доставлялись на автомобилях [Там же, Л. 56]. В то же время советские рабочие проживали, как правило, в необустроенных бараках с площадью 2 кв. м на одного рабочего [6].

Питание иностранных рабочих осуществлялось в отдельных столовых, куда специально поставлялись все необходимые продукты. Однако, как отмечалось в отчетах заводоуправлений и в воспоминаниях самих иностранных специалистов, привоз продуктов и их качество зачастую не соответствовали заключенным договорам. Так, в отчетах заводоуправления предприятия «Баррикады» приводятся данные о наличии столовой с пропускной способностью до 100 человек [2, Л. 57]. Однако в отчете отмечается, что сами иностранцы жаловались на однообразное питание (рис, макароны и отсутствие овощей), а также указывали на уменьшение порций с прибытием новых специалистов из-за рубежа. По собственным воспоминаниям иностранных специалистов, сфера питания была организована «критически плохо». По словам немецкого инженера Ратмана, ему «за всю жизнь не приходилось видеть такой грязи и такого обилия насекомых (тараканов, мух)», как в том месте, где их кормили. На работу регулярно приходилось ходить голодными, т. к. завтрак в столовой отсутствовал, хозорганы бездействовали в решении бытовых проблем. И если прибавить ко всему этому, как отмечал Ратман, полное отсутствие культурного отдыха и «вообще ту беспросветную тоску», которая царит в Сталинграде, то становится понятно, почему иностранцы были недовольны и ждали окончания договора, чтобы «удрать» из этого города [5].

В непосредственной близости от жилья иностранцы имели также закрытый распределитель с предметами бытового пользования. Однако в отчете проверяющих отмечается недостаток таких предметов бытового пользования, как обувь, бельё и пр. [2, Л. 57].

В материалах заводоуправлений СТЗ, «Баррикад», «Красного Октября» и СталГРЭСа отмечается в целом общая схема медицинского обслуживания. Все иностранные специалисты приписывались к амбулатории, где обслуживались и обеспечивались медикаментами вне очереди. Также за иностранцами закреплялись специально выделенные врачи, которые обслуживали специалистов на дому в любое время суток. Так, в отчете об условиях проживания иностранных специалистов на заводе «Красный Октябрь» отмечается, что как сами специалисты, так и члены их семей обслуживаются вне очереди. Отказов в медикаментах по рецептам от врачей не было. В то же время отмечаются случаи задержки дефицитных лекарств [2, Л. 46].

Вместе с тем профилактическая работа по недопущению заболеваний среди иностранцев велась, как отмечается в отчете, неудовлетворительно. Так, летом 1930 г. из-за подачи иностранцам воды из Волги без предварительной очистки вспыхнула эпидемия брюшного тифа.

Впоследствии было вынесено постановление о расширении санитарных мероприятий, об организации подачи кипяченой воды в американский поселок при Сталинградском тракторном заводе, оборудовании умывальников в столовой и изготовлении плакатов и лозунгов на английском языке о вредности сырой воды. Были приняты конкретные меры в отношении семей умерших и тяжелобольных иностранцев. Так, матери умершего американца Дейли органы соцстраха назначили пожизненную пенсию в размере 100 долл. в месяц [3]. Один из американских рабочих, который получил «тяжелое осложнение на почве тифа», был отправлен для дальнейшего лечения на курорт [4]. Подтверждение данному факту можно найти в воспоминаниях американца Франка Бруно Хонея, который также был в числе заболевших брюшным тифом. Как и других, Хонея доставили в больницу Ильича. Его друг Смолен «не выдержал тифа, умер», сам же Хоней «выдержал и стал медленно поправляться». После выписки из больницы он получил путевку в санаторий в Ливадии [3].

Немаловажным аспектом социальных условий проживания иностранных специалистов является культурная жизнь. Как отмечается в отчетах завода «Баррикады», культурно-просветительская работа велась на заводе через представителя заводоуправления и австрийского мастера. Первичной формой культурно-просветительской деятельности были лекции на такие темы, как: «О валюте (зарплате) с представителем треста»; «О пятилетнем плане» (данную лекцию проводил немецкий инженер Таубергер); «О соцсоревновании и ударничестве»; «О первом мае»; «О шовинизме» и др. вопросах [2, Л. 57]. Также стоит отметить, что во время перевыборов советов для иностранных специалистов было организовано два концерта. Помимо этого, приводятся данные о том, что иностранцы посещали клуб [4].

Согласно договорам, оплата труда иностранных специалистов производилась в рублях и долларах. Размер заработной платы на предприятиях был довольно различным. Так, на СТЗ заработок в зависимости от специальности колебался от 125 долларов и 400 рублей до 685 долларов и 554 рублей. На заводе «Красный Октябрь» иностранные специалисты получали заработную плату в среднем на 100 рублей выше, чем советские специалисты. На заводе «Баррикады», а также на СталГРЭСе зарплата специалистам, как правило, выплачивалась фирмами, приславшими их [2, Л. 42–69].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, острая необходимость привлечения иностранных специалистов в Сталинград объяснялась нехваткой квалифицированных кадров, которые смогли бы осуществлять процесс модернизации и сопровождения производства в самой стране, а также необходимостью обучения собственных рабочих посредством задействования иностранных специалистов. Во-вторых, проживание и питание иностранных рабочих было, с одной стороны, гораздо лучше, чем у советских кадров, с другой, даже при специальном обеспечении специалистов из-за рубежа, наблюдался дефицит продуктов и необходимых медикаментов. В-третьих, зарплата иностранным специалистам выплачивалась, как правило, в рублях и иностранной валюте (долларах). Выплаты происходили либо от самого завода, либо от иностранной фирмы, которая направила на завод своих рабочих.

Литература

1. Журавлев С.В. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. / С. Журавлев, М. Мухин. М.: РОССПЭН, 2004.
2. План проведения обследования использования иностранных специалистов и рабочих на промышленных предприятиях края 1931 г. // ГАВО. Ф.Р. 509. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 1–59.
3. Резаненко О.О. «Нечеловеческие условия жизни» иностранных специалистов и рабочих промышленных предприятий Сталинграда в конце 1920-х–1930-е гг. // Власть. 2017. Т. 25. № 4. С. 127–131.
4. Резаненко О.О. Культурно-просветительская и идеологическая работа среди иностранных специалистов и рабочих на промышленных предприятиях Сталинграда в конце 1920-х–1930-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 5-2. С. 106–112.
5. Чолахян В.А. Иностранные специалисты на промышленных предприятиях Нижнего Поволжья в 1920–1930-е годы // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер.: История. Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 128–133.
6. Юдина Т.В. Промышленные кадры и индустриализация Сталинграда в конце 1920-х – 1930-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 1(51). С. 120–124.

DMITRIY LOZIN

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**SOCIAL CONDITIONS OF FOREIGN SPECIALISTS LIVING IN STALINGRAD
IN THE END OF 1920S – THE FIRST HALF OF 1930S**

The article deals with the social conditions of the foreign specialists living in Stalingrad in the end of 1920s – the first half of 1930s. There are analyzed the different aspects of the living conditions of the foreign specialists based on the recollections of the specialists and the report of the factory authorities. There are defined the basic directions between the living conditions and the work of the citizens of the USSR and foreign specialists.

Key words: *industrialization, social condition, foreign specialists, medical care, salary, cultural education.*

УДК 94

Д.А. МАЙБОРОДА
(zenitdzuba@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СОВЕТСКАЯ И ГЕРМАНСКАЯ АВИАЦИЯ В КУРСКОЙ БИТВЕ*

Рассматривается современный этап исследований российских историков с начала 1990-х по сегодняшний день о советской и германской авиации. Охарактеризованы основные исследования российских современных историков о советской и германской авиации, а также рассматриваются ключевые проблемы, которые существовали во время Курской битвы в советской и немецкой авиации.

Ключевые слова: Курская битва, Великая Отечественная война, авиация, военно-воздушная армия, операция «Цитадель», Миусская наступательная операция.

Авиация в Великой Отечественной войне сыграла одну из самых важных ролей в разгроме немецко-фашистских войск. Многие данные о составе авиации и ее деятельности целые десятилетия были засекречены. Единственными источниками об авиации и ее деятельности были воспоминания и книги, которые писали участники боевых действий и командующие войсками. К сожалению, не все воспоминания и книги были напечатаны, т. к. не прошли цензуру. В начале XXI в. постепенно засекреченные архивные документы стали опубликовать в открытом доступе и появлялись новые научные статьи, труды об авиации. В этом году наша страна отметила 75-е победы Советской армии над фашизмом, поэтому сегодня актуально каждому историку внести свой вклад в изучение роли советской армии в победе над Германией и особенно авиации.

Борьба в воздухе началась еще до начала Курской битвы. Основными задачами авиации на подготовительном этапе Курской битвы были: воздушная разведка и нанесение бомбовых ударов по местам нахождения аэродромов, эшелонов с техникой и горючим, патрулирование воздушного пространства вокруг Курского выступа, отражение налетов немецкой авиации по аэродромам советских ВВС и железнодорожным узлам.

Трудности в военно-воздушных силах были как у СССР, так у Германии. Каждая сторона стремилась решить поставленные перед ними задачи, в первую очередь с помощью авиации. От того насколько авиация проявит себя в противостоянии с противником зависел исход битвы в Курской битве в пользу той или иной стороны. В начале Великой Отечественной войны преимущество в авиации было на стороне Германии, а уже в Курской битве ВВС СССР превосходили противника. Немецкая авиация, несмотря на меньшинство в небе, была все еще очень сильным противником и очень мастеровитым, т. к. известно, что существует знаменитая фраза нашего полководца времен Екатерины II А.В. Суворова: «Воюй не числом, а умением», которая показывает важную роль при боевых действиях мастерства, а не численного превосходства. В первый же день Курской битвы советские ВВС потеряли в несколько раз больше самолетов, чем Люфтваффе. Ошибки, которые были допущены советскими летчиками, командование РККА учло, и в дальнейшем советские ВВС воевали намного эффективнее и гораздо с меньшими потерями, чем в начальный период Курской битвы.

Большую роль в Курской битве сыграли советские ВВС, которые благодаря господству в воздухе смогли нарушить наступательные планы Германии и обеспечить должную поддержку советским войскам в достижении ими поставленных целей.

Одним из самых сложных вопросов в историографии является: проблема датировки перехода в начале господства в воздухе от Германии операции к советской авиации. С момента изучения данного вопроса начались противоречия одних исследований другим. Выделим пять основных дат:

1) Изданный в 1976 г. 7-й том официальной советской «Истории второй мировой войны 1939–1945 гг.» утверждал, что к исходу уже второго дня Курской битвы, 6 июля 1943 г., советские войска захватили господство в воздухе [4, с. 151].

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.Л., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

2) И.В. Тимохович в своем исследовании «Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1976» указывает, что оперативное господство советская авиация в Курской битве завоевала 9 июля [10]. В другом труде «Советская авиация в битве под Курском / И.В. Тимохович. М.: Военное изд-во м-ва обороны Союза ССР, 1959». Он же отмечает, что господство в воздухе было установлено 11 июля [11, с. 49].

3) В конце XX в. в исследованиях, посвященных Курской битве, указывалось, что немецкая авиация не смогла установить господство в воздухе, что предопределило общую неудачу операции «Цитадель». В подтверждение этой позиции можно привести в качестве примера первый многотомный российский труд по истории Великой Отечественной войны «Великая Отечественная война. 1941–1945: Военно-исторические очерки. Кн 2. Перелом», который вышел в 1998 году [1, с. 271].

4) В.Г. Горбач считает, что на всем протяжении Курской битвы советские войска не смогли захватить господство в воздухе, однако с данным тезисом нельзя согласиться, и подобную оценку можно считать верной только для первого этапа сражения. В своей книге: «Над огненной дугой: Советская авиация в Курской битве. М.: Яуза: ЭКСМО, 2007» В.Г. Горбач отмечает: «Если рассматривать четыре операции, сопутствующие Курской битве, – две оборонительные на северном и южном фасах и две наступательные, необходимо признать, что операция «Полководец Румянцев» является, пожалуй, единственной, которая началась при несомненном превосходстве ВВС Красной Армии» [2, с. 448].

В итоге сложно однозначно говорить о позиции Горбача, который считает, что советские войска не смогли захватить господство в воздухе на всем протяжении Курской битвы.

5) В XXI в. появились новые исследования, анализируя их можно отметить, что они в основном не отмечают конкретной даты, а соотносят переход инициативы в воздухе к советской стороне с 12–17 июля. В целом анализ большинства научных работ, соотношение количества боевых вылетов, участвующих самолетов и потерь, позволяет сделать вывод, что Красная Армия получила господство в воздухе во второй половине июля 1943 года. Так, тезис о том, что Красная Армия получила господство в воздухе во второй половине июля 1943 г. можно увидеть, например, в работах В.А. Шамрая «История боевых действий 2-й воздушной армии на Курской дуге в апреле-августе 1943 г.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017» [13] и в его монографии «Авиация в Курской битве: боевые действия на Воронежском и Степном фронтах в июле 1943 года / В.А. Шамрай. Воронеж, 2007» [12, с. 325]. Также необходимо упомянуть в качестве примера монографию В.А. Шамрая «Крылья перелома: 2-я воздушная армия в сражениях на Воронежском фронте в 1942–1943 гг. / В.А. Шамрай, А.Р. Полянин. Воронеж, 2007» [14, с. 122].

Каковы же были основные причины того, что СССР удалось переломить ход воздушного сражения со второй половины месяца в свою пользу? Немецкие военачальники, объясняя причины своих неудач, традиционно указывали на погодно-климатические факторы. Например, фельдмаршал Э. Манштейн пояснял провал немецкой авиации, ссылаясь на плохие местные погодные условия и переброску части авиационных соединений на другие участки фронта [7, с. 520]. Среди российских историков подобной точки зрения придерживаются Д. Хазанов, который считает, что передислокация с Белгородского направления значительных сил Люфтваффе привела к тому, что советская авиация на этом участке стала доминировать. При этом мнение участников боев кардинально отличается, к примеру доклад офицера Генштаба указывает в качестве основных фактором успеха использования 17-й воздушной армии и авиации дальнего действия. Однако, подобное мнение противоречит имеющимся данным, т. к. именно 17 июля 1943 г. авиация дальнего действия и 17-я воздушная армия перестали участвовать в операции, не имели решающего значения резервы ставки и фронтов, т. к. количество боевых вылетов и сбитых самолетов, данных подразделений, незначительно в общем количестве. В целом можно сказать, что господство в воздухе было получено в первую очередь благодаря верным решениям советского командования, которое в результате проведенных операций смогло ухудшить оперативную ситуацию для немецкой авиации, к примеру, благодаря полученным данным о базировании немецкой авиации советские войска, 6 мая 1943 г. города нанесли массированный удар по немецким аэродромам, результатом которого стала потеря Германией 215 самолетов, после чего налеты продолжались

еще два дня, и общие потери Германии составили 501 самолет. Также Вермахт вынужден передислоцировать часть своих самолетов на другие аэродромы, что также сказалось невыгодно на действиях немецких войск в ходе предстоящего сражения. Важной заслугой Генштаба стало распыление немецких сил – Вермахт в условиях нехватки техники, вынужден был постоянно перебрасывать войска с одного участка фронта на другой (в том числе и за пределы линии боев на Курской дуге), зачастую делая это по частям, особое значение в связи с этим имела Миусская наступательная операция, в ходе которой СССР хотя и не добился успеха, но сковал значительные силы Вермахта, в том числе и авиацию. Важное значение имело превосходство советской авиационной промышленности: СССР доминировал по общему количеству выпускаемых самолетов, что позволило сохранить господство в воздухе даже, несмотря на значительно большие, абсолютные потери, которые примерно соотносятся как 1 к 3, 5, но в процентном соотношении, по мнению Д.Б. Хазанова и А.Н. Медведя, немецкие потери превосходят советские более чем в два раза [8]. Следует также отметить возросшее качество выпускаемой СССР продукции, сочетавшееся с более эффективным руководством авиационной промышленности, которое при необходимости было готово идти на чрезвычайные меры, для достижения результата. Вместе с тем в немецкой авиационной промышленности, наоборот, наблюдается затяжной кризис, и как итог, немецкие самолеты не оправдывают возлагаемых на них надежд. Особо хотелось бы отметить мнение английских авторов, по мнению которых, слабость и недостаточное количество истребительной авиации привело к тому, что другие виды самолетов оказались без должной поддержки, что ограничивало действия ВВС Германии и предопределило недостаточную воздушную поддержку операции «Цитадель» без которой шансов на успех у Вермахта не было. Свое мнение на этот счет выдвигал лучший английский ас – полковник Д. Джонсон, а также эта точка зрения была закреплена английским историком Робинсом Кроссом в книге «Операция Цитадель» [6]. С этим мнением не согласен С.Г. Мороз, отмечающий, что немецкие истребительная авиация чувствовала себя весьма «вольготна» в небе над Курской дугой, а итоговый успех сражения обеспечили именно наземные войска СССР, однако этому мнению противостоят данные немецкого командования, которое отмечало, что авиация Германии не смогла выполнить своих задач по уничтожению обороны противника [8, с. 16]. Представляется, что точка зрения английских ученых более верна, анализ боевых действий Второй мировой войны позволяет сделать вывод, что без поддержки в воздухе сухопутные войска не могут добиваться поставленных целей, поэтому если бы немецкая авиация действительно была бы успешна в ходе Курской битвы, результат сражения был бы совершенно иной. Таким образом, согласимся с мнением С.А. Красовского, который считает, что «Советские Военно-воздушные силы успешно и наиболее полно решили сложный комплекс задач, начиная от завоевания и удержания господства в воздухе и кончая участием в преследовании разгромленных войск врага и борьбой с его оперативными резервами. С этой точки зрения Курская битва явилась важнейшим этапом в развитии форм и методов оперативно-тактического применения советской авиации» [5, с. 69].

Значительное внимание в западной историографии уделяется немецкому противотанковому самолету «Хеншель» Hs 129В, отмечаются уникальные характеристики этой машины, а также высокая эффективность в противодействии советским танкам, например 8 июля 1943 г. впервые в истории танковая бригада была уничтожена авиацией при отсутствии сухопутной поддержки. Не умаляя достоинств данного самолета, отметим, что на первом этапе Второй мировой войны развитие противотанковых самолетов значительно отставало от других видов авиации, соответственно, значение Хеншеля именно в том, что Вермахт получил качественную противотанковую авиацию, однако общее количество данных самолетов как в Курской битве, так и в целом во Второй мировой войне не могло оказать серьезного влияния на общий театр боевых действий, не смотря на локальные успехи самолетов.

В советской и российской историографии особое значение в конечном успехе советской авиации придается героизму советских летчиков, не останавливаясь на хорошо исследованной теме подвигов советских солдат, приведем и иную точку зрения, которая позволит сделать вывод, что фактор героизма в конечной победе СССР значительно преувеличен. В работе В.Г. Горбача приведены документы из Центрального архива Министерства Обороны, например, директива командующего Военно-

Воздушными Силами Красной Армии А.А. Новикова, обвинившего советских летчиков в том, что они стремятся «выполнить полёт, а не решить поставленную задачу». Схожего мнения придерживался и командующий 16-й Воздушной Армией генерал С.И. Руденко, который в начале сражения писал: «Так прикрывать свои войска – преступление и невыполнение моего приказа – также преступление. За все дни боёв сбито мизерное количество бомбардировщиков, а истребителей по докладу лётчиков “набили” столько, сколько их и не было у противника, тогда как бомбардировщики (прим. немецкие) ходят даже без прикрытия сотнями», в монографии мы находим и другие подобные характеристики действий советских пилотов [2, с. 238]. Анализируя исторические источники сделаем вывод, что Советская армия имея превосходство в силах, не имела достаточного опыта, естественно учитывая, что СССР вступил в войну на два года позже, а значительная часть старых кадров либо подверглась репрессиям, либо была уничтожена в первые годы войны. Вместе с тем заметим, что до конца войны советские летчики уступали в опыте врагу, что подтверждается потерями.

В целом проблема подсчета количества потерь самолетов в ходе Курской битвы является достаточно сложной, т. к. данные сильно разнятся, из-за занижения своих потерь и преувеличения вражеских каждой из противоборствующих сторон. При этом существовала разница в определении сбитых самолетов – методика советской и немецкой стороны сильно различалась. Общие потери советских войск за период Курской битвы составляли, по советским данным, около 2000 самолетов, немецкие потери, за указанный период 3700 немецких самолетов, эта цифра не может быть верной, т. к. количество немецких самолетов, участвовавших в Курской битве, значительно меньше, согласно российским исследованиям, около 1700 боевых единиц.

Анализ количества боевых вылетов, потерь и других данных позволяет сделать вывод, что господство в воздухе Советский Союз завоевал во второй половине июля 1943 г., при этом назвать точную дату не представляется возможным. Ключевое значение в итоговой воздушной победе имели два фактора: превосходство Советской авиационной промышленности и решения Генерального Штаба. Численное преимущество по количеству самолетов и полетов, которое было на стороне советских ВВС, не давало преимущество над Люфтваффе в подготовительный период и в начале Курской битвы. Основными факторами, оказавшими влияние на временное превосходство в воздухе немецких летчиков, были: недостаточная подготовка кадров для новых авиационных соединений, нехватка боевого опыта у молодых летчиков, самоуверенность наших летчиков и расчет на численное превосходство, не высокий уровень образования, общей и технической культуры летчиков и мн. др.

Многие проблемы Штабу ВВС РККА удавалось обнаружить и вовремя решить еще на этапе подготовки к Курской битве: в мае – июне. Все проблемы руководство Генерального Штаба ВВС РККА выявляло и находило пути их решения в первую очередь с помощью инспекционных проверок авиационных частей, а также с помощью совершенствования системы руководства ВВС. В ходе авиационных проверок были обнаружены многие проблемы и намечены пути их решения. Однако часть проблем, которые не удавалось оперативно решить, инструкторы и руководство ВВС пытались с помощью альтернативных вариантов исправить проблемную ситуацию.

У ВВС Красной Армии и у Люфтваффе были и общие проблемы в авиации, и основная из них – это нехватка горючего. Именно этот факт повлиял отрицательно на выполнение поставленных перед авиацией боевых задач. Советским и немецким летчикам было очень сложно долететь, порой даже до собственных аэродромов, что усложняло посадку самолета обеим сторонам.

Впечатляющее и драматичное столкновение воздушных истребителей в небе, в ходе которого были опробованы новые модели самолетов, разработаны новые тактические приемы авиационного боя и применены новые технологии в авиации. При этом погоня за количественными показателями, естественно, сказывалась на качестве продукции. Это еще и неквалифицированная рабочая сила, некачественный материал, некачественная сборка, нарушение технологий. Следует заключение, что боевые задачи, которые ставило командование, выполнялись в сложных боевых условиях только благодаря смекалке и героизму советских летчиков. Безусловно, победа в Курской битве для Красной армии досталась дорогой ценой. Однако именно она положила начало широкому наступлению на всех фронтах.

Литература

1. Великая Отечественная война. 1941–1945: Военно-исторические очерки. Кн. 2. Перелом. М.: Наука, 1998.
2. Горбач В.Г. Над огненной дугой: Советская авиация в Курской битве. М.: Яуза: Эксмо, 2007.
3. Замулин В.Н. Забытое сражение Огненной Дуги. М.: Яуза, Эксмо, 2009.
4. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 7. М.: Воениздат, 1976.
5. Красовский С.А. Жизнь в авиации. М.: Воениздат, 1960.
6. Кросс Р. Операция «Цитадель» / пер. с англ. А. Марченко. Смоленск: Русич, 2006.
7. Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ; СПб.: Terra fantastica, 1999.
8. Медведь А.Н., Хазанов Д.Б., Маслов М.А. Истребитель МиГ-3. М.: РУСАВИА, 2003.
9. Мороз С.Г. Победитель // Авиация и время. 2006. № 5. С. 4–37.
10. Тимохович И.В. Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1976.
11. Тимохович И.В. Советская авиация в битве под Курском. М.: Воениздат, 1959.
12. Шамрай В.А. Авиация в Курской битве: боевые действия на Воронежском и Степном фронтах в июле 1943 года. Воронеж: Центр-Чернозем, 2007.
13. Шамрай В.А. История боевых действий 2-й воздушной армии на Курской дуге в апреле–августе 1943 г.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017.
14. Шамрай В.А., Полянин А.Р. Крылья перелома: 2-я воздушная армия в сражениях на Воронежском фронте в 1942–1943 гг. Воронеж: Воронеж. ВВАИУ, 2007.

DENIS MAYBORODA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

SOVIET AND GERMAN AIRCRAFT IN THE BATTLE OF KURSK

The article deals with the current stage of the research from the early 1990s till the present day of the Soviet and German aviation by the Russian historians. The article describes the main research of the Russian modern historians of the Soviet and German aviation, there are examined the key issues existed during the Battle of Kursk in the Soviet and German aviation.

Key words: *the battle of Kursk, the Great Patriotic war, aviation, air force, Operation “Citadel”, Mius offensive operation.*

УДК 93/94

М.С. РОМАНОВА

(ann.romanova.1998@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОТРАЖЕНИЕ РЕФОРМАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСАНДРА II В ТВОРЧЕСТВЕ РОССИЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.*

Визуализируется реформаторство Александра II через художественные полотна тематической направленности российских художников-передвижников. Показана необходимость использования визуальных источников для подтверждения уже существующей исторической действительности и раскрытия прежде неизвестных фактов прошлого.

Ключевые слова: история России, Александр II, Великие реформы, визуальные источники, художники-передвижники.

Несмотря на то, что художественные источники являются достаточно субъективными, историки в последнее время все чаще обращаются к ним для реконструкции того или иного события, особенно того периода, когда еще не существовало кинематографа, фотографическое дело только начинало активно развиваться. Ведь порой полотна художников единственное, причем визуальное, доказательство происходящего события.

Подчеркнем, активное развитие фотографического дела наблюдается с середины XIX в., к концу столетия фотография станет более доступной (в финансовом отношении). Таким образом, картины художников-передвижников, отразивших в своих полотнах эпоху Великих реформ Александра II, можно рассматривать как художественные источники. Вместе с обширным нарративом того периода они позволяют визуализировать развитие общества, реконструировать эпоху периода царствования Александра Николаевича Романова. Кроме того, ценность художественных источников заключается не только в визуализации факта, но и в отношении автора той или иной картины к ним. В частности, в рамках данной работы важно определить отношение художников к тем важнейшим событиям отечественной истории, которым они были живыми свидетелями.

Наконец, данная тема является фрагментарно разработанной в исследовательской среде. Большинство монографий и статей носят искусствоведческий характер. Например, исследования историка искусств А. Бенуа «История русской живописи в XIX веке» [2], советского и российского искусствоведа Д.В. Сарабьянова «Образы века. О русской живописи XIX в., её мастерах и их картинах» [9]. Исключение составляет труд профессора, доктора исторических наук Е.В. Анисимова «Русское искусство глазами историка, или Куда ведет Сусанин» (2016) [1], в которой автор частично затронул и данный вопрос.

Целью работы стала визуализация реформаторской деятельности Александра II посредством художественных источников. Задачами: 1) проследить влияние художников-современников на художественное развитие России; 2) выявить ключевые события внутренней политики императора, получившие отражение в картинах художников-современников александровской эпохи; 3) определить, как художники-современники российского императора оценивали его реформаторскую её последствия, и какой вклад они внесли в формирование общественного мнения и сохранение культурного наследия о значимых событиях отечественной истории второй половины XIX вв.

Вторая половина XIX – начало XX в. в России характеризуется важнейшим событием, повлекшим за собой решение одной из ключевых проблем развития Российской империи – отмены крепостного права в России. Крестьяне объявлялись свободными и становились юридическими лицами. Изменение правового положения крестьян привело к смене формы их угнетения. На смену феодальному порядку эксплуатации пришел капиталистический. Многие права помещиков перешли частью к государству,

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

а главным образом – к общине [6]. В связи с этим Россия вступила в новую эпоху «Великих реформ», затронувших все сферы общественной жизни, в том числе и социокультурную [3].

В этот исторический период в художественной культуре отразилась идейная острота эпохи, «рубежность» общественного сознания, интерес к личности, ее духовному миру. Под влиянием растущего реалистического направления и новых эстетических взглядов, в традициях русского исторического жанра начинают происходить существенные изменения.

Главное отличие нового этапа заключалось в том, что событие воспроизводилось на полотне с высокой исторической достоверностью [2]. Это являлось одной из задач, созданного в 1870 г. ТПХВ – товарищества передвижных художественных выставок. Товарищество передвижных художественных выставок – творческое объединение, ставшее одним из символов XIX в. Передвижники боролись за реализм в живописи, их картины оказались ближе и понятнее представителям всех социальных групп, чем классицизм и романтизм, царивший в среде академического искусства [7].

И сегодня, спустя почти 150 лет, актуальными являются слова одного из выдающихся художников-передвижников Василия Ивановича Сурикова – «чтобы вдохнуть воздух прошлого, нужно достаточно долго и внимательно смотреть на историческое полотно, выполненное хорошим художником» [8]. Проследить, как художники отражали реформаторскую эпоху, реагировали на проведенные Александром II реформы, можно, изучая не только нарратив, но и через их тематические полотна.

Картина – это, прежде всего, художественный образ и мысль того времени. Например, Григорий Григорьевич Мясоедов старался «писать натуру»: летом 1872 г. художник отправился в родные места, в Тульскую губернию, и там, в селе Спасском, нашел своих героев [4]. Идея написания картины «Чтение манифеста 19 февраля 1861 года» (1873) (рис. 1) – показать отношение к реформе самого народа. Тематическое полотно точно передает разнообразное настроение лиц: ожидание нового и наступающее разочарование. Кажется, что «освобожденные» в изображении художника начинают понимать обратную сторону царской реформы. Бывшие крепостные крестьяне на неопределенно долгий срок остались в двойной зависимости от государства (выкупные платежи) и помещиков (временнообязанное положение, аренда отрезков) [5].

Рис. 1. Г.Г. Мясоедов «Чтение манифеста 19 февраля 1861 года» (1873, ГТГ, Москва)

Ответом на Земскую реформу 1864 г., которая внедряла элементы управления на местах, явилась картина Г.Г. Мясоедова «Земство обедает» (1872) (см. рис. 2 на с. 102). Теперь хозяйственной жизнью руководили органы местного самоуправления – земства. Число же крестьян из-за высокого имущественного ценза в них было незначительным. Художник отразил неравноправное положение участников земской управы простым содержанием – «земство обедает» в соответствии со своим социальным положением.

Рис. 2. Г.Г. Мясоедов «Земство обедает» (1872, ГТГ, Москва)

Проведение городской реформы Александром II создавало городские общественные управления, которые должны были заниматься рассмотрением различных хозяйственных вопросов: благоустройство улиц и зданий, обеспечение граждан продовольствием, устройство праздников, развитие городской инфраструктуры (создание дорожных сетей, портов, рынков), безопасность, устройство финансовой системы города и мн. др. [6].

Известной работой, посвященной жизни крестьян в период реформ, можно назвать картину Василия Григорьевича Перова «Сцена у железной дороги» (1868) (рис. 3). Художник умело изобразил привычную для того времени сцену: крестьяне приехали посмотреть на необыкновенное чудо техники. Смотря на каждого из героев, можно прочесть их историю, представить возможную биографию. В такой, с первого взгляда, повседневной картине В.Г. Перову удалось передать характерную атмосферу эпохи и наполнить полотно глубоким смыслом – показать не только бытовой, но и исторический сюжет – развитие железнодорожной инфраструктуры в стране.

Рис. 3. В.Г. Перов «Сцена у железной дороги» (1868, Московская государственная картинная галерея)

В самом начале своего царствования император Александр II отменил те ограничительные меры, которые были приняты в отношении образовательных учреждений в последние годы Николая I [10]. Образовательный потенциал страны был затронут им также глубоко, как и сама острота социально-экономических преобразований.

На картине Владимира Егоровича Маковского «В сельской школе» (1883) (рис. 4) изображены ученики одной из школ, открывающихся в пореформенный период (благодаря проведению земской и образовательной реформ). Преобразования в образовательной сфере ликвидировало государственно-церковную монополию на образование. Название полотна косвенно доказывает, что земства получили право на открытие учебных заведений. Сельское население, несмотря на все противоречия в реализации аграрной реформы, понимало необходимость получения современных знаний и изыскивало возможность посещать детям школу. Картина отражает заметные успехи в развитии народного образования.

Рис. 4. В.Е. Маковский «В сельской школе»
(1883, Тульский областной музей изобразительных искусств)

Значимость преобразовательной деятельности императора в социокультурной сфере передает и картина Николая Петровича Богданова-Бельского «У больного учителя» (1897) (рис. 5). Здесь изображены дети, навестившие своего учителя. Он сильно болен, что даже не может подняться с постели. Дети же выглядят обеспокоенно, один из них смотрит на учителя с заботой, другой очень растерян. Картина заставляет задуматься о том, как важно было в те годы образование для детей. Болезнь или потеря учителя воспринималась как личная трагедия каждого.

Рис. 5. Н.П. Богданов-Бельский «У больного учителя» (1897, ГТГ, Москва)

Реформаторская деятельность Александра II оказала большое влияние на творчество российских художников, на их вовлеченность в социокультурную жизнь общества. Художники-современники в своих произведениях старались отразить обстоятельства жизни их периода, осветить приоритетные проблемы российского общества.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что художники-передвижники актуализировали «судьбу освобожденного крестьянина». Они с помощью своих картин, написанных с эмоциональной окраской, в бытовом и реалистичном жанре, показали всю тяжесть крестьянского положения, сохранявшееся социальное неравенство, всю злободневность жизненных проблем крестьян пореформенной эпохи.

Это позволило, по сути, визуализировать социальную сферу Российской империи полутораковой давности, когда еще не существовало аудио- и кинодокументов, а фото- источники не получили массового распространения.

Литература

1. Анисимов Е.В. Русское искусство глазами историка, или Куда ведет Сусанин. СПб.: Арка, 2016.
2. Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX в. / сост., вступ. ст. и коммент. В.М. Володарского. М.: Республика, 1995.
3. Вишняков С.А. История государства и культуры России в кратком изложении. Социокulturоведение России. 3-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.
4. Гомберг-Вержбинская Э.П. Передвижники / 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Искусство. Ленингр. отд-ние, 1970.
5. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1954.
6. Зуев М.Н. История России с древности до наших дней. М.: Высшая школа, 1998.
7. Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. Л.: Художник РСФСР, 1961.
8. Русская история в зеркале изобразительного искусства. [Электронный ресурс]. URL: <http://history.sgu.ru/> (дата обращения: 19.12.2020).
9. Сарабьянов Д.В. Образы века: о русской живописи XIX столетия, ее мастерах и их картинах. М.: Молодая гвардия, 1967.
10. Троицкий Н. Реформы 1861–1874 гг.: Финансовые, образовательные, военные реформы // Научно-просветительский журнал «Скеписис»: [сайт]. URL: http://www.scepsis.ru/library/id_1482.html (дата обращения: 10.01.2021).

MARIYA ROMANOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

REFLECTION OF THE REFORM ACTIVITIES OF ALEXANDER II IN THE WORK OF THE RUSSIAN ARTISTS OF THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF XXTH CENTURIES

The article deals with the visualization of the reform activities of Alexander II by the means of the pictures of the thematic scope of the Russian peredvizhniki. There is demonstrated the necessity of the use of the visual sources for the substantiation of the historical reality and the revealing of the unknown facts of the past.

Key words: *history of Russia, Alexander II, Great reforms, visual sources, peredvizhniki.*

УДК 908

Е.П. САМАРАЙ

(lisasamaraj@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

«НОВАЯ ЖЕНЩИНА» В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ*

Рассматривается процесс формирования новых личностных установок советских женщин. Анализируются произведения государственных и общественных деятелей по проблеме решения женского вопроса.

Делается акцент на уникальности процесса и масштабности трансформации статуса женщины в советском государстве в 20-е годы XX в.

Ключевые слова: женский вопрос, гендерное равенство, «новый» советский человек, эмансипация, марксистский феминизм.

Современный человек является свидетелем глобальных социокультурных изменений, которые неизбежно приведут к выстраиванию новых основ мировосприятия. Одна из ключевых проблем, обсуждаемая на мировом уровне – гендерное равенство. Развитие гражданского общества порождает изменение ролей мужчин и женщин. Институт семьи трансформируется с невероятной скоростью: статус мужчины как «кормильца» подвергается переосмыслению. Проводится огромная работа по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Развивается глобальный феминизм. В этих условиях представляется интересным анализ исторического опыта формирования новых общественных установок в советском обществе в отношении женщин. Процесс конструирования образа «новой» женщины в СССР уникален, его изучение позволяет рассмотреть гендерную проблему с новых сторон.

Советское государство 1920-х годов столкнулось с проблемой конструирования новых социокультурных установок граждан. Эффективное выстраивание политики, направленной на формирование «нового» человека, затруднялось из-за огромной пропасти в социальном статусе мужчин и женщин. Правовое положение женщин в России в XIX в. отличалось малой защищённостью в социальной сфере, неимением политических прав, отсутствием возможности проявить свои профессиональные навыки. Эти факторы привели к тотальному гендерному неравенству. Новому советскому государству необходимо было выработать комплекс политических, социальных, правовых преобразований, способных сформировать в обществе новое понимание роли женщины в построении коммунизма, приблизиться к решению так называемого женского вопроса.

Женский вопрос становился предметом исследования многих общественных и политических деятелей в России и за рубежом. Ф. Энгельс в работе «Происхождения семьи, частной собственности и государства» (1884 г.) говорил о процессе закрепощения женщин в буржуазном мире. Это закрепощение, вызванное развитием частнособственнических отношений, порождало неэффективные модели развития общества. Необходимо было предоставить возможность женщинам трудиться наравне с мужчинами для обеспечения победы социализма [15]. О потребности изменения статуса женщины в связи с построением нового общества говорил В.И. Ленин. В речи «Пятый международный съезд по борьбе с проституцией» он высказал мысль о необходимости борьбы с проституцией и повышении социального статуса женщин, как неотъемлемых участниц работы по построению лучшего мира [11, с. 79–80]. Одна из главных идеологов марксистского феминизма А.М. Коллонтай в работе «Новая мораль и рабочий класс» (1919 г.) определяла роль женщины как «кочевницы-работницы», любовь которой должна, прежде всего, быть направлена на трудовое дело [7, с. 3–36]. Женщины-крестьянки становились объектом изучения Н.К. Крупской в «Женщине-работнице» (1901 г.). Автор приходит к выводу, что абсолютное бесправие крестьянских женщин порождало нищету и убогость всей крестьянской общины [9]. Проблема женского труда в СССР и его роли для формирования новых социокультурных установок

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

поднималась в труде Н.Д. Араловец «Женский труд в СССР» (1954 г.) [2]. В.Л. Бильшай в работе «Решение женского вопроса в СССР» (1956 г.) предприняла попытку комплексного анализа опыта советского государства в решении женского вопроса [3].

Из современных работ, касающихся изучения процесса создания женщины нового типа, хотелось бы выделить труд С.Г. Айвазовой «Русские женщины в лабиринте равноправия» (1998 г.). Автор подробно рассматривает начальный этап строительства советского государства и анализирует новое женское сознание, базирующееся на идее равноправного труда [1]. И.Ю. Говряков в диссертации «Женский вопрос» в советской публицистике 1920-х гг.» (2015 г.) последовательно анализирует становление образа советской женщины через агитацию и пропаганду в печати [5]. Региональному аспекту проблемы организации работы среди женщин (на примере Нижнего Поволжья) большое внимание уделяет Н.О. Ленивихина в статье «Партийное руководство “женской активностью” в 20-е г. XX в. на примере Нижневолжского региона» (2015 г.). Автор выделяет основные методы работы с женщинами на местах и отмечает двойственный характер партийного руководства данным вопросом [10].

Цель настоящего исследования – анализ путей формирования образа «новой» женщины в 1920-е годы.

Источниковую основу исследования составили труды государственных и общественных деятелей исследуемого периода, документы партийных органов (постановления, материалы съездов и совещаний).

В ходе исследования были изучены теоретические основы складывания новых личностных установок советских женщин, выделены механизмы, направленные на решение женского вопроса в советском государстве в 20-е годы XX в.

Революционные потрясения деформировали или полностью уничтожили многие ценностные ориентиры, существовавшие в имперской России. На повестку дня встали вопросы, ранее не затрагиваемые. Таким был и женский вопрос. 1920-е годы не отличались обширной законодательной базой по проблеме гендерного равенства. Однако общественная и политическая мысль этого времени проложили курс на масштабные преобразования в будущем.

Новое советское общество нуждалось в инициативных трудолюбивых работницах, готовых наравне с мужчинами встать на путь построения социалистического мира. В 1919 г. при Центральном комитете коммунистической партии был создан Женотдел ЦК ВКП(б) [5, с. 47]. Главной задачей этого органа стала агитационная работа среди женского населения. Женотделы были проводниками в беспартийные массы идей коммунизма. Это было необходимо, потому что борьба за раскрепощение женщин не воспринималась вне борьбы классовой. На IX съезде РКП(б) (с 29 апреля по 5 апреля 1920 г.) в резолюции был сделан акцент на актуальности организации работы с женским населением, объявляемой «...одной из неотложных задач момента...». Комплексное решение женского вопроса обуславливалось «...борьбой с производственной и продовольственной разрухой, общественным питанием и воспитанием, борьбой с безграмотностью...» [13]. В 1921 г. в Москве состоялось Всероссийское совещание губернских женотделов. На нём были поставлены задачи производственной пропаганды: воспитание сознательного отношения к труду, борьба с прогулами и т. д. [14].

Борьба с проституцией, как прямым наследием буржуазного общества, стала одной из центральных задач на пути формирования образа «новой» советской женщины. В конце 1919 г. были выработаны первые «Тезисы по борьбе с проституцией». Предполагалось, что меры по ликвидации данного порока должны уничтожить корень проблемы: плохо оплачиваемый труд, веками сложившаяся модель зависимости от мужчин, ставящая женщин в положение безысходности, приводящее к продаже собственного тела. Отмечалось, что женщины, занимающиеся проституцией, опасны своим тунеядством, поэтому должны стать объектом воспитательного и лечебного воздействия. Планировалось создание специальных трудовых колоний, мастерских и распределителей, направленных на борьбу с этим постыдным для советской гражданки делом. Был провозглашен лозунг «Коммунизм – могила проституции» [12].

Мобилизация всех трудовых ресурсов молодого государства была жизненно необходимой для его успешного функционирования. Политическими и общественными деятелями обосновывалась необходимость равного труда мужчин и женщин. Так, например, в «Задачах работниц в Советской

России» (1919 г.) И. Арманд писала: «У работниц нет никаких специфических женских задач, нет специальных интересов, отличающихся от интересов всего пролетариата. Главной основной задачей работниц является сейчас, как и для пролетариата, революционная борьба за торжество рабочего класса над мировым империализмом – за торжество коммунизма» [5, с. 18]. Труд стал восприниматься как инструмент эмансипации женщины. Необходимо отметить, что включение женщин в общественное производство было продиктовано не только потребностями эмансипации, но и потребностью в модернизации советской экономики [1].

Советская женщина должна была быть свободна от религиозных стереотипов мышления. Глобальная работа по атеизации увязывалась с ликвидацией безграмотности. Антирелигиозный деятель М.О. Горин в работе «О женщине и религиозной чертовщине» (1926 г.) говорил, что необразованная женщина – «первая богомольщица и в православных храмах, и в католических костёлах, и в еврейских синагогах» [6]. Религия в глазах общественности должна была выступать источником необразованности и непросвещённости «новой» советской женщины. В условиях, когда работница может избежать скудости и серости жизни только посещением храма, не может быть воспитано новое общество. Н.К. Крупская пишет: «Работнице страшно мешает в приобретении знаний женский недосуг» [8, с. 37]. Улучшение условий жизни женщины, обеспечение просвещения создадут базу для формирования революционного мирозерцания и отказа от религиозных предрассудков [4].

Формирование советской культуры повседневности нельзя было осуществить без изменений условий быта «нового» человека. Виднейшие деятели женского движения (А. Коллонтай, Н. Крупская) сформулировали тезис о выстраивании системы труда и отдыха таким образом, чтобы «новая» советская женщина освободилась от домашних обязанностей и могла полноценно работать на благо всего народа [5, с. 150]. Стали активно насаждаться такие формы быта, как дома-коммуны, общежития и пр. Изменялась и форма воспитания детей. Институт семьи кардинально трансформировался. В условиях, когда женщина, прежде всего, работница, которая обязана направить все свои силы на эффективную организацию труда, воспитание детей становится общественным. Ответственность за организацию быта и заботу о детях равномерно распределяется между всеми членами общества.

Можно сделать вывод, что в 20-е годы XX в. в советском государстве проходило тотальное изменение социального женщины. Уравнение прав мужчин и женщин стало одной из актуальных задач построения социализма. Политические и общественные деятели в своих трудах сформировали идеальный образ трудолюбивой, сильной работницы, которая готова возложить на себя все тяготы строительства социализма. «Новая» советская женщина должна была освободиться от религиозных предрассудков с помощью активной общественной и трудовой деятельности, через участие в организации разных форм досуга. Трансформация института семьи происходила в тесной связи с изменением бытового уклада и формы организации воспитания. Впервые решение женского вопроса стало предметом обсуждения на общегосударственном уровне.

Литература

1. Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия: Очерки полит. теории и истории. М.: РИК Русанова, 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://www.owl.ru/win/books/rw/o2_2.htm#117 (дата обращения: 15.12.2020).
2. Араловец Н.Д. Женский труд в СССР. М.: Профиздат, 1954.
3. Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. М.: Госполитиздат, 1956.
4. Говряков И.Ю. Десятилетие безбожниц: женщина в антирелигиозной пропаганде 1918–1929 гг. // История современных СМИ. 2013. № 1. С. 44–58.
5. Говряков И.Ю. «Женский вопрос» в советской публицистике 1920-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
6. Горев М. О женщине и религиозной чертовщине // Антирелигиозная работа среди женщин: сб. / сост. Л. Сталь. М., Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 17–18.
7. Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. М.: ВЦИК Советов р., к. и к. депутатов, 1919.
8. Крупская Н.К. Антирелигиозная пропаганда. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929.
9. Крупская Н.К. Женщина-работница / под ред. В.И. Ленина. Мюнхен: Тип. «Искры», 1901.
10. Ленивихина Н.О. Партийное руководство «женской активностью» в 20-е г. XX века на примере Нижневолжского региона // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2015. № 5(100). С. 287–294.

11. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О женском вопросе. М.: Политиздат, 1971.
12. Мирошниченко М.И. «Злостные лица» женского пола: борьба с проституцией в свете революционного самосознания в 1920–1922 гг. (по материалам Урала) // Женщина в российском обществе. 2011. № 1.
13. О работе среди женского пролетариата // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1954. 7-е изд. М., 1954. Ч. 1. 1898–1924. С. 503. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/09siezd2.htm> (дата обращения: 05.01.2021).
14. Основные положения о производственной пропаганде среди женщин // Материалы III-го Всероссийского совещания губженотделов. М.: Госиздат, 1921. С. 30.
15. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1955, Т. 21. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t21.pdf> (дата обращения: 15.12.2020).

ELIZAVETA SAMARAY

Volgograd State Socio-Pedagogical University

“NEW WOMAN” IN THE SOVIET STATE

The article deals with the development of new personality settings of the Soviet women. There are analyzed the works of the politicians and public men aimed at the solution of the women's issue. There is emphasized the unique character of the process and proportion of the transformation of the woman status in the Soviet State in the 1920s.

Key words: *women issue, gender equality, “new” Soviet man, emancipation, Marxist feminism.*

УДК 93/94

В.Ю. СЕЛИВАНОВА

(valeria.maksimova2014@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**РЕГЕНТСТВО СОФЬИ АЛЕКСЕЕВНЫ: ЗАКАТ СТАРОГО МИРА
ИЛИ РОЖДЕНИЕ НОВОГО?***

Рассматривается период регентства Софьи Алексеевны Романовой. На основе анализа источников и литературы дана характеристика основных направлений внешней и внутренней политики правительства царевны Софьи, определено значение правления Софьи для будущей петровской России.

Ключевые слова: история России, регентство, XVII век, женщины-правительницы, Софья Алексеевна, Вечный мир, Нерчинский договор, Крымские походы, Славяно-греко-латинская академия, Пётр I, допетровская Россия, старообрядчество.

Семнадцатый век уже давно в отечественной историографии называют «бунташным», но на это есть все основания, вспомнив огромное количество потрясений, выпавший на нашу страну в данный период времени. Столетие заканчивается Смутой так же, как и начиналось, но совершенно иного типа.

Допетровская Россия нередко очерняется авторами на страницах монографий, учебников и популярных книг, пытаюсь оправдать радикальные преобразования Великого императора Петра I. Однако сохранённые и дошедшие до нас источники позволяют нам утверждать о том, что в Московском царстве процветала экономика, наука, ремесло и культура, когда, находясь под властью царевны Софьи, «торжествовала довольность народная» [4].

Один из исследователей данного периода, Виктор Петрович Наумов, в своей работе писал: «Правление Софьи Алексеевны – это не закат старого мира, а рождение нового. Имперский XVIII век России начался уже при Фёдоре и Софье, а Пётр лишь ускорил движение по намеченному пути» [6, с. 349]. Однако, на сегодняшний день не так и много попыток дать объективную оценку деятельности Софьи Алексеевны, её роли в событиях с 1682 по 1689 года из-за огромного количества источников, которые противоречат друг другу. В данной статье делается попытка по-новому взглянуть на деятельность царевны Софьи Алексеевны.

События, благодаря которым Софья в 1682 г. пришла к власти, окутаны множеством легенд. Тем не менее, несмотря на попытки запятнать личность царевны и выставить её недостойной сестрой Петра I, нельзя не отметить вклад правительства в период её регентства в развитие Московского государства.

Одна из задач нового правительства была связана с проблемой размежевания, заселения и использования поместного фонда. Первая попытка проведения всеобщего описания земель была предпринята в последний год правления Алексея Михайловича, а в 1676 г. продолжена царём Фёдором.

Продолжая политику своего отца и брата, правительство Софьи занималось проблемой размежевания поместных земель и заселения неосвоенных территорий в южных уездах России.

В мае 1683 г. был издан указ о межевании спорных земель, состоящих из 45 статей [12]. Он предписывал наказания для тех, кто посмел мешать работе межевщиков, и для тех, кто сподобился давать взятки за подделку писцовых книг.

В декабре 1685 г. был издан указ о невозвращении помещикам крестьян, которые поселились в городских слободах, платили налоги вместе с посадским населением [11]. Однако данный акт ни в коем случае не стоит считать шагом к освобождению от крепостного права, ибо на горожан возлагалась коллективная ответственность. Они не имели право свободно передвигаться, а также были прикреплены к своим слободам.

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Сам процесс описания земель продолжался в течение всего периода регентства Софьи и прекратился только в новом столетии, когда Пётр I заменил поземельную систему налогообложения на подушную.

Во время регентства Софьи был опубликован ещё один важный указ от 21 марта 1684 г. «О на следовании после умерших всех поместных земель их детьми, внуками и правнуками, верстанными и неверстанными» [10], который влиял на процесс сплочения правового положения поместий и вотчин. Благодаря указу за наследниками теперь сохранялись все поместья, в независимости от размеров их собственных поместных окладов. Однако полное равенство между вотчинами и поместьями пока ещё не произошло.

Следующим важным направлением во внутренней политике Софьи Алексеевны стало продолжение борьбы против старообрядчества. Этот период отличился наиболее жестокими способами борьбы против раскола православия за всю трехвековую историю.

В 1683 г. были произведены крупномасштабные сыски по выявлению раскольников в Новгородской земле под руководством воеводы И.В. Бутурлина и митрополита Корнилия. В сентябре – октябре 1683 г. больше двадцати расколоучителей были приговорены к смертной казни [6, с. 156]. Софья лично участвовала в слушание старца Варлаама, который позже был приговорён к сожжению заживо.

Следование старообрядчеству было объявлено государственным преступлением в 1684 г., когда Софья Алексеевна подписала указ от имени царей Ивана и Петра «О наказании рассеивающих и принимающих ереси и расколы». Данный указ оговаривал суровые наказания за укрывательство раскольников, возможность пыток с целью отказа старообрядцев от «раскольнической ереси», меры против самосожжения [9].

В.П. Наумов считает, что «Пётр I по наследству получил от Софьи уже более или менее успокоенную в религиозном отношении страну, что позволило ему отказаться от крайних репрессивных мер в отношении раскольников и ограничиться введением для них удвоенных налогов и штрафов» [6, с. 158].

Однако, самым известным событием в период правления Софьи является открытие в Москве Славяно-греко-латинской академии. Ещё в 1681 г. при монастыре Сильвестр Медведев открыл Славяно-латинское училище. В этом же году открылась школа на Печатном дворе, которая имела «греческую» ориентацию и противостояла «латинским» веяниям, которые поддерживал Медведев и его ученики.

В январе 1685 г. царевна получила стихотворное обращение «Вручение Привилегии на Академию» от Сильвестра Медведева, в котором её призывали к осуществлению планов Фёдора Алексеевича, заключающихся в создании академии в Русском государстве. Академия замышлялась им как все-сословное учебное заведение, призванное дать стране специалистов в различных областях науки и кадры для государственных учреждений [3, с. 49].

В 1685–1686 годах решался вопрос о подчинении Киевской митрополии Московскому патриарху, и решение зависело от иерусалимского и константинопольского патриархов. Софья, опасаясь вызвать у них гнев связи с открытием академии латинского направления, отказала Сильвестру Медведеву.

Таким образом, весной 1685 г. создания надлежащего высшего учреждения в Москву прибыли греческие монахи-братья Лихуды. Они основали в Богоявленском монастыре в Китай-городе Эллино-греческую академию. Уже в 1687 г. она объединилась с учащимися школы С. Медведева. С этих пор академия получило название Славяно-греко-латинской.

Особенно важно отметить самую известную персону в период регентства Софьи – князя Василия Васильевича Голицына. Его имя знакомо ещё со времён правления царя Фёдора Алексеевича в первую очередь из-за того, что с ним связаны были основные реформы того времени. В годы регентства Софьи он получил должность главы правительства, продолжая заниматься преобразовательной деятельностью. О планах голицынских реформ повествуется только в одном источнике, сведения которого, к сожалению, недостаточно полные.

В «Записках о Московии» [7] французского дипломата говорится о планах военно-организационной реформы, сведения о ней он получил благодаря личным беседам с Василием Васильевичем. Также Фуа де ла Невилль получил от служителя Посольского приказа Николая Спафария, который был близок с князем, информацию о намерении Голицына установить постоянные и прочные дипломатические

связи с европейскими государствами и смягчить религиозную политику. Кроме этого, В.П. Наумов, анализируя сочинение Фуа де ла Невилля, выделяет следующие составляющие плана преобразований в период регентства Софьи: введение подушного налога вместо подворного обложения; обучение молодых дворян за границей и развитие образования в России, широкое привлечение на русскую службу иностранных специалистов [6, с. 170].

Таким образом, мы видим, что пункты голицынской преобразовательной программы сходятся с будущими реформами Петра Великого. Отчётливо видно, что данные предложения будут реализованы частично или в другой форме при Петре I, как образование регулярной армии, введение подушной подати, другие – спустя почти два столетия. Неудивительно, что большинство поздних историков сходятся во мнении, что программа В. Голицына была бы очень смелым и прогрессивным проектом реформ, если была бы осуществлена в действительности.

Во время регентства Софьи можно выделить три наиболее важных внешнеполитических события. Первое событие имело огромное значение для русско-польских отношений. 26 апреля (6 мая по григорианскому календарю) 1686 г. был заключен договор о Вечном мире, состоявший из 33 статей [4].

По условиям Вечного мира за Россией закреплялись всё те же земли, которые были присоединены по Андрусовскому перемирию, т. е. Левобережная Украина, Киев, Запорожье, Смоленск и Чернигово-Северскую землю с Черниговом и Стародубом. Московское царство отказывалось от претензий на остальную часть Правобережной Украины и белорусские земли, выплачивала Речи Посполитой 146 тыс. рублей субсидий для ведения войны с Портой и Крымом.

Важно отметить, что по условиям Вечного мира между Россией и Речью Посполитой заключался не только оборонительный союз, но и наступательный союз против Османской империи и Крымского ханства на время Великой Турецкой войны (1683–1699 гг.). Таким образом, помимо того, что Московское царство должно было перекрыть пути набегов татар на польские земли, но и направить против Крымского ханства казаков, а затем в 1687 г. организовать на него и первый поход.

Итак, вторым важным внешнеполитическим событием периода регентства Софьи стали Крымские походы (1687 г. и 1689 г.). Именно из-за подписания Вечного мира отношение Московского царства к Османской империи принимает новый характер. В период регентства Софьи Россия начинает наступательные действия на Крым, когда до тех пор её действия носили в основном оборонительный характер. Заключение Вечного мира послужило официальным разрывом не только мирных русско-турецких отношений, но и русско-крымских.

Важно отметить, что Османская империя в этот временной промежуток старалась расширить свои границы на север, после того как крепко основалась на Балканах. Связи с этим была предпринята попытка для складывания коалиции с целью борьбы с экспансией Османской империи в Европу, получившая название Священной Лиги.

Два организованных Крымских похода сначала в 1687 г., а затем в 1689 г. были проведены под командованием В.В. Голицына. Оба похода привели к противоречивым результатам, однако, кампания 1687 г. не поколебала самодержавие Софьи, когда кампания 1689 г. нанесла серьёзный урон для страны.

Итоги военной кампании 1687 г. Софья и её сторонники считали удачными. Однако, по существу, данный поход сложно назвать успехом, поскольку сам противник не получил существенного урона, в то время русское войско потеряло от 15 до 20 процентов своего состава [13].

Тем не менее, чтобы сделать выводы о том, был ли успешным первый поход или нет, нужно учитывать, какие цели перед собой ставило русское правительство. Так, например, М.И. Белов [2] считал, что на 1687 г. не было планов на полномасштабное вторжение в Крым, и весь поход носил разведывательный характер. Тем не менее несмотря на то, что поход 1687 г. и был ограничен по своим масштабам, но всё же помог русским союзникам. Османская империя оказалась без необходимой поддержки со стороны Крымского ханства, что вынудило турецкого султана держать большую часть своего войска в постоянной боевой готовности.

К началу второго Крымского похода ситуация на международной арене оказалась не самой выигрышной для подготовки нового похода, но Софье и её сторонникам было необходимо укрепление пошатнувшегося влияния внутри страны, чего было возможно добиться военными успехами. В результате похода Московское царство отказалось от традиции посылать ежегодные подарки крымскому хану, которое сохранилось ещё с установлением золотоордынского владычества.

В независимости от противоречивых результатов двух Крымских походов, их значение в отечественной истории не стоит недооценивать. В период регентства Софьи была предпринята первая попытка закрепления России на черноморском побережье. В дальнейшем Азовские походы Петра Великого продолжат направление внешней политики, которое было заложено правительством Софьи Алексеевны.

Что касается значимости походов на международной арене, то оно также было немалым. С присоединением России к Священной Лиге страна приняла участие в первой для неё коалиционной войне. Перед Московским царством открываются новые дипломатические отношения. Если раньше Россия ограничивалась отправкой посольств в какую-либо страну один раз в несколько лет или даже в несколько десятков лет, то теперь сношения России с соседними странами стали более регулярными [1].

Третьим важным событием во внешней политике правительства Софьи стало подписание Нерчинского договора [10] 27 августа 1689 г. (6 сентября по григорианскому календарю). Важно отметить, что до заключения данного мира торговые отношения регулярно велись между Россией и Китаем ещё с середины XVII в., но в 1689 г. торговля заметно расширилась.

Изменения в русско-китайских отношениях наметились после подавления крестьянской войны во всём Китае. С этого момента маньчжурский император Канси возобновил свою захватническую политику с целью вытеснения русского народа из Приамурья и Забайкалья. Однако русское правительство было заинтересовано только в установлении дипломатических и торговых отношений с Китаем.

Первоначально китайское правительство отказывало России в сотрудничестве, отвергало любые предложения русских посольств и требовали, чтобы русские самостоятельно ушли с Амура. Позже, уже после успеха русской колонизации на Амуре, Имперский Китай решился на военное столкновение, поводом к которому оказался массовый переход даурских племён в подданство Русского царства. Цинскими войсками был осаждён Албазин, и в столице было принято решение отправить русское посольство на Амур с целью заключения мира с Имперским Китаем.

Первым послом был назначен стольник и воевода Ф.А. Головин, который должен был заключить договор о мире, торговле и границе в пограничных территориях. Кроме этого, русское посольство должно было настаивать на возвращении Имперским Китаем России всех её городов и о немедленном прекращении военных действий.

Переговоры русского посольства с Китаем длились с 12 августа 1689 г. и только 29 августа произошло подписание договора об установлении мирных отношений и размежевании владений Цинской империи с Русским государством. Главным результатом переговоров стал отход русских от берегов Амура, которые ещё 170 лет были недостижимы.

Нельзя не заметить взаимовыгодное сотрудничество между данными странами, кроме того, значение Нерчинского договора было очень велико для Китая, т. к. это был их первый договор с европейской державой.

Для России установление мирных отношений с Китаем было важным политическим событием и радостным событием. Московское царство на протяжении всей второй половины XVII в. пыталось добиться крепких мирных и торговых отношений с богатой соседской страной и, наконец, в 1689 г. эта цель была достигнута. В последующем правительство Петра Великого по достоинству оценит деятельность Ф.А. Головина.

В целом, значение Нерчинского договора сложно приуменьшить. Данный факт доказывает и будущая политика Петра Алексеевича, который на рубеже XVII–XVIII вв. стремился обеспечить выполнение Нерчинского договора. Для урегулирования торговли между Россией и Китаем, для получения выгод для царской казны будущий царь установил государственную монополию на «китайский торг».

В 1698 г. им были введены таможенные правила, которые предусматривали компромисс между государством и частным капиталом.

Таким образом, можно говорить о том, что в период регентства Софьи Россия была поставлена на путь, который в дальнейшем частично продолжил император Пётр I.

После анализа внутренней политики правительства в 1682–1689 гг. можно утверждать, что государь имел очень хорошую основу для своих преобразований. Например, после суровой политики Софьи против старообрядчества Пётр смог отказаться от крайних репрессивных мер в отношении раскольников. Также, вспоминая программу В.В. Голицына, можно отметить её сходство с дальнейшими преобразованиями Петра. Это доказывает не только, что Софья незаслуженно получила роль беспринципной, жестокой, коварной женщины, но и её огромную роль в развитии Московского царства. Кроме того, важно отметить, что внешняя политика Софьи, в первую очередь, была направлена на реализацию планов Фёдора Алексеевича, тем самым продолжая политику их отца. Кроме того, международное положение страны также поднялось за счёт активной политики данного периода.

Проанализировав все события, произошедшие с 1682 по 1689 г., можно утверждать о том, Софья Алексеевна смогла опередить своё время. Она смогла управлять патриархальной страной, в которой, по сути, публичная деятельность женщины была недопустима.

Таким образом, можно утверждать, что регентство Софьи – это не закат старой допетровской России, а рождение новой. Несомненно, все будущие преобразования Петра были заложены ещё во времена правления не только при Софье, но и при Фёдоре. Сыновья Алексея Михайловича так же, как и его дочь, были ориентированы на Запад. Однако главное их отличие – конкретные европейские образцы. Если Софья, следуя за Фёдором, отдавала предпочтение католической Польше, то Пётр хотел брать пример с протестантской Голландии.

Литература

1. Бабушкина Г.К. Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки. Т. 33. М., 1950. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusmilhist.blogspot.com/2015/09/1687-1689.html> (дата обращения: 12.01.2021).
2. Белов М.И. К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов (1686–1689 гг.) // Ученые записки ЛГУ. Сер.: Исторические науки. 1949. Вып. 14. С. 154–188.
3. Богданов А.П. Царевна Софья и Петр: драма Софии. М.: ВЕЧЕ, 2008.
4. Вечный мир с Речью Посполитой 31 декабря 1686 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 2. № 1186. С. 770–786. [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.histrf.ru/17/vechnyy-mir/> (дата обращения: 11.01.2021).
5. Куракин Б.И. История о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях 1682–1694 // Русская старина. 1890. Т. 68. № 10. С. 238–260. [Электронный ресурс]. URL: <http://oldserdobsk.ru/1000/018/1018012.html> (дата обращения: 10.01.2021).
6. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVIII в. Хабаровск: Кн. изд-во, 1987.
7. Наумов В.П. Царевна Софья. М.: Молодая гвардия, 2015.
8. Невилль де ла. Записки о Московии // Пред., подг. текста, перевод и коммент. А.С. Лаврова. М.: Аллегро-пресс, 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Nevill/framepred.htm> (дата обращения: 11.01.2021).
9. Нерчинский договор России с Китаем // Сборник договоров России с Китаем, 1689–1881 гг. СПб.: Изд. МИД, 1889. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Nerc_dogovor/text.htm (дата обращения: 11.01.2021).
10. О наказании рассеивающих и принимающих ереси и расколы // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 2. № 1102. СПб., 1830. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=10®im=3 (дата обращения: 11.01.2021).
11. О наследовании после умерших всех поместных земель их детьми, внуками и правнуками, верстанными и неверстанными // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 2. № 1070. СПб., 1830. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=10®im=3 (дата обращения: 11.01.2021).
12. О невозвращении помещикам людей и крестьян, пришедших для житья в Московские Дворцовые слободы до 174 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 2. № 1147. СПб., 1830. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=10®im=3 (дата обращения: 11.01.2021).
13. Писцовый наказ межевщикам, посланные в город для межевания спорных земель // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 2. № 1013. СПб., 1830. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=10®im=3 (дата обращения: 11.01.2021).
14. Рудой П.И. Крымские походы В.В. Голицына // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 6-1. С. 32–38.

VALERIYA SELIVANOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**REGENCY OF SOFIA ALEKSEEVNA: THE SUNSET OF THE OLD WORLD
OR THE BIRTH OF THE NEW ONE**

The article deals with the period of the regency of Sofia Alekseevna Romanova. There are characterized the basic directions of the foreign and domestic policy of the government of Sofia based on the analysis of the sources and literature. There is defined the significance of the Sofia's government for the future of Peter's Russia.

Key words: *Russian history, regency, XVII century, women-rulers, Sofia Alekseevna, Everlasting peace, Nerchinskiy contract, Crimerian campaigns, the Slavo-Greek-Latin Academy, Peter the Great, pre-Peter Russia, old ritual.*

УДК 93

М.М. ТИХОМИРОВА
(malige.2000@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В АССР НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В 1920-Е ГГ.
(на примере Палласовского кантона)***

Данная статья посвящена некоторым вопросам народного образования в АССР Немцев Поволжья в 20-е годы XX в. Приводятся примеры мероприятий по укреплению школы и ликпунктов. Затронуты проблемы работы школ-передвижек.

Ключевые слова: АССР Немцев Поволжья, народное образование, ликвидация неграмотности, культурно-просветительская работа, система образования, школы-передвижки.

20-е гг. XX в. характеризуются кардинальными изменениями всех сфер жизни России. Образование является важным аспектом государственной политики. Посредством него пропагандировались новые ценности, способствовавшие созданию нового человека.

Данная тема не раз затрагивалась исследователями. Изучались такие аспекты, как дошкольное воспитание детей, внешкольное и школьное образование, профессиональное среднее и высшее, включая университеты [3, 4]. Последнему уделялось особенно пристальное внимание, затрагивалась проблема классового набора [2]. Изучались основные проблемы и трудности получения образования. Менее освещенной остается проблема ликвидации неграмотности [1].

Наше сообщение основано на архивных документах, хранящихся в фондах Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). В архивах Канткомов Трудовой коммуны, а позже Автономной Республики Немцев Поволжья, содержатся материалы по агитационно-пропагандистской и культурно-просветительской работе и переписка с Обкомом РКП(б), а также отчеты по работе школ-передвижек. При цитировании текстов в данной статье мы сохраняем орфографию и пунктуацию оригиналов.

В начале 1920-х гг. в Палласовском кантоне активно открывались учебные заведения, школы, клубы, народные дома и библиотеки [5, Л. 99]. Все они действовали на местные средства и существовали благодаря не только агитации со стороны властей, но и за счет поддержки народа.

В 1923 г. был обнародован документ, в котором говорится о заключении соглашения между ВЦСПС, ЦК Союзов и ВЧКлб Главполитпросвета о совместном проведении Всероссийской Кампании по ликвидации неграмотности [Там же, Л. 32–32(об)]. Для ее проведения открывались ликпункты (пункты по ликвидации неграмотности), школы для взрослых. Помимо занятий в школах, пунктах ликвидации неграмотности, регулярно проводились специальные мероприятия по сбору средств на их содержание, по привлечению внимания к проблеме важности грамоты. Так, 17–19 октября 1924 г. в городе Покровск был проведен трехдневник, посвященный ликнеграмотности. В его план входило освещение в прессе данного мероприятия, составление сведений о количестве неграмотных в Немреспублике. К трехдневнику приурочили открытие ликпункта [6, Л. 148(об)].

Агитация грамотности продвигалась не только мероприятиями, направленными непосредственно на ликвидацию неграмотности, но находила место в планах и лозунгах других кампаний [Там же, Л. 78–78(об)]. Например, в письме всем комиссиям по проведению 1-го мая 1929 г. отмечается: «Одним из центральных моментов празднования должно быть подведение итогов этапа культурного похода, массовый выпуск учащихся из школ ликбеза, мобилизация внимания трудящихся на задаче окончательного преодоления неграмотности как в городе, так и в деревне» [10, Л. 75].

Таким образом, агитация кампании ликвидации неграмотности проходила активно, но тем не менее не давала ожидаемых результатов. В школах для взрослых и маркскружках тоже проводилось обу-

* Работа выполнена под руководством Ленивиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

чение, но в них основой программы была политграмотность, а также вопросы истории и экономики. Можно сказать, что ликпункты давали базовые знания и умения, а школы прививали пролетарскую позицию. Однако были свои проблемы и в этой сфере. В отчете о деятельности агитпропа Обкома РКП(б) Трудовой коммуны немцев Поволжья за январь 1923 г. отмечается низкая посещаемость [5, Л. 18]. Заметим, что родной для немцев язык практически не использовался в обучении, а также то, что активно привлекался беспартийный элемент, что более ярко отражено в отчетах по работе школ-передвижек – большая часть записавшихся в них не состояла в партии [7]. В отчете о деятельности Агитпропа Обкома РКП(б) Трудовой Коммуны немцев Поволжья за время с 1 февраля по 1 марта 1923 г. можно найти сведения по посещаемости партшкол и кружков пониженного и повышенного типа: в среднем 85% и 65–70%, соответственно. Агитпроп считает такие цифры неудовлетворительными [5, Л. 109]. Открывались и школы-передвижки, имевшие в своей программе историю, политику, экономику и другие дисциплины. Однако в числе недочетов учебного года 1926–1927 отмечалось, что часто сменялись руководители, а также нередко происходили срывы занятий [8; 9, Л. 37]. Учителя школ-передвижек нередко писали в отчетах о хронической непосещаемости, острой нехватке литературы и незаинтересованности учащихся [9, Л. 60 (об), Л. 24, Л. 36, 37].

Кроме обучения взрослых, шло развитие сети школ для детей. Однако, и она нуждалась в поддержке. Для этого проводились такие мероприятия, как, например, двухнедельник укрепления школы. Пленумом Обкома было решено провести с 16 декабря по 1 января. С его помощью планировалось восстанавливать народное образование за счет местного бюджета. Двухнедельник носил выраженный классовый характер. При этом особо подчеркивалось, чтобы не допускалось мнений о том, что «денежные сборы на Наробразование заменяет налоги местные и государственные» [5, Л. 98]. Мероприятие вышло за заданные Обкомом временные рамки, на что указывает категорическое указание Обкома РКП: «“Двухнедельник помощи школе” считается окончательно законченным с 1 Февраля, в силу чего предлагается немедленно прекратить какие-либо проведения сборов самообложения» [Там же, Л. 103]. В информационном отчете о работе Палласовского Канткома РКП за декабрь 1922 г. отмечена причина, по которой мероприятие по укреплению школьной сети проводилось дольше срока, делалось заключение по итогам двухнедельника – «слишком бедственное положение» [Там же, Л. 108]. В отчете о деятельности Агитпропа Обкома РКП(б) Трудовой Коммуны немцев Поволжья за время с 1 февраля по 1 марта 1923 г. были подведены итоги этого мероприятия: сколько собрано хлеба, табака, денег; сколько школ прикреплено на содержание предприятиям по договорам, сколько школ передано на полное попечение шефов и сколько – на частичное попечение (содержание педагогического персонала). Помимо этого, по Маркштадскому канткому были засеяны поля для школ [Там же, Л. 110].

Кампания ликвидации неграмотности, обучение детей в школах, набор в вузы проходили проблематично в 1920-е гг. Предстояло решить еще много проблем: пополнение необходимой литературы, содержание школ, поиск учителей, знающих немецкий язык, посещаемость занятий. В ликвидации неграмотности видели создание нового общества. Обучившийся читать, писать и выполнять четыре арифметических действия человек мог пойти учиться дальше. Помимо Рабфаков, вузов и других заведений организовывались кружки и проводились курсы [Там же, Л. 23]. Однако ввиду бедственного положения кантона, сильной религиозности жителей и влияния на них сектантов, отсутствия пригодной для обучения литературы кампания по ликвидации неграмотности проходила слабо, что отражалось и на наборе в вузы, и в целом на работе кантона.

Литература

1. Белухина О.С. Проблемы образования в Краснокутском кантоне Автономной советской социалистической республики немцев Поволжья (1922–1941 гг.) // Вестник Саратов. област. ин-та развития образования. 2017. № 2(10). С. 111–116.
2. Гартвиг Б.В. Классовая дискриминация в системе образования АССР НП и ее последствия // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941). М.: ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002. С. 329–338. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliothek.rusdeutsch.ru/catalog/310> (дата обращения: 10.04.2021).
3. Фалалеева Л.А. «Будь готов стать пионером!» Коммунистическое воспитание детей в Республике немцев Поволжья // Ежегодник Междунар. ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2016. № 2(2). С. 126–142.

4. Фалалеева Л.А. «Маленькие винтики огромной государственной машины». Становление и развитие системы ясельных учреждений в 1920–1930-е годы (по материалам Республики немцев Поволжья) // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 2. С. 98–108.
5. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 10474. Оп. 1. Д. 15.
6. ЦДНИВО. Ф. 10474. Оп. 1. Д. 29
7. ЦДНИВО. Ф. 10474. Оп. 1. Д. 47.
8. ЦДНИВО. Ф. 10474. Оп. 1. Д. 113.
9. ЦДНИВО. Ф. 10474. Оп. 1. Д. 114.
10. ЦДНИВО. Ф. 10474. Оп. 1. Д. 150.

MAIYA TIKHOMIROVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**PUBLIC EDUCATION IN THE AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST
REPUBLIC OF THE VOLGA GERMANS IN 1920S
(based on the Pallasovkiy canton)**

The article deals with some issues of the public education in the Autonomous Soviet Socialist Republic of the Volga Germans in 1920s. There are given the examples of the activities directed to the strengthening of schools and liquidation centers. There are considered the issues of the work of the mobile schools.

Key words: *the Autonomous Soviet Socialist Republic of the Volga Germans, public education, literacy, cultural education, education system, mobile schools.*

УДК 902

А.В. ТИХОНОВА

(apetrova915@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ ДАТИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ*

Выявляются проблемы в использовании некоторых методов датирования в современной археологии. Приведена характеристика рассматриваемых методов относительной и абсолютной датировки, определены границы их использования.

Ключевые слова: датирование, типологический метод, письменные источники, дендрохронология, радиоуглеродный метод, археомагнитный метод.

Как известно, в археологии используются две системы датировок: относительная и абсолютная. Относительные даты дают информацию о хронологической последовательности культурных слоев, захоронений, сооружений и артефактов в целом, следы которых были обнаружены при раскопках. Иными словами, методы относительной датировки позволяют судить о том, какие артефакты появились раньше, какие позже или одновременно [4, с. 168]. Абсолютная хронология, в отличие от относительной, точно датирует события, указывая число, месяц, год или же только год, век или тысячелетие, т. е. абсолютную дату [1, с. 201].

Практически каждый метод установления хронологии имеет ограничения, что и представляет собой проблемы датирования.

Проблемы датирования в археологии изучали А.Н. Гудим-Левкович, Д.Ю. Гук, Г.И. Зайцева, Н.Н. Ковальчук, Н.А. Кренке, В.М. Массон, В.В. Скрипкин, Л.Д. Сулержицкий [2–4, 6, 8, 10], а также А.С. Амальрик и Л.С. Клейн, Б.А. Колчин, А.И. Мартынов, А.Л. Монгайт, Я.А. Шер и др. [1, 5, 7, 9].

Цель данной работы – рассмотреть проблемы, с которыми сталкивается современная археологическая наука при датировании.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1. изучить проблемы относительной датировки;
2. выявить проблемы методов абсолютной датировки.

Несмотря на неоднозначное отношение к относительной датировке, в археологии сложилась система методов относительного датирования. К относительным относятся типологический и стратиграфический методы [1, с. 202].

Типологическое датирование заключается в определении даты комплекса по какому-либо артефакту из этого комплекса, датировка которого уже установлена. Однако дата, полученная типологическим методом, может быть неточной вследствие бережного отношения обитателей памятника к артефакту или привычки сохранять вещи больше обычного срока их использования, передавая по наследству, например.

Для применения типологического метода необходимо предварительное группирование материалов, выделение замкнутых комплексов и формирование типов. Типологический метод требует большого количества замкнутых комплексов и длительной непрерывной преемственности в культуре. Однако и то, и другое не так уж часто встречается в археологии, что вызывает трудности при применении этого метода.

Самым же простым и самым надежным методом установления относительной хронологии считается стратиграфический. В переводе с греческого термин «стратиграфия» означает «описание слоев».

Стратиграфический метод относительного датирования сложился изначально в геологии. Этот геологический метод применялся и применяется и в чистом виде в археологии. Однако затем на его основе сложился стратиграфический метод археологии.

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

В геологии сформировалось четыре закона стратиграфии: закон перекрывания, закон первоначальной горизонтальности, закон первоначальной непрерывности и закон специфичности ископаемых для слоя. Эти законы действуют и в археологии, хотя со значительными изменениями и ограничениями.

Применение первого закона ограничено, например, по той причине, что в человеческом обиходе нарушения естественности отложений встречаются значительно чаще, чем в природе. Это связано с тем, что люди часто сооружают насыпи (курганы, валы и т. д.), делают ямы, перекопы, поэтому закон перекрывания применим только к процессу сооружения насыпей, но не к первоначальной стратиграфии, а она и является более важной в культурном плане.

Следующие два закона могут быть использованы только при условии существования естественных отложений, что бывает редко. И снова это связано с деятельностью человека по возведению вертикальных конструкций, которые нарушают стратиграфию (стены домов и крепостей, валы). Так, человек создает искусственные бассейны отложений: строительные площадки, рвы, пространство между стенами. Так же и горизонтальные плоскости могут быть результатом труда человека (скрытие неровностей или нивелировочная подсыпка).

Четвертым законом применительно к археологии является закон включения. Его применил Буше де Перт. Закон заключается в том, что артефакты, залегающие в культурном слое, очевидно принимали участие в его построении, а значит, существовали до отложения того горизонта, в котором они оказались.

Только после закона включения логично говорить о законе специфичности артефактов для слоя. Сложность в применении этого закона состоит в том, что ранние типы артефактов, в отличие от, например, животных, которые сменяют друг друга в каждой линии эволюции, могут сосуществовать с поздними в той же среде. Археологический слой – это уникальное отложение по времени, территории и составу, поэтому, если археологические слои оказываются похожими во всем существенном, то только на близких расстояниях.

Буше де Перт сформулировал критерий доказанности древнего возраста, определяемого стратиграфическим способом – ненарушенность слоя.

Таким образом, относительная датировка полезна только при определении последовательности во времени слоев, захоронений, сооружений, а значит, может иметь только вспомогательную роль.

Исходной базой абсолютной хронологии являются письменные источники, они на протяжении долгого времени были надежной основой для абсолютной датировки [3, с. 3]. Однако, несмотря на это, даже упоминание даты в источнике не всегда дает возможность датировать документ или события, описанные в нем. Это связано с тем, что древние системы летосчисления не имели точной отправной даты, а счет времени могли вести по царям и династиям, как на Востоке, по олимпиадам, как в Греции, по консулам, как в Риме. Таким образом, не всегда удастся привязать какие-либо события к нашему летосчислению.

Кроме всего этого, важно понимать соотношение между дописьменной и письменной историей человечества. Считая, что человек появился 2 миллиона лет назад, а письменность во второй половине четвертого тысячелетия до н. э., мы получим соотношение письменной истории человечества к дописьменной, равное 1:400. Так, по письменным источникам мы можем воссоздать лишь 0,25% нашей истории, и то частично [3, с. 3], поэтому датировка по письменным источникам как метод абсолютной датировки зачастую бессильна.

Во второй половине XX в. получил распространение радиоуглеродный метод датирования, связанный с выявлением степени распада радиоактивного изотопа углерода ^{14}C . Радиоуглеродный метод дает наиболее точные датировки от современности до 30–40 тыс. лет назад. С помощью радиоуглеродного метода можно узнать возраст древесины, древесного угля, отдельных семян и плодов растений, текстиля, жирных кислот в древней керамике и самой керамики, остатков крови на каменных орудиях, наскальной живописи. Специалисты по радиоуглеродному датированию сравнили радиоуглеродную и дендрохронологическую шкалы, взяв последовательно древесину разных лет. В результате выяснилось, что настоящий возраст еще больше, чем это было установлено радиоуглеродным методом до проверки. До 1000 года до н. э. шкалы совпадают, однако, начиная с этой даты в глубь тысячелетий

разница все больше. К 5000 году до н. э. дендрохронологический возраст (тот, что оказался истинным) старше радиоуглеродного на 900 лет. Новые даты – калиброванные.

Однако и в использовании калиброванных дат возникают трудности. Кривая, которая отмечает соотношение дендрохронологических и радиоуглеродных датировок, имеет вид не плавной линии, а зубчатой, поэтому с одного и того же уровня на ось ординат, которая отражает календарные даты, проецируется несколько точек, а не одна (т. е. на несколько точек оси) [2, с. 290].

Если говорить о радиоуглеродном методе, его основные ограничения связаны с происхождением материалов, которые необходимо датировать, а также временным интервалом, в пределах которого метод можно применить. Для датирования радиоуглеродным методом материал должен быть таким, который до определенного времени обменивался бы углеродом с внешней средой. И чтобы после этого определенного момента обмен прекратился. Так, распад углерода (^{14}C) является мерой времени с момента прекращения обмена. Этому условию отвечают живые организмы: концентрация радиоуглерода в них соответствует его концентрации в атмосфере до гибели организма, а потом обмен прекращается. Таким образом, радиоуглеродная датировка говорит о дате смерти организма. Тогда возникает вопрос: а что, если артефакт передавался из поколения в поколение? Тогда радиоуглеродная датировка не поможет установить дату сооружения памятника, при котором был найден артефакт.

Кроме объектов из органических материалов, метод радиоуглеродного датирования можно применить лишь к немногим другим. Например, негашеная известь (CaO), соединяясь с водой и углекислым газом из атмосферы, превращается в карбонат кальция и прочно скрепляет детали. Это использовали в строительстве. Обмен с атмосферным углекислым газом прекращается после застывания раствора, поэтому метод радиоуглеродного датирования позволяет установить возраст строения.

Радиоуглеродный метод позволяет определить дату во временном диапазоне около 70 тысяч лет, что составляет 13 периодов полураспада углерода.

Дендрохронология – метод абсолютного датирования, основанный на подсчете годичных колец деревьев. По количеству годичных колец на древесине, которая могла сохраниться в постройках, можно определить возраст дерева, в котором оно было срублено. Хотя дендрохронологический метод дает высокую точность хронологии, он имеет даже больше ограничений, чем радиоуглеродный. Проблема датирования методом дендрохронологии заключается в том, что деревья, росшие в разных местах, по-разному реагировали на изменения солнечной радиации, тем более деревья разных пород. Образцы деревьев, произрастающих на отдаленной территории, сопоставить трудно. Это приводит к тому, что многие древнейшие фрагменты деревьев так и не удастся привязать к конкретной дате.

С помощью радиоуглеродного и дендрохронологического методов можно датировать только органические материалы, а они встречаются хоть и часто, но не везде. Зато почти на всех археологических объектах встречаются изделия из обожженной глины. Их датируют двумя методами – термoluminesцентным и археомагнитным.

Для использования археомагнитного метода необходимо иметь информацию о вековых вариациях магнитного поля Земли. «Памятью» геомагнитного поля как раз обладают изделия из обожженной глины. Проблемы метода связаны с недостатком данных об артефактах: об их положении в печи при обжиге по отношению к вертикали; о неравномерности прогрева печи; об ориентации при распилке образцов; о возможном влиянии железных предметов в районе печи.

Таким образом, естественнонаучная база абсолютной хронологии ограничена датируемым периодом и видами датируемых объектов для каждого метода. Для дендрохронологии – это только цельные куски древесины, для радиоуглеродного метода – органика, для термомагнитного датирования – керамика и т. д.

Рассмотрев проблемы, с которыми сталкивается современная археологическая наука при датировании, можно сделать вывод, что методы как относительной датировки, так и абсолютной, имеют свои ограничения и связанные с этим трудности использования. К нашему времени накопилась серьезная база методов датирования, а современные методы могут давать более точные представления о временной принадлежности артефактов, но, несмотря на это, из-за ограничений методов ни один из них не используется отдельно от других, а только в совокупности.

Литература

1. Амальрик А.С., Монгайт А.Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. 2-е изд. М.: Наука, 1966.
2. Гудим-Левкович А.Н. Методологические проблемы типологического метода в археологии // Российская археология. 1994. № 2. С. 71–80.
3. Гук Д.Ю. Современные дендрохронологические методы // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии: тезисы докладов. СПб.: ИИМК РАН, 1994. Ч. 1. С. 33.
4. Зайцева Г.И. Успехи и проблемы радиоуглеродной хронологии археологических памятников // Новые открытия и методологические основы археол. хронологии: тезисы докладов конференции. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 45–48.
5. Клейн Л.С. Время в археологии. СПб.: Евразия, 2015.
6. Ковальчук Н.Н., Скрипкин В.В. Радиоактивные выбросы АЭС и радиоуглеродное датирование археологических памятников // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии: тезисы докладов. СПб.: ИИМК РАН, 1994. Ч. 1. С. 43.
7. Колчин Б.А., Шер Я.А. Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972.
8. Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Археология и реальная точность радиоуглеродного метода // Геохронология четвертичного периода: тезисы докладов Всесоюзного совещания / под ред. О.А. Чичаговой, Я.-М.К. Пуннинга, Н.В. Кинда. М.: ИА РАН, 1992. С. 161–167.
9. Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. М.: Высшая школа, 1989.
10. Массон В.М. Методологические и исторические основания археологической хронологии // Новые открытия и методологические основы археол. хронологии: тезисы докладов конференции. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 34–36.

ALEXANDRA TIKHONOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

CONSIDERING THE ISSUE OF DATING IN MODERN ARCHEOLOGY

*The article deals with the issue of the use of some methods of dating in the modern archeology.
There is characterized of the considered methods of the related and absolute dating.
There are defined the boundaries of the use.*

Key words: *dating, typological method, written sources, dendrochronology,
radioactive carbon method, archeomagnetic method*

УДК 93/94

Н.С. ТКАЧЕВ

(nikita.tkachev096@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ПОНЯТИЕ «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»:
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ТРАКТОВКА***

На примере работ ряда исследователей рассматривается возникновение, развитие и современные трактовки понятия «художественная интеллигенция». Дается конкретное определение понятия «художественная интеллигенция»

Ключевые слова: художественная интеллигенция, Россия, понятие «художественная интеллигенция», развития и происхождение, современные трактовки.

Актуальность темы исследования определяется значительной ролью и вкладом российской художественной интеллигенции в историю нашей страны, в том числе в важные и переломные моменты ее истории, например, такие, как революционные события 1917 г в России. Как заявляет в своей работе И.В. Купцова, доктор исторических наук МГУ, значительная роль художественной интеллигенции проявляется в создании и сохранении духовных и культурных ценностей страны, которые, влияя на умы основной массы населения страны, показывают основные проблемы общества, актуальные тому периоду [8, с. 5].

Целью данной статьи является анализ возникновения и развития понятия «художественная интеллигенция» в современной науке и выделение конкретного понятия «художественная интеллигенция».

Понятие «художественная интеллигенция» имеет довольно глубокие исторические корни. И, прежде чем приступать к составлению определений понятия «художественная интеллигенция», необходимо обозначить четкие границы понятия «интеллигенция».

В 2002 г. В.В. Глебкин, исследователь в области культурной антропологии, в своей статье, посвященной «требованию интеллектуальной ясности», рассуждая о возможности дать понятию «интеллигенция» точное определение, рассуждает и о содержании самого понятия. Приводя строки из статьи С.Н. Булгакова, опубликованной в сборнике «Из глубины», В.В. Глебкин обозначает проблему, которая стала вновь актуальна спустя чуть менее века: «... вопрос об интеллигенции и духовных ее судьбах принадлежит воистину к числу проклятых вопросов русской жизни. Скажу больше того: то или иное решение имеет роковое значение в истории России». В.В. Глебкин указывает на отсутствие в XXI в. в науке и в жизни «математически» точного определения «интеллигенция», и, передвигаясь от исследования к исследованию, автор замечает, что это «пластилин, из которого лепят, что хотят» [1, с. 32–33; 3, с. 1].

Однако, как данное определение появляется на свет? Какие стадии смысловой трансформации прошло слово до наших дней, а, самое главное, где оно появилось.

Истоком понятия «интеллигенция» является латинское “*intellegentia*”, имеющее значение «понимание, рассудок, познавательная сила, способность восприятия» [12, с. 20–21]. Слово “*intelligentia*” возникло в пределах существовавших грамматических парадигм латинского языка: *сцио* – *сциентис* – *сциенция* (знаю – знающий – знание); *сапио* – *сапиентис* – *сапиенция* (мысль – мыслящий – мышление); *интеллего* – *интеллигентис* – *интеллигенция* (понимаю, разумею, постигаю – понимающий, разумеющий, постигающий – понимание, разумение, постижение).

Словарное значение слова “*intelligentia*” достаточно широко:

- 1) понимание, рассудок, познавательная сила, способность восприятия, знание;
- 2) понятие, представление, идея;

* Работа выполнена под руководством Болотова Н.А., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

3) восприятие, чувственное познание;

4) умение, искусство [12, с. 2–3].

Ю.Н. Назаров в своей работе, посвященной интерпретации понятия «интеллигенция», дает несколько трактовок латинского слова ‘*intelligentia*’: 1) способность живых существ понимать, проникать в суть вещей; 2) свойство любого живого существа, которое отличает его от неживого вещества – способность «понимания». 3) средство постижения божественной интеллигенции [12, с. 21–22].

В современной исторической и культурологической мысли существует несколько схем анализа и восприятия, благодаря которым ученые пытаются описать понятие «интеллигенции». Первое – это оппозиция «русской интеллигенции» и «западных интеллектуалов». В этой схеме, как правило, ученые обосновывают уникальность интеллигенции как явления, характерного только для России. Часто подобного рода утверждения строятся на факте заимствования слова *intelligentsia* в английском языке, хотя в самой Англии данное слово и понятие возникает в связи с необходимостью обозначения польских и в общем центрально- и восточно-европейских интеллигентов. Второе – оппозиция интеллигенции и демоса, т. е. народа. Здесь ученые делают акцент на том, что интеллигенция «оторвана» от основного населения и, соответственно, маргинальность ее положения [5, с. 3, 14].

В своей лекции Н. Плотников, специалист по истории немецкой и русской философии XIX–XX веков, прослеживает генезис слова «интеллигенция» не только в России, но и в ряде других стран. Он отмечает, что слово «интеллигенция» и во Франции, и в Германии, и в России в начале своего применения обозначает некую «интеллектуальную способность», что напрямую наследуется из греческой философии [14].

В дальнейшем, это слово становится обозначением общественной группы, которая и является главным носителем «интеллигенции». Н. Плотников отмечает, что во Франции «способность к мышлению» или ‘*intelligence humaine*’ широко распространяется после Июльской революции 1830 г. По мнению автора, философия данного времени сыграла ключевую роль в изменении одного понимания на другое [Там же].

В трудах О. Конта, основателя социологии, описывается роль истории как движущей силы научного знания и человеческого ума. Как отмечает О. Конт, научный интеллект призван не только открывать чистые истины, но и дает возможность сделать науку принципом социального управления: «Знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы управлять» – именно эти слова станут основными в позитивизме О. Конта, которые и предопределили превращение понятия «интеллигенции» из интеллектуальной способности в социальную силу [7, с. 51].

Действительно, данное преобразование можно найти в работе А. Токвиля «Демократия в Америке» (1835 г.). *Intelligence* становится социально-политическим понятием, т. е. интеллигенция – это «средство управления», «социальная сила». Автор выделяет несколько социальных групп, которые обладают интеллигенцией (способностью): ученые, изобретатели, художники и писатели. Черты интеллигенции, как особой социальной группы, появляются позднее с помощью множественного числа – *les intelligences*. В конце XIX в. появляется новое слово – *les intellectuels* – которое, в свою очередь, обозначает интеллигенцию как часть публичной сферы [16, с. 132].

О. Конту вторит также и Генрих Гейне. Влияние вышеописанного высказывания, которое стало основой для позитивизма О. Конта, оказалось значительным. Г. Гейне, говоря о свободной прессе, утверждает, что именно она является средством для достижения «народной интеллигенции», т. е. приобретения народом политической способности суждения [14].

Г. Гейне, поэт и публицист, является одним из первых иностранцев, который использует слово *Intelligenz* применительно к Российской империи в начале 1840-х гг. Он отмечает, что «интеллигенция» – это некая умственная способность, которая присуща российскому монарху.

Как раз-таки из французско-немецких дискуссий слово проникает и в Россию. Первым свидетельством данного события является запись в дневнике В.А. Жуковского от 2 февраля 1836 г., где он описывает ситуацию, как по соседству со сгоревшим домом «на коем еще дымились сожженные

тела 300 русских», к рядом стоящему дому потянулись кареты с петербургским дворянством, «которое у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию» [4, с. 40–46].

В современной российской научной литературе существует утверждение, что именно П. Боборыкин стал тем, кто первым употребил слово «интеллигенция», и он сам на этом настаивал в 1866 г. Однако, уже установлено, что и раньше этот термин употреблялся, но в значении «умственной и нравственной силы» («народная интеллигенция»). Этот термин начинают использовать в либеральных кругах – «Дневник» А. Никитенко за 1864 г. Там же в записи от 25 февраля 1864 г. Алексей Васильевич пишет: *«Их интеллигенция (польская, – Н.Т.) – такая же гадость, как и наша, да у них еще хуже, с прибавкою католицизма»*. Можем сделать вывод, что понятие «интеллигенция» употреблялось и определялось актуальным контекстом изложения. И яркий тому пример вышеупомянутый источник [13, с. 32–34].

Николай Плотников в своей статье отмечает, что в славянофильских кругах тоже используется данный термин. Тому примером служат записи публициста И. Аксакова, который в 1862–1863 гг. замечает разрыв «народного самосознания», или «интеллигенции», от «земли» и ее перевоплощение в суверенную социальную силу [14].

Социальная сила, в конечном итоге, всегда начинает соприкасаться с политической сферой, что мы можем наблюдать и в конце XIX в. назревает конфликт «оружия критика» и «критики оружием» [11, с. 211].

Е.В. Сломинская в своем исследовании отмечает, что дальнейшее (советское) определение понятия «интеллигенция» во многом началось с работ В.И. Ленина, который под «интеллигенцией» понимал «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда». Исследователь отмечает, что В.И. Ленин признает, что интеллигенция является разнородным слоем общества (в контексте социально-экономического развития общества), и отводит ей роль политического лидера [15, с. 2].

Анатолий Ильич Мазаев в своей книге «Искусство и большевизм (1920–1930-е гг.): Проблемно-тематические очерки и портреты» в разделе «Художественная интеллигенция и Октябрь 1917 года» разделяет понятия «русская интеллигенция» и «большинство писателей, художников, артистов». Также, автор называет эту отличную от основной части интеллигенции группу людей как «основная масса отечественной художественной культуры» [10, с. 32].

В диссертации, посвященной восприятию интеллигенцией революционных событий 1917 г. в России, Н.Е. Гердт приводит определение интеллигенции из Большой советской энциклопедии, отмечая, что данное определение «считает приемлемым» и далее цитирует его. Согласно данному определению, интеллигенция является общественным слоем людей, которые занимаются умственным и преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры [2, с. 6].

Автор отмечает, что понятие «интеллигенция» хранит в себе определенную русскую специфику, которую можно заметить «во всех словарях мира» через пометку «рус.». Также Н.Е. Гердт приводит определение, взятое из краткого Оксфордского словаря, говоря, что подобного подхода придерживаются многие отечественные исследователи: «та часть народа (в особенности русского), которая стремится к независимому мышлению» [Там же, с. 7].

Понятие «художественная интеллигенция», как что-то отличное от понятия «интеллигенция», не рассматривалось и не выделялось в работах дореволюционных и советских исследователей. Либо рассматривалось в рамках изучения понятия «интеллигенция» через призму марксистско-ленинской теории, как его часть. И.В. Купцова, доктор исторических наук, в своем автореферате, посвященном вопросу художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны, отмечает, что самостоятельное направление по изучению художественной интеллигенции появляется только в 80-е гг. XX в. [8, с. 10].

Ярким исследователем этого времени является В.Р. Лейкина-Свирская, которая в своем труде рассматривала «художественно-артистическую» интеллигенцию в России до 1917 г. В своей кни-

ге «Русская интеллигенция в 1900–1917 гг.» она пишет, что для «работников литературы» не применим профессиональный критерий, который является существенным для других групп интеллигенции, или критерий специального образования, «...ему нужна способность пристального видения окружающего мира, стремление к познанию человеческих, в том числе и социальных, взаимоотношений, стремление передать людям увиденное и понятое» [9, с. 3, 119].

В связи с этим обратимся к Р.Дж. Коллингвуду – британскому философу, историку и археологу, и к его книге «Принципы искусства». Автор, говоря об искусстве как о языке, утверждает, что деятельность, порождающая художественный опыт – деятельность сознания (т.е. интеллигенции, – *Н.Т.*). Сознание, в свою очередь, представляет собой уровень опыта, лежащий между психическим и интеллектуальным, и добавляет, что искусство может быть обращено к любому из этих уровней [6, с. 200].

Проанализировав понимание художественной интеллигенции Р.Дж. Коллингвуда и В.Р. Лейкиной-Свирской, можно увидеть, что последняя подтверждает мысль английского философа и историка о том, что, действительно, именно личный опыт является одним из источников создания художественного произведения, а, значит, в самом художественном произведении можно увидеть отражение реальных событий.

Таким образом, понятие «интеллигенция» имеет древнегреческие корни. Проследив возникновение данного понятия и развитие в контексте исторического процесса, отметив появление данного понятия в России, а также его развитие в дореволюционной и советской историографии, определив момент, когда понятие «художественная интеллигенция» выделяется от понятия «интеллигенция» в качестве самостоятельного и разобрав эволюцию смысла понятия «художественная интеллигенция», можно дать следующее определение понятия художественной интеллигенции – это социокультурная группа общества, политически и идеологически разнородная, характеризующаяся наличием результатов художественной деятельности, которые через личный опыт передают суть исторического, современного для неё, процесса, явления или события.

Литература

1. Булгаков С.Н. На пиру богов // Из глубины: сб. ст. о русской интеллигенции. М.: Рипол Классик, 1990. С. 600.
2. Гердт Н.Е. Революционные события 1917 – начала 1918 гг. в России глазами интеллигенции: дис. ... канд. историч. наук. М., 2005.
3. Глебкин В.В. Можно ли «говорить ясно» об интеллигенции? // Труды по культурной антропологии. М.: Восточная литература, 2002. С. 91–116.
4. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Яз. рус. культуры, Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг., 2004.
5. Зябликов А.В. Интеллигентность как мироощущение // Известия высших учебных заведений. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. Т. 8. № 1. С. 32–36.
6. Коллингвуд Р.Дж. Принципы искусства: Теория эстетики. Теория воображения. Теория искусства / пер. с англ. А.Г. Ракина под ред. Е.И. Стафьевой. М.: Языки русской культуры, 1999.
7. Конт О. Дух позитивной философии: (слово о положительном мышлении): с портретом автора / пер. с франц. яз. И.А. Шапиро. Ростов н/Д.: Феникс, 2003.
8. Купцова И.В. Художественная интеллигенция в годы Первой Мировой войны: Июль 1914 г. – март 1918 г.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М., 2004.
9. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М.: Мысль, 1981.
10. Мазаев А.И. Искусство и большевизм, 1920–1930-е гг.: проблемно-тематические очерки и портреты // Художественная интеллигенция и Октябрь 1917 года. М.: КомКнига, 2007. С. 318.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Т. 1. М.: ГИПЛ, 1995.
12. Назаров Ю.Н. Понятие «Интеллигенция» в античности и средневековье: логико-семантический и историко-философский анализ // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 3(29). С. 20–23.
13. Никитенко А.В. Дневник: в 3-х т. Т. 2. М.: Захаров, 2005.
14. Плотников Н. Появление русской интеллигенции // Просветительский проект «Арзамас». [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1470> (дата обращения: 28.04.2020).
15. Сломинская Е.В. Работы В.И. Ленина как исторический источник изучения отечественной интеллигенции // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 204–208.
16. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: ВесьМир, 2000.

NIKITA TKACHEV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE CONCEPT OF “ARTISTIC INTELLIGENCE”: ORIGIN AND INTERPRETATION

The article deals with the origin, development and contemporary interpretations of the concept of the “artistic intelligence” based on the works of some researchers. There is given a specific definition of “artistic intelligence”.

Key words: *artistic intelligence, Russia, the concept of “artistic intelligence”, development and origin, actual interpretations.*

УДК 93

А.П. ТОЛМАЧЕВА
(Anastasia555T@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ИСТОКИ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Выявляются основные тенденции трансформации праздничной культуры современной России и рассматриваются истоки ее формирования. Отдельно анализируются понятия «праздник» и «традиционная праздничная культура» и определяется связь традиционных праздничных элементов с элементами современных праздников.

Ключевые слова: праздник, традиции, традиционная праздничная культура, истоки, современная праздничная культура России.

Праздничная культура современной России существует неразрывно с историческим прошлым нашего народа и невидимой нитью связывает ныне живущие поколения с предками и былыми временами. Продуктом праздничной культуры является праздник, который предстает результатом накопления обществом специфического культурологического опыта.

Над понятием «праздник» рассуждали во все исторические эпохи, но автору работы более близко понятие А.И. Мазаева, который понимает под праздником «древний и постоянно воспроизводимый элемент культуры, который в отдельные периоды истории способен переживать упадок, но не может исчезнуть совсем» [7, с. 9]. Исходя из этого определения, автор выводит гипотезу и признает, что современный праздник, как социокультурный феномен, неразрывно связан с традиционными элементами духовной культуры. Для того чтобы подтвердить гипотезу автор определил цель работы: выявить тенденции трансформации традиционных праздников в современные праздничные формы. Задачами исследования являются: выявление истоков формирования современной праздничной культуры, определение связи элементов традиционной праздничной культуры с современной праздничной культурой и выявление условий трансформации традиционных праздничных форм. Объектом исследования стала праздничная культура народов России, предметом – праздничная культура современной России. Новизна исследования заключается в выявлении тенденций трансформации традиционных празднеств в современные праздничные формы. Исследование базируется на социокультурном подходе, где используются ретроспективный, историко-генетический и типологический методы изучения.

Понятие традиционной праздничной культуры неоднозначно, оно представляет синтез понятий «праздник», «традиционная культура», «праздничная культура» и «традиция». Исходя из детального анализа представленных дефиниций исследователи Ш.Б. Майны и О.А. Чооду пришли к выводу, что под традиционной праздничной культурой можно понимать «комплекс праздников и праздничных традиций, обрядов, обычаев, игр, символических атрибутов, отражающих ценности, религиозные воззрения, быт и нравы представителей конкретного этноса, обеспечивающих трансляцию социального опыта и взаимодействие человека, общества, природы и культуры» [8, с. 60].

Изучению вопроса традиционной праздничной культуры России посвящены работы Л.В. Деминной, Т.Н. Козиной, А.Л. Кребера, Н.В. Лаврюшкиной, Ш.Б. Майны, М.Е. Сидоровой, И.В. Суханова, К.В. Чистова, О.А. Чооду [1, 3, 4, 8, 10, 11, 12]. Проблемами развития современной праздничной культуры занимались В.Н. Крылова, Г.А. Романова, Е.В. Сидорова [6, 9, 10]. Вопросам трансформации традиционной праздничной культуры в современные праздничные формы посвящены работы исследователей Т.К. Катковой и Г.А. Романовой [9], в которых рассматриваются причины, тенденции, актуальность, отличительные признаки и влияние процесса трансформации на современную праздничную культуру.

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Рождение праздника в любой культуре связано со стремлениями человека выразить свое отношение к ценностям, а также с необходимостью зафиксировать накопленный культурный опыт. Это не изменилось и в современное время, появление новых праздников – это не новшество, а лишь связь времен, которая показывает накопленный культурный опыт народа. М.Е. Сидорова подтверждая это, говорит, что «праздничная культура сопровождает человеческое общество с самых ранних стадий развития и является неотъемлемой составляющей культуры в целом» [10]. Несомненно, Россия и ее праздничная культура являются не исключением, т. к. истоки современных праздников лежат в основе многовековой традиции и предстают транслятором культурного опыта народа. Традиция не является аксиомой, но представляет кладезь культурного опыта столетий, который транслируется и видоизменяется под воздействием новой эпохи. Невозможно не согласиться с К.В. Чистовым, который считает, что «традиция – это сеть (система) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определенный отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся» [12, с. 233].

Доказательством этого положения служат истоки формирования современной праздничной культуры России, которые берут свое начало в языческой обрядности, православной культуре и религиозности народов России. По правильному замечанию Е.В. Катковой, «в формировании русской праздничной культуры прослеживаются влияния до христианских культов, христианских, исламских, буддийских, европейских, восточных и иных традиций» [2, с. 214]. Отголоски языческих традиций (праздник зимнего солнцестояния и летнего равноденствия) и их переплетение с православными праздниками (Рождество, Крещение, Благовещение, Покрова Пресвятой Богородицы) – это часть современной праздничной культуры русского народа. Одно время они четко разграничивались, а впоследствии стали синтезироваться и выводить новые формы праздников (Яблочный спас, праздник Иоанна Крестителя (Ивана Купала)). Это подтверждает позиция Т.Н. Козиной, которая говорит, что «в православной праздничной культуре отдельные языческие обряды и обычаи сохранились, но они вплелись в церковные праздники» [3, с. 250]. Невозможно современную праздничную культуру России рассматривать вразрез с праздничными традициями ее народов (Сабантуй – Татарстан, Башкирия; Наадан-сурхарбан – Бурятия; Праздник изобилия ысыах – Якутия), которые сейчас являются стержнем народностей России. Все национальные праздники, трансформировавшиеся в современную праздничную культуру народов России, имеют многовековую историю и переплетаются с языческими традициями, которые имели место во всех народностях. Все это является отличительной чертой традиционной культуры, которой присуще неуклонное следование определенным образцам поведения, передающимися из поколения в поколение. Все они наследовались попеременно сменяющимися историческими эпохами нашего государства. Это подтверждает непреложный факт, что при всей своей устойчивости традиционная праздничная культура и ее элементы развиваются и трансформируются в связи со сменой эпохи, изменяясь, они не изменяют традиции народа. Трансформация традиционной праздничной культуры в современные формы празднеств с сохранением ядра культуры – это центробежная сила, которая свидетельствует о формировании современных черт праздничной культуры.

Важным этапом становления праздничной культуры России является период оформления государственности, когда впервые зарождаются государственные праздники (венчание на царство, именины государя, дни великих побед), которые трансформировались в современную праздничную культуру, но с отпечатком времени (День народного единства, День России, День Победы). Особым этапом становления праздничной традиции народов России является период формирования советской государственности, который сопровождался сломом старых традиций из-за смены идеологии (отмена дореволюционных праздников, формирование новых праздников и советского праздничного календаря, перенос дат празднования). В этих условиях ярко стали выделяться светские празднества. Все они – сплав современной русской праздничной культуры, которые стоят колом в праздничной традиции нашего народа и являются олицетворением ее культурной памяти (День Советской Армии и Военно-морского флота СССР, Международный женский день, День космонавтики, День междуна-

родной солидарности трудящихся, День Победы, День Октябрьской революции). Шли года, десятилетия, и традиции досоветской эпохи постепенно восстанавливались, свидетельствуя о необычайной силе культурной памяти и мощи русского народного единства. Уже в середине 70-х годов XX столетия в стране была намечена типологизация праздников с традиционными для нашей страны празднествами, которые стали подразделяться на государственные, региональные (дни города, района, села), военно-спортивные (смотры, парады, дни воинской славы, дни памяти), трудовые (дни профессий), зрелищно-досуговые (фестивали, смотры, концерты, олимпиады).

Рубеж XX–XXI вв. – это период оформления современной российской праздничной культуры в разрезе процесса трансформации традиционных празднеств. Необходимо отметить, что процесс трансформации прошел благополучно и сохранил важнейшую особенность традиционной культуры – ее наследственность, изменив элементы празднеств в соответствии с изменившимися социально-культурными условиями. Современная праздничная культура России трансформировалась быстрыми темпами, не утрачивая, однако, своей роли в функционировании человеческого общества.

Трансформация традиционной в современную праздничную культуру сопровождалась переоценкой исторических явлений и процессов общества, когда раннее существовавшие праздники канули в лету, но сохранились в человеческой памяти (Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, День пионерии, День рождения комсомола). В этот период активно стали возрождаться православные и языческие празднества (праздник первой борозды, праздник весны, встреча и проводы птиц), возвращение которых было вызвано изменением политики государства и демократизацией культуры. В обществе из-за смены политических векторов «пробудился интерес к народным обычаям, традициям, религии» [3], который вернул празднование традиционных праздников. Наравне с элементами традиционной праздничной культуры стали появляться праздники западной культуры, ставшие продуктом трансформации праздничных элементов в контексте глобальных мировых, политических, экономических, социальных и культурных процессов (Хэллоуин, День святого Валентина, Китайский Новый год, Католическое Рождество). Все эти социально-культурные явления связаны с социально-политическими изменениями нашего государства, происходившими в последней трети XX в. в связи с процессом глобализации, который кардинально трансформировал культурное пространство России.

Трансформация традиционной культуры выразилась в создании новых памятных дат, которые стали неотъемлемыми элементами современной праздничной культуры (День крещения Руси, День окончания Второй мировой войны, День памяти погибших в радиационных авариях и катастрофах, День начала Великой Отечественной войны). Элементы трансформации традиционной культуры прослеживаются в создании праздничных дней воинской славы (День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве, День победы русского флота над турецким флотом в Чесменском сражении), призванных подчеркнуть преемственность культуры, воспитать уважение к российской истории и патриотизм. Трансформация традиционной культуры в современную четко очертила критерии дифференциации праздников (государственные, профессиональные, религиозные, региональные, национальные, дни воинской славы, семейные), которые показывают неоднородный состав ее элементов. Это подтверждает возвращение региональных праздников, где стали складываться местные празднества и праздничные циклы (Камышинский арбузный фестиваль, День поэзии Лермонтова в селе Тарханы). Мы с уверенностью говорим, что традиционная праздничная культура сохранила свои уставы в современной праздничной культуре, т. к. в ней наблюдается «полисемантичность, космополитизм, объединение в единое синтетическое целое традиций, возникших в различные периоды истории нашей страны» [6, с. 64]. Отсюда, праздничная культура современной России во многом есть продукт реализации прошлых образцов, которые приобретают сегодня новое значение и смысл, требуя выявления основных тенденций трансформации традиционных праздничных форм в современную праздничную культуру:

1. Праздник, имеющий ранее большое историческое значение, транслируется на последующую культуру полностью, с изменениями, либо с сохранением в человеческой памяти.

2. В России прослеживается процесс принятия русской культурой празднеств другой культуры без излишней изменчивости («диалог культур»).

3. Праздничная традиция, не соответствующая идеологии государства, может временно снижать свое влияние, а после возрождаться, благодаря культурной памяти народа.

4. Праздничная традиция, не имеющая большого значения в определенный период и существующая в виде обряда, в последующую эпоху может превратиться в значимый праздник под воздействием культурного начала и измененного мировоззрения.

5. В современной праздничной культуре наблюдается трансляция традиционных праздничных форм с изменением элементов, их расширением, исходя из накопленного опыта или под воздействием современных традиций.

Таким образом, можно сделать вывод, что ядром современной праздничной культуры являются элементы традиционной культуры, которые базируются на принципе наследственности и взаимодополняемости. Трансформация современной культуры неизбежно ведет к проникновению новых социально-культурных новаций, но при этом мы наблюдаем особое сочетание новаций и традиций, которые являются механизмом национальной самоидентичности народа и признаком наличия его традиционной культуры.

Литература

1. Демина Л.В. Традиционный народный праздник в контексте современной культуры // Вестник Челябин. гос. академии культуры и искусств. 2011. № 1(25). С. 103–107.
2. Каткова Т.Е. Тенденции трансформаций праздничных традиций // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 2А. С. 212–220.
3. Козина Т.Н., Лаврюшкина Н.В. Формирование праздничной культуры русского народа: от истоков – к современности // Инновационная наука. 2015. № 12. С. 249–250.
4. Крейбер А.Л. Природа культуры / пер. с англ. Г.В. Вдовина. М.: РОССПЭН, 2004.
5. Крылова В.Н. Проблемы и перспективы современной российской праздничной культуры // Вестник Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 4-1. С. 43–47.
6. Крылова В.Н. Российская праздничная культура: история и современность // Вестник Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2016. № 4. С. 61–65.
7. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического наследования. М.: Наука, 1978.
8. Майны Ш.Б., Чооду О.А. Традиционная праздничная культура: понятие и сущность // Вестник Челябин. гос. академии культуры и искусств. 2014. № 2(38). С. 56–61.
9. Романова Г.А. Современная праздничная культура России: актуальность трансформаций, отличительные признаки и тенденции развития // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6(85). С. 189–191.
10. Сидорова М.Е. Праздники на основе вековых традиций как основа российской современной культуры // Молодой ученый. 2020. № 23(313). С. 680–682. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/313/71051/> (дата обращения: 09.03.2021).
11. Суханов И.В. Обычай, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат, 1976.
12. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. Л.: Наука, Ленинград. отделение, 1986.

ANASTASIYA TOLMACHEVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE ORIGIN OF FESTIVE CULTURE OF MODERN RUSSIA

The article deals with the basic tendencies of the transformation of the festive culture of the modern Russia. There is considered the origin of its development. There are analyzed the concepts "holiday" and "traditional festive culture". There is defined the connection of the traditional festive elements with the elements of the modern holidays.

Key words: *holiday, traditions, traditional festive culture, origin, modern festive culture of Russia.*

УДК 93/94

А.С. ТОМОВ
(nice.tomov@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВОЕННАЯ РЕФОРМА А.И. ГУЧКОВА*

Исследование посвящено анализу мероприятий, осуществленных в рамках программы военной реформы русской армии в 1917 г. под руководством А.И. Гучкова. Изучаются основные направления военных преобразований и определяется степень их влияния на русскую армию. Дается характеристика результатов военной реформы.

Ключевые слова: А.И. Гучков, военная реформа, русская армия, офицеры, солдаты.

Весной 1917 г. в русской армии складывалось следующее противоречивое положение: она состояла преимущественно из призывников, подготовленных к войне уже в процессе призыва на фронт и представляла собой плохо организованную крестьянскую массу в солдатских шинелях. При этом остро стоял вопрос ее руководства в ситуации катастрофического дефицита квалифицированного офицерского состава, который так и не был решен. Однако самое опасное явление состояло в том, что в большинстве своем многомиллионная русская армия к войне относилась безразлично [1, с. 301].

О состоянии русской армии подробно писали в своих работах следующие авторы: А.С. Сенин «Александр Иванович Гучков» [8, с. 69]; Е. Бессчетнова «Развал русской императорской армии в 1917 году» [Там же, с. 299–300]; В.П. Рыбалкин «Русская армия накануне февраля 1917 года» [7, с. 23–24]. В представленных трудах давалась объективная оценка технической оснащенности армии, профессионализму командного состава, тактики и стратегии военных штабов, морального состояния солдат на фронте. Итоги исследований показали, что русская армия к 1917 г. уже имела тенденцию к своему моральному разложению, снижалась ее боеспособность, и солдаты не желали воевать в условиях нарастающего хауса в стране.

Однако, несмотря на данное состояние армии, пришедшее к власти весной 1917 г. Временное правительство выразило непоколебимое желание продолжить войну: «До победного конца!». В частности, об этом говорилось в ноте министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова от 18 апреля 1917 г., адресованная правительствам стран Антанты с целью разъяснить позицию Временного правительства по вопросу войны [5, с. 74–76]. В ноте провозглашался принцип о всенародном стремлении довести мировую войну до победного конца.

Чтобы продолжить войну, новой власти требовалось в кратчайшие сроки провести военную реформу, которая навела бы порядок в армии и поставила командовать армией тех талантливых офицеров, под руководством которых Россия из затянувшейся войны вышла бы победительницей.

Выбор для проведения реформ в армии пал на назначенного в начале марта 1917 г. военного и морского министра Временного правительства Александра Ивановича Гучкова. На своем посту он начал с активных мер, которые должны были преобразовать армию и усилить ее потенциал для дальнейших боевых действий на фронте.

Так, первая составляющая реформы – это проведение масштабной чистки высшего командного состава – генералитета. А.И. Гучков по этому поводу говорил следующее: «Нашей очередной задачей (с началом революции) было дать дорогу талантам. Среди нашего командного состава было много честных людей, но многие из них были неспособны проникнуться новыми формами отношений...» [3, с. 198].

* Работа выполнена под руководством Белицкой М.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

В основе этой кадровой политики было стремление заменить неспособных к командованию генералов на молодых и энергичных офицеров, разбирающихся в военном деле и умеющих командовать военными подразделениями.

Руководил данной перестановкой офицерских кадров А.И. Гучков с учетом мнений, как он выражался «людей знающих». Одним из них стал дежурный генерал Ставки Верховного Главнокомандования П.К. Кондзеровский, который по поручению военного министра составил список старших военачальников с краткой аттестацией каждого из них. В этом списке значилось 6 граф, первые 5 граф – это оценки, поставленные военными специалистами кандидатам списков. В последней 6 графе значился вывод о дальнейшей карьере офицера: «достоин выдвижения», «может остаться», «подлежит увольнению». Среди офицеров данная реформа получило ироничное название «избиение младенцев».

В ходе данного мероприятия по воспоминаниям комиссара Временного правительства В.Б. Станкевича из армии были уволены порядка 100 генералов, включая 8 главнокомандующих фронтами и командующих армиями, 35 из 68 командиров корпусов, а также 75 из 240 начальников дивизий [7, с. 101–102].

Иные статистические данные предоставляет военный историк А.Г. Кавтарадзе: с марта по август 1917 г. были освобождены от руководящих должностей армии 140 генералов: из них 2 верховных главнокомандующих, 5 главнокомандующих армиями фронтов, 7 командующих армиями, 6 главнокомандующих, командующих и главных начальников военных округов, 26 командиров корпусов, 56 начальников пехотных дивизий, 13 начальников кавалерийских и казачьих дивизий, инспектор артиллерии армии, 11 инспекторов артиллерии корпусов, 13 командиров артиллерийских бригад [2, с. 127–128].

По оценке данной реформы нет единого мнения, так сам А.И. Гучков в своей речи на заседании съезда фронтовых делегатов 29 апреля 1917 г. положительно отнесся к проводимой им же политике. Иной точки зрения придерживались тогдашние офицеры русской армии. Так, например, генерал П.Н. Врангель по поводу революционной чистки генералитета дал следующее заключение: «Гучковская “чистка” была “глубоко ошибочна”, так как в результате устраняемые военачальники заменялись незнакомыми с частями генералами, что отражалось на боеспособности армии» [6, с. 99].

Таким образом, кадровая перестановка высшего офицерского корпуса имела противоречивый характер, с одной стороны, она действительно освободила от занимаемой должности тех генералов, которые никак не проявили свой полководческий талант в предыдущие годы Первой мировой войны, но с другой были уволены талантливые военные деятели, в их числе генералы В.М. Драгомиров и А.М. Зайончковский, пользовавшиеся уважением среди офицеров и солдат. Еще одна отрицательная сторона данной меры состояла в том, что на командные должности были поставлены офицеры, которые по справедливому замечанию генерала А.И. Деникина: «двинулись вверх десятки, сотни людей случая, а не знания и энергии» [3, с. 200].

Следующим шагом по обновлению армии стала ее полная демократизация, так на основании приказа № 114 военного и морского министра в армии для офицеров и военнослужащих вводилось следующие новшества:

1) Отмена титулования офицеров, теперь для солдат вводилась новая форма обращения к офицерам, теперь к их званию присоединилась приставка «господин», такое обращение могло звучать следующим образом: «господин полковник», «господин генерал» и т. д.

2) Переименование звание «нижних чинов» в разряд «солдат», отныне офицеры должны были обращаться к солдатам на почтенное «Вы».

3) Разрешение военнослужащим вступать и участвовать в политических организациях, где они могли высказывать свое мнение, голосовать за ту или иную кандидатуру и выполнение того или иного приказа. Однако была в этом пункте и серьезная оговорка о том, что военный министр выступал против деятельности солдатских комитетов в армии, но под давлением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов был вынужден постепенно легитимизировать данные комитеты в армии [7, с. 71].

Изданный приказ подорвал традиционно сложившуюся дисциплину в армии, нарушил субординацию между солдатами вышестоящими офицерами, а также сделал невозможным исполнение прика-

зов, поступающих от военного начальства. Что в конечном итоге дезориентировало армию и превратило его в неповоротливый механизм по выполнению поставленных задач.

Еще одним прогрессивным решением принятым А.И. Гучковым является отмена национальных, вероисповедных, сословных и политических ограничений при производстве нижних чинов в офицеры. Из всех направлений реформы, эта мера не носила противоречивый характер, т. к. она имела определенную цель – позволить нижним чинам, отличившимся в ходе боев и показавшим свою отвагу, быть произведенными в звании офицера. На данное производство в офицеры не влияли ни национальная, ни сословная, ни религиозная принадлежность военнослужащего, а также каких он политических взглядов придерживался [4, с. 29].

Все перечисленные меры, проводимые военным и морским министром А.И. Гучковым в условиях марта–апреля 1917 г., носили неполноценный характер. Связано это было, прежде всего, с рядом сложившихся к тому времени факторов: всеобщая деморализация армии, ее военные неудачи на фронте, действие Петроградского комитета рабочих и солдатских депутатов, которые своими идеями демократизации армии, подрывали дисциплину и взаимоотношения между офицерами и солдатами и многие другие обстоятельства. На их фоне программа военных реформ А.И. Гучкова выглядела запоздалыми мерами по спасению армии от надвигающейся катастрофы морального разложения и утраты ее боеспособности. Действительно, была организована замена старых генералов, новыми инициативными молодыми офицерами, но они оказались еще не готовы в большинстве своем командовать дивизиями и армиями; попытка нормализации отношений между солдатами и офицерами также не привели к желаемому результату, т. к. нарушались уставные взаимоотношения и система подчинения младшего воинского состава старшему. Что касается отмены всех ограничений при производстве нижних чинов в офицеры, то эта мера никак не могла изменить ситуацию на уже происходящее разложение армии и ее неспособность защищать Отчизну от внешнего врага.

Что же касается роли А.И. Гучкова в проведении военной реформы в марте–апреле 1917 г., то здесь нет однозначного ответа о его решительном вкладе. С одной стороны, он являлся инициатором по внедрению принципа омолаживания офицерского состава, введения нового образца взаимоотношений между солдатами и офицерами, создания политических организаций для участия в них солдат и офицеров, которые выражали свое мнение о происходящем в армии и т. д. Однако, с другой стороны, как мы увидели, в ходе реализации данных мер, А.И. Гучков постоянно опирался на мнение военных специалистов о целесообразности проводимого реформирования. В кадровой перестановке высшего командного состава он регулярно советовался с офицерами и ближайшим окружением по поводу увольнения тех или иных кандидатур. Реализация новых форм званий, отношений солдат с офицерами и создание политических организаций, военный министр был вынужден внедрять с учетом уже принятых решений Петроградского комитета рабочих и солдатских депутатов, влияние которых усиливалось на армию.

В целом, военная реформа носила противоречивый характер: с одной стороны, молодые офицерские кадры не были готовы командовать армиями, новый порядок взаимоотношения солдат с офицерами подрывал дисциплину и свел на нет выполнения приказов; с другой, несмотря на категорические последствия, в этой реформе нашлись и свои несомненные преимущества: те новые офицеры, ставшие командующими, проявили свою незаурядную деятельность не только на полях битвы Первой мировой войны, но и в будущей Гражданской войне в России. Отмена всех ограничений при производстве в офицеры, позволила заложить новые принципы в решении кадрового вопроса, которые позволили поставить к командованию тех офицеров, которые эффективно могли проявить свои организационные способности и знания в военной области для выполнения поставленных боевых задач, тем самым принеся победу для своей Родины над врагом. Сама же военная реформа А.И. Гучкова была начальным этапом, после которого последовали непрерывные преобразования русской армии на протяжении всего XX в.

Литература

1. Бессчетнова Е.В. Развал русской императорской армии в 1917 году // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 299–316.
2. Ганин А.В. Как становятся антибольшевиками? Генерал Е.К. Миллер и революционная армия в 1917 году // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы Междунар. науч. конф. «Великая война и Европейский Север России (к 100-летию начала Первой мировой войны)». (г. Архангельск, 21–25 июня 2014 г.). Архангельск: Изд-во Северного (Арктического) федерального университета, 2014. С. 121–132.
3. Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – Сентябрь 1917. (Воспоминания. Мемуары). М.: ХАРВЕСТ, 2002.
4. Журнальное постановление Временного правительства об отмене национальных, вероисповедных, сословных и политических ограничений при производстве нижних чинов в офицеры. 4 марта 1917 г. // Февральская революция 1917 года: сб. документов и материалов. М.: РГГУ, 1996. С. 170. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/80402> (дата обращения: 02.04.2021).
5. Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М.: Литиздат, НКВД, 1926. С. 74–76. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10079637> (дата обращения: 04.04.2021).
6. Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М.: Айрис-пресс, 2008.
7. Рыбалкин В.П. Русская армия накануне февраля 1917 г. // Октябрьской революции – 100 лет: материалы конф. Общес. обществ. орг. «Рос. ученые соц. Ориентации» (г. Москва, 3 июня 2017 г.). М.: АИРО-XXI, 2017. С. 23–35.
8. Сенин А.С. Александр Иванович Гучков // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 69–88.
9. Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10092897> (дата обращения: 02.04.2021).

ANDREY TOMOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE MILITARY REFORM OF A.I. GUCHKOV

The article deals with the analysis of the activities in the context of the military reform of the Russian army in 1917 under the direction of A.I. Guchkov. There are studied the basic directions of the military transformations, there is defined the degree of their influence on the Russian army. The author gives the characteristics of the results of the military reform.

Key words: *A.I. Guchkov, military reform, the Russian Army, officer personnel, soldiers.*

УДК 94(470+571)»17/1917»

Д.В. ТРЕТЬЯК

(d.v.tretyak99@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМЕЙ НИЖНИХ ЧИНОВ АРМИИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Проведён анализ законодательных актов и делопроизводственных документов из фондов ГАВО по вопросам социальной поддержки семей нижних воинских чинов в Российской империи в 1914 г. – феврале 1917 г. на примере Саратовской губернии. Изучены механизмы взаимодействия органов власти и выявлены особенности функционирования системы социального обеспечения указанной категории населения.

Ключевые слова: социальная защита, военнослужащие, нижние чины, семьи нижних чинов, взаимодействие уровней власти.

Реализация социальных функций государства – одно из важнейших направлений его деятельности. Изучение призрения нижних чинов и их семей обусловлено повышением интереса исторической науки к исследованию социальных аспектов. Проблемы развития и деятельности органов местного самоуправления и реализации государственной политики в разных сферах общественной жизни традиционно пользуются вниманием волгоградских историков [4, с. 186], актуализируются в научных трудах преподавателей кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Исследуется региональный опыт в сфере социальной политики [2, 9], проблемы благотворительной деятельности [14], государственного социального обеспечения детей-сирот [3], социальной поддержки семей участников Великой Отечественной войны [8].

История призрения нуждающихся в помощи отражает сильные духовные стороны общества и приобретает сегодня особое культурно-нравственное значение. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью анализа взаимодействия органов власти в сфере социальной защиты населения для выявления эффективных механизмов реализации социальной политики. Целью данной работы является изучение мер по обеспечению социальной защиты членов семей нижних чинов в годы Первой Мировой войны. Задачами исследования являются изучение законодательных актов и делопроизводственных документов, а также оценка эффективности системы социальной защиты семей нижних чинов, призванных на войну. Используются методы анализа и синтеза информации, историко-системный и проблемно-хронологический методы.

Во время Первой Мировой войны помощь семьям нижних чинов регламентировалась законом от 25 июня 1912 г. [10, с. 935–945]. Данным актом ответственность по призрению указанных лиц была впервые возложена на государственные структуры (см. рис. на с. 136).

Выдача денежных средств для приобретения продуктового пайка стала производиться не из земских бюджетов, а из государственной казны, что увеличивало возможности по оказанию поддержки нуждающимся. Помощь жене и детям (младше 17 лет) носила безусловный характер, а для других родственников было необходимо доказать факт «содержания трудом призванного на службу». Данная формулировка создавала трудности реализации закона на практике для большого числа расширенных и составных семей. 26 августа 1914 г. Департаментом Государственного Казначейства были установлены 2 требования (не указанные в законе 1912 г.), которым должны удовлетворять родители нижних чинов для получения пайка: 1) возраст не менее 55 лет и 2) нетрудоспособность. Дополнения вызывали недовольство нижних чинов, обращавшихся с просьбами разобраться в порядке назначения пособий их родителям [6, с. 38], а на местах данный циркуляр входил в противоречие с изданными рекоменда-

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

циями. В сентябре 1914 г. в саратовском губернском присутствии постановили, что отказ или выдача пособия родителям зависит от других критериев – семейного и имущественного положения, трудоспособности оставшихся в семье братьев призванного [7]. Кроме того, уездным съездам рекомендовалось не назначать пособия «явно зажиточным» лицам [15], хотя данное условие отсутствовало в законе от 25 июня 1912 г.

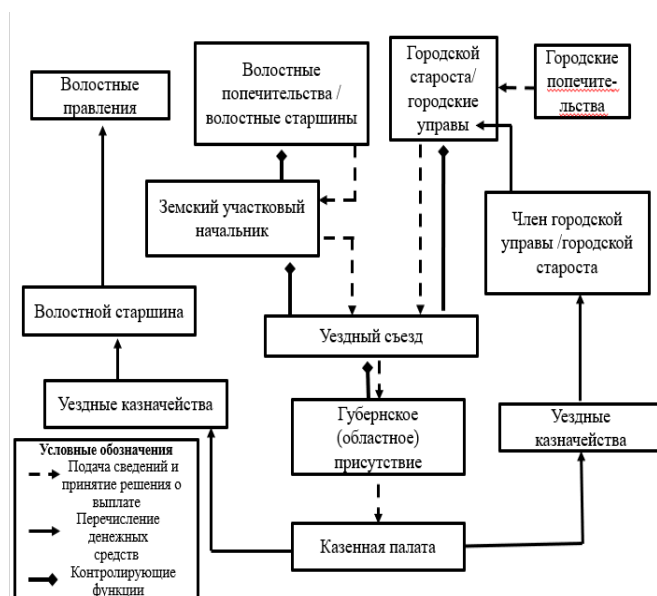

Рис. Система органов призрения семей нижних чинов

Данные распоряжения увеличивали субъективность в назначении пособий, т. к. размер выплат зависел от добросовестности членов волостных и городских попечительств в оценке нуждаемости семьи. В данном факте проявлялось стремление учитывать всё разнообразие отдельных случаев, но на практике порождало значительную разницу в размерах пособий и вызывало рост общественного недовольства работой органов власти. Вторым следствием стала необходимость усиления контроля. Общий контроль организации призрения был возложен на губернаторов, начальников областей и градоначальников. Основные контролирующие функции осуществляли уездные съезды и городские управы, а с 29 августа 1914 г. – уездные и городские попечительства. При этом, как показывает практика, большинство ошибок в назначении пособий было связано с неточностью в определении степени родства членов семей военнослужащих и фактов, связанных с установлением сроков прохождения нижними чинами службы [12]. Это требовало получения сведений от местного духовенства, а также от полиции, представители которой не входили в состав попечительств, что значительно уменьшало возможности уездных и городских попечительств в осуществлении контролирующей функции.

Деятельность попечительств на местах осуществлялась на безвозмездных началах, хотя именно они проводили анализ степени нуждаемости семей нижних чинов и оформляли необходимые документы для получения пособий. Данное положение стало одной из причин привлечения членов земских органов для работы в попечительствах и губернских областных присутствиях. Земства обладали значительным опытом организации социальной защиты населения, и участие их членов в деле призрения могло снизить нагрузку на государственные учреждения и, что особо подчеркивалось, предоставляло большие возможности контроля за выдачей казенного пайка [11, с. 295].

Уже в первый год войны проявляется стремление объединить усилия всего общества для помощи семьям нижних чинов. Координировать и эффективно распределять государственные, общественные

ресурсы и поступления от благотворительности был призван образованный 11 августа 1914 г. Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов под председательством императрицы Александры Федоровны. В Совете обсуждались вопросы, связанные с изменением порядка оказания мер поддержки, принимались решения о выделении из государственного казначейства денег благотворительным учреждениям, что свидетельствует о стремлении расширить помощь нуждающимся, а также об ограниченности организационного и кадрового потенциала и необходимости прибегать к использованию ресурсов благотворительных обществ. Несмотря на то, что в состав Совета входили председатели Государственного Совета и Думы, министры ряда ведомств, а также представители крупнейших благотворительных обществ, данный орган не имел полномочий и механизмов контроля всех государственных, общественных и частных ресурсов. Многие местные организации оказались вне поля деятельности Совета [1, с. 117].

Характерно, что самый высокий оклад вдове нижнего чина составлял 8 руб., а средняя по составу семья призванного получала пособие в 10 руб., т.е. после смерти главы семьи объем помощи сокращался. Совет министров признавал данный факт, но указывал, что дополнительная помощь семьям погибшим может быть оказана за счёт благотворительности [11, с. 296]. Вопрос о включении в число получающих пособие пасынков и падчериц нижних чинов, отчимов, мачех, племянников и племянниц, неусыновленных приемных детей, внебрачных детей и их матерей не был решен из-за противоречий между Государственным советом и Государственной думой. Земствам предлагалось оказывать таким лицам помощь из своих средств при наличии возможности [5, с. 163]. При этом по мере увеличения стоимости продуктов происходил рост пособия семьям нижних чинов. Кризис и нехватка денежных средств ярко проявилась уже после установления власти Временного правительства. В июне 1917 г. не был получен кредит от Министерства финансов, и для удовлетворения нужд семей нижних чинов было рекомендовано обратиться в местные кредитные учреждения и волостные вспомогательные кассы [16].

Отметим, что система социальной поддержки была сильно бюрократизирована, т. к. основывалась на принципе «прошение – рассмотрение – решение» и требовала обширной переписки между учреждениями [13, с. 149], однако в целом можно отметить регламентацию делопроизводства в отношении сроков подачи и рассмотрения сведений органами власти.

Таким образом:

- 1) государственная политика определялась стремлением к максимальному обеспечению нуждающихся для сохранения стабильной социально-политической ситуации и необходимостью сохранить средства бюджета;
- 2) привлечение финансовых и организационных ресурсов земских и благотворительных учреждений оказалось необходимым для оказания поддержки членам семей военнослужащих;
- 3) система социальной защита имела существенные организационные недостатки, проявлявшиеся, в частности, в малоэффективной системе контроля;
- 4) сохранялось влияние субъективного фактора на назначение размера пособий и высокая степень бюрократизма.

Литература

1. Баева Е.П., Иванова Н.М. Организация социальной помощи в годы первой мировой войны // Научно-технический вестник Санкт-Петербург. гос. ун-та информационных технологий, механики и оптики. 2004. № 17. С. 117–122.
2. Болотов Н.А. Социальная политика в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е годы. Волгоград: Перемена, 2004.
3. Болотова Е.Ю., Меркурьева В.С. Война и детство: реализация государственной политики по защите детей в Сталинградской области в 1943 – начале 1950-х гг.: моногр. Волгоград: Перемена, 2018.
4. Болотова Е.Ю., Савицкая О.Н. Нижнее Поволжье в экономическом, политическом, социокультурном пространстве России XIX–XX вв.: опыт региональных исследований // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2011. № 8(62). С. 185–191.
5. Грудина А.Д. Государственная помощь семьям нижних чинов Российской армии в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2019.
6. Докладная записка в Управление Воинской Повинности // Всероссийский союз городов. Распоряжения и циркуляры. К сведению учреждений Всероссийского союза городов. Октябрь 1915 г. М., 1915.

7. Журнал Саратовского губернского присутствия. Продовольственное заседание 25 сентября 1914 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 294. Оп. 1. Д. 625. Л. 14.
8. Липатов А.В., Меркурьева В.С., Такташева Ф.А. Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны: на материалах Сталинградской области // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2017. № 2(115). С. 192–198.
9. Меркурьева В.С. Особенности реализации программ социального обеспечения в Сталинграде (в годы Великой Отечественной войны) // СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти: сб. трудов Междунар. науч.-образоват. конф. (г. Санкт-Петербург, 15–16 окт. 2020 г.). СПб.: Свое изд-во, 2020. С. 351–358.
10. О призрении нижних воинских чинов и их семей: закон от 25.06.1912 г. // ПСЗ РИ. СПб., 1915. Собр. III. Отделение I. Т. XXXII. № 37507.
11. Особый журнал совета министров. 19 августа 1914 г. О порядке применения закона 25 июня 1912 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 г. М.: РОССПЭН, 2006.
12. Протокол Нестеровского волостного попечительства. 30 ноября 1916 г. // ГАВО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 193. Л. 47.
13. Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147–162.
14. Савицкая О.Н, Галкова О.В. Дискуссии конца XIX – начала XX в. о благотворительной деятельности православных монастырей // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2015. № 9-10(104). С. 197–200.
15. Телеграмма Камышинскому уездному съезду от главноначальствующего кн. Шихматова // ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 779. Л. 299.
16. Циркуляр Новоузенского уездного попечительства по призрению семейств воинов Волостным комитетам народной власти 18 июня 1917 г. // ГАВО. Ф. 198. Оп. 2. Д. 11. Л. 65.

DARYA TRETYAK

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE SYSTEM OF SOCIAL CARE OF THE FAMILIES OF LOWER RANKS
OF THE ARMY IN THE CZARIST RUSSIA IN THE PERIOD
OF THE FIRST WORLD WAR**

The article deals with the analysis of the legislative acts and the records of the funds of the State Archives of the Volgograd region related to the issues of the social support of the families of the lower ranks in the Russian Empire in 1914 – February of 1917 based on the Saratov province. There are studied the mechanisms of the interaction of the government authorities, there are revealed the peculiarities of the functioning of the system of the social care of the category of population.

Key words: *social care, military personnel, lower ranks, families of lower ranks, interaction of levels of government.*

УДК 93/94

Ю.О. ФРОЛОВА

(yulechka_frolova_02@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОБРАЗ ПОСЛЕВОЕННОГО СТАЛИНГРАДА В ПОЧТОВЫХ ОТКРЫТКАХ*

*Рассматривается послевоенный образ Сталинграда через призму визуальных источников.
Актуализируется использование почтовых открыток как исторического источника.*

*Ключевые слова: образ, Сталинград, восстановление, почтовые открытки,
аудиовизуальные источники, культурно-историческая память.*

«В доме этом слились воедино подвиг ратный и трудовой» – гласит известная каждому надпись на мемориальной стене великого Дома Павлова. Эта фраза стала неким феноменом не только для мемориального памятника, но и для города, поднятого из руин и пепла, как и сам Сталинград стал достойным примером для послевоенного восстановления страны.

Восстановление полностью разрушенного Сталинграда – одна из ярких страниц трудового подвига советского народа. Особенностью явился тот факт, что восстановительные работы начались ещё в период военных действий, что предопределило в дальнейшем опору всей страны на трудовой опыт города-героя. В город были привлечены значительные силы и средства, и работам по его возрождению был задан большой размах. В данной связи необходимо отметить, что для советского государства это была первая практика решения проблемы комплексного восстановления города, разрушенного до основания.

Период второй половины XX – начала XXI в. является востребованным и актуальным на исследование проблемы восстановления советской страны после Великой Отечественной войны. Такой вывод позволяет сделать обширный круг научных работ по возрождению СССР и отдельных городов, где основными аспектами, вызывающими интерес к данной теме, являются память о колоссальных человеческих потерях, боевой и трудовой подвиг народа [14]. Несомненно, в этих исследованиях основной выступают различного вида исторические источники: нарративные, вещественные, устные, источники личного происхождения, аудиовизуальные источники. Примечательными в этой связи являются аудиовизуальные источники, под которыми принято понимать кино-фото-фонодокументы (КФФД). Это особый вид источников, позволяющий транслировать историю в её естественном виде, в мельчайших подробностях, где визуализация событий способна вызвать у человека неподдельные эмоции и дальнейшее осознание важности происходящих событий.

Рассмотрев ряд проблем изучения визуальных источников, необходимо отметить, что учёные различных областей доказывают необходимость использования визуальных источников, указывая их новизну и ряд присущих только им черт. Российский историк Г.Н. Ланской в своем исследовании говорит о том, что фотодокументы в отдельных областях практической деятельности имеют «совершенно автономный, самодостаточный и подчас незаменимый характер» [6, с. 10]. Доктор исторических наук В.М. Магидов в своей монографии указывает на уникальность КФФД, объясняя это высоким уровнем информативности данного источника, что «позволяет им точно и достаточно полно передавать и воспроизводить изобразительную, звуковую и изобразительно-звуковую стороны отображаемого факта» [8, с. 220]. Анализ вышеприведенных суждений позволяет сделать вывод о том, что аудиовизуальные источники могут занимать применительно к новейшему историческому периоду не менее значимое положение, чем письменные источники, особенно в теоретическом и практическом изучении военной и послевоенной истории страны.

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Для расширения источниковой базы по изучению послевоенного Сталинграда необходимо рассмотреть так называемый феномен в культурно-историческом исследовании, собирающий в себе огромный информационный потенциал – почтовые открытки. Если историческая ценность и учебно-методическая пригодность фотодокументов признана научным обществом, то почтовым открыткам еще предстоит стать самостоятельным носителем информации в культурно-историческом познании.

Более ста лет открытки были и остаются одним из наиболее популярных объектов коллекционирования и художественных образцов. Наряду с живописью, графикой, фотоматериалами, иллюстрированные открытые письма хранятся в фондах многих музеев, библиотек и архивов. Сегодня изобразительные материалы оказались чрезвычайно востребованными в научно-исследовательской деятельности, но в данном направлении они всё так же остаются малоизученными.

В работе кандидата исторических наук М.В. Самбур «Почтовая открытка как источник информации по истории и культуре» приводится деление иллюстративных открыток на тематические группы. Автор отмечает, что из всего многообразия материала необходимо выделить наиболее важные и перспективные открытки. Таким образом, он отбирает несколько групп, из которых наиболее примечательными для нас являются историко-событийные открытки, на которых были запечатлены как важнейшие исторические события, визиты высокопоставленных лиц, так и открытие важных культурных объектов, городские виды [12, с. 68]. Данный тип открыток мы рассмотрим в исследовании, раскрывая при этом парадный облик города-героя Сталинграда после войны.

Актуальностью данного исследования является тенденция к расширению источниковой базы и использование ранее не востребованных исторических источников. Долгое время вся группа изобразительных источников выпадала из поля зрения историков или использовалась, в основном, в качестве дополнения, иллюстрации к письменным источникам. В статье мы рассмотрим фотодокументы и почтовые открытки в качестве исторических источников, способных проследить развитие Сталинграда и жизнь людей после войны.

Ввиду того, что почтовые карточки как носитель информации имеют недостаточную изученность, целью исследования выступает доказательство важности использования почтовых открыток как исторического источника в контексте формирования образа послевоенного парадного Сталинграда.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) проследить динамику преобразования города-победителя в процессе восстановительных работ 1943–1950-х гг. через призму фотодокументов и почтовых открыток; 2) сопоставить почтовые открытки с другими видами исторических источников (фотодокументы и нарративные источники); 3) провести анализ почтовых карточек с изображением Сталинграда, сделанных по инициативе властей в 1954 г. (т. е. прошло чуть больше десяти лет после освобождения города).

В истории возрождения города-победителя после завершения военных действий историки выделяют два этапа. Первый, начальный этап, охватывает 1943–1945 г. В этот период была создана основа для завершения восстановления экономики в годы первой послевоенной пятилетки, и первостепенное значение уделялось крупным военно-промышленным предприятиям. Второй этап охватил годы первой послевоенной пятилетки (1946–1950 гг.) и характеризовался как период перехода экономики на мирные рельсы. Здесь уже шло расширение жилищного и социального строительства, а также промышленных работ [5, с. 34].

Нельзя не отметить духовный потенциал восстановления разрушенного Сталинграда, основанный на патриотическом подъеме советских людей, имеющих непреодолимое желание возродить из руин родной город, тем самым доказав бесспорную боевую и трудовую победу над немецко-фашистскими оккупантами. Особую роль в данном процессе сыграло черкасовское движение, инициированное работницей детского сада А.М. Черкасовой. Это была добровольческая бригада по восстановлению города, получившая в дальнейшем широкое распространение не только в Сталинграде, но и в других городах. «Чтобы судить о размахе того патриотического движения, достаточно сказать, что в 1948 г.

в нем участвовало 80 тыс. человек, т. е. почти всё трудоспособное население. Отработали они в том году более 3 млн ч. Так ярко проявляется великий патриотический дух сталинградцев» [1, с. 54].

Важно понимать, что первоочередной задачей после окончания Сталинградской битвы являлось комплексное восстановление города, перепланировка разрушенных кварталов и зданий, возведение новых корпусов предприятий «Красный Октябрь», «Баррикады», тракторного завода. Однако и культурная сфера (восстановление ранее разрушенных, строительство новых учреждений культуры) города являлась тоже довольно важным аспектом в восстановительном процессе [9].

В этом ключе проведем сравнительный анализ фотодокументов и почтовых открыток, содержащих фотоматериалы культурных объектов Сталинграда после войны.

В монографии Е.Ю. Болотовой и Т.Н. Орешкиной «Учреждения культуры Сталинградской области в 1943–1950 гг.: восстановление и развитие» представлена репрезентативная фотодокументальная база учреждений культуры в послевоенный период [3]. Городу был нанесен огромный материальный ущерб, т. к. практически все здания культурно-просветительных учреждений были разрушены. Восстановление разрушенных объектов культуры и, тем более, возобновление их деятельности в условиях продолжавшейся войны было затруднительно [9, с. 126–127].

Так, на одном из представленных в исследовании фотодокументов запечатлено здание драматического театра им. М. Горького после освобождения города (рис. 1). Фотограф зафиксировал культурный объект в полуразрушенном состоянии, т. е. можно констатировать, как сильно пострадал театр при массированных бомбардировках города в период битвы.

Рис. 1. Разрушенное здание драмтеатра в Сталинграде, 1943 г. (вид сбоку) [3]

В 1950 г. начались работы по восстановлению театра (см. рис. 2 на с. 142), оно было дополнено новыми элементами в постройке и в 1952 г. готово к продолжению своей работы, несмотря на объективные трудности восстановительного процесса. Важно отметить, что уже в 1944 г. в областном драматическом театре состоялась премьера спектакля по пьесе К. Гольдони «Хозяйка гостиницы и «Женитьба Белугина» по пьесе А. Островского. Этот факт свидетельствует о «возрастающих культурных потребностях горожан» [3, с. 67].

Рисунок 3 (см. на с. 142) – почтовая открытка, на которой изображено возрожденное и уже работающее в полную силу культурное учреждение. Здесь важно обратить внимание на парадный облик здания, удачный ракурс фотографа и атмосферу, которая царила в городе. Одиннадцать лет на тот момент прошло с окончания страшных боев. Почтовая карточка зафиксировала восставший из руин город, оживление городских жителей, их стремление к культурному обогащению.

Рис. 2. Восстановление драматического театра им. М. Горького. г. Сталинград. 1950 г. [3]

Рис. 3. Сталинград. Драматический театр им. М. Горького [11]

Восстановительные работы коснулись и одного из главных на тот момент музеев города. Музей обороны им. товарища Сталина был основан ещё до войны, и во время боевых действий здание сильно пострадало, но все ценности были эвакуированы. На фотографии представлен уже восстановленный объект, который в 1943 г. получил название «Музей обороны Царицына-Сталинграда им. товарища Сталина» (см. рис. 4 на с. 143). В ноябре 1943 г. в музее открылась постоянно действующая выставка, где горожане смогли увидеть экспозицию, посвященную обороне Сталинграда.

На почтовой открытке (см. рис. 5 на с. 143) изображен музей, действовавший в 1954 г. Важно отметить, что желание к духовному обогащению людей реализовывали не только театры, но и музеи, выполнявшие также и функцию мемориализации военной истории города.

Рис. 4. Здание музея обороны им. товарища Сталина, 1949 г. [3]

Рис. 5. Сталинград. Музей обороны Царицына-Сталинграда [11]

Облик города после битвы был почти полностью утрачен, т. к. большинство зданий принимали такой же устрашающий вид разрухи, представленный на фото (см. рис. 6 на с. 144). Пробитые стены, разрушенный корпус, следы от жестокой бомбардировки – все эти детали отчетливо можно проследить на данном фото.

На почтовой открытке (см. рис. 7 на с. 144) запечатлен уже привлекательный облик возрожденного здания. Оживленность и непринужденность жителей делает карточку более живой, настоящей. Сама почтовая открытка, благодаря изображению городского транспорта, людей в спешке и красивого городского здания, становится увлекательным средством коммуникации.

Железнодорожный вокзал является одним из самых привлекательных символов Царицына, Сталинграда и сейчас уже Волгограда. На данной почтовой карточке запечатлен вокзал, действующий в 1954 г. в Сталинграде (см. рис. 8 на с. 144). Стиль постройки, монументальность, увенчавшая здание часовая башня, фасады центральной части, декорированные стилизованными колоннами и барельефами боевых наград (ордена Боевого Красного Знамени и медали «За оборону Сталинграда») придают архитектурной постройке завораживающий облик.

Рис. 6. Здание универмага в Сталинграде, где был пленен фельдмаршал Фридрих Паулюс, 1943 г. [4]

Рис. 7. Сталинград. Универмаг [11]

Рис. 8. Сталинград. Железнодорожный вокзал [Там же]

Подчеркнем, в 50-е гг. XX в. основные позиции в восстановлении города занимала не только культурная сфера, но и облик самого города-героя.

Сталинградская битва положила начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Цена победы для горожан была крайне тяжелой – противник практически разрушил город. Страшная разруха зафиксирована на фото (рис. 9). Завалы, руины, полуразрушенные здания, пыль, грязь, тьма – таким и предстает Сталинград на этом фото после окончания боевых действий.

Рис. 9. Разрушенный Сталинград, 1943 г. [13]

На последующих снимках (почтовых карточках) фотограф запечатлел полностью возрожденный, красивый, живой город (см. рис. 10, 11, 12 на с ??). Улица Мира – уникальная улица в историческом центре города, целиком являющаяся охраняемым памятником истории и культуры. Это первая восстановленная после Сталинградской битвы улица города (рис. 10). Фотография фиксирует интересную архитектуру четырехэтажных домов с балконами самых разных видов, с плющом на окнах, которые создают уютную атмосферу красивого города.

Mikhail Bratsilo / Moscultura

Рис. 10. Сталинград. Улица Мира [11]

Речной Вокзал в Сталинграде в послевоенный восстановительный период представлял собой небольшой деревянный павильон. Довольно привлекательным он выглядит на почтовой карточке. Монументальная лестница, красивый фасад здания и прекрасный вид на Волгу заставляют погрузиться в атмосферу возрожденного города (рис. 11).

Рис. 11. Сталинград. Речной вокзал [11]

На следующей почтовой карточке изображена Волгоградская детская железная дорога – развлечение для детей и взрослых, где уменьшенными копиями настоящих вагонов управляют юные машинисты. Решение о ее строительстве было принято сразу после Великой Отечественной войны, когда город ещё не был полностью восстановлен. В 1979 г., в связи со строительством речного вокзала, дорога была перенесена в пойму реки Царица. Однако на данном снимке она запечатлена ещё на прежнем месте, что позволяет визуализировать её в начальном положении, и делает открытку ценным визуальным источником.

Рис. 12. Сталинград. Детская железная дорога [11]

На основе проанализированных визуальных исторических источников можно сделать вывод, что открытка не только хранит в себе социальную информацию, но и является средством культурной пропаганды, т. к. своей привлекательностью она пробуждает у людей интерес к самому городу и его достопримечательностям [14]. В этой связи рассмотрим современный облик Волгограда в новом художественном стиле почтовых открыток, сделанных в 2020 г.

Рис. 13. Открытка «Волгоград – город мира». Циганкова Анна.

Рис. 13. Открытка «Приехать в Волгоград и остаться». Циганкова Анна.

Данные художественные образцы заставляют задуматься о прекрасном городе, в котором мы живём, вызывают у человека неподдельный интерес к красивым местам, а самое главное, продолжают сохранять историческую и культурную память о городе, которому в 2021 г. исполнится 432 года.

Таким образом, анализ вышеприведенных материалов дает право констатировать, что появление иллюстрированных открытых писем (почтовых карточек) в конце XIX столетия по-новому раскрыло феномен фотографии, существовавшей уже более полувека. Несомненно, открытка является важным средством коммуникации в современном мире и это играет большую роль в её историческом и культурном контексте. Чаще всего, как свидетельствуют представленные в статье визуальные документы, на открытках изображались вокзалы, потому что эти «соборы нового века» внушали уважение своей монументальностью и стали излюбленным местом горожан. Большим спросом пользовались открытки с известными видами, а почтовые карточки с достопримечательностями стали неотъемлемым атрибутом туризма [12, с. 67]. Открытки с красивыми видами помогали визуализировать мир для широких слоев населения, а также пробуждали тягу к путешествиям. Эти примеры раскрывают почтовую открытку как совершенно новый стиль коммуникации. До появления телефонов и других средств связи открытки были самым доступным способом общения.

Конечно, главной особенностью открытки в рассматриваемый период времени (советское государство) являлась пропагандистская направленность. Открытки по своей природе «являлись посредниками в коммуникации между государством и населением страны, индикатором политической и социальной жизни общества, важным источником информации пропагандистской и агитационной направленности» [2, с. 15]. В этом контексте стоит обозначить, почему на рассмотренных открытках изображен Сталинград в 1954 г. В период хрущевской «оттепели» в 1953–1964 гг. произошли глубокие изменения в социокультурной сфере, оказавшие влияние на качественные характеристики условий жизни советских граждан. Эта, своего рода, либерализация дала толчок для экономического роста, прогресса в науке и образовании, что также отразилось на развитии культуры и искусства [7, с. 5]. Таким образом, государству важно было показать культурную жизнь общества посредством почтовых открыток.

Особо отметим, что, исходя из вышеприведенных образцов, можно сделать вывод, что в советский период не было ни одной стороны жизни, которую бы не изображали на открытках. Именно поэтому этот вид почтовой связи «представляет многослойный взгляд на жизнь человека во всех её аспектах» [12, с. 67].

В данном исследовании облик послевоенного Сталинграда представлен через визуальные источники посредством почтовых карточек. В них Сталинград – не только город-герой, но и победитель в контексте боевого, трудового подвига населения, его возродившего [14]. Кроме того, визуальные документы, изданные в 1954 г., являлись массовой формой социальной коммуникации, а авторы фотокарточек зафиксировали образ города, привлекательный для возрождения туристической деятельности.

Литература

1. Атопов В.И., Масляев В.Е., Липявкин А.Ф. Волгоград. М.: Стройиздат, 1985.
2. Белько Т.В., Бесчастнов Н.П. Эволюция «открытки» («открытого письма») в России в контексте исторических событий XX в. // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 240–257.
3. Болотова Е.Ю., Орешкина Т.Н. Учреждения культуры Сталинградской области в 1943–1950 гг.: восстановление и развитие: моногр. Волгоград: Перемена, 2014.
4. Замский А. Здание универмага в Сталинграде, где был пленен фельдмаршал Фридрих Паулюс, 1943 г. // История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции. [Электронный ресурс]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1943-1950/?paginate_page=1&page=1&author_ids=47&index=1&query=%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4 (дата обращения: 14.01.2021).
5. Кузьмина Э.В. Восстановление Сталинграда. 1943–1950 / под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: ГУ «Издатель», 2002.
6. Ланской Г.Н. Актуальные проблемы архивоведческого и источниковедческого изучения фотодокументов // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 8–17.
7. Липатов А.В. Деятельность учреждений культуры Сталинградской (Волгоградской) области в 1953–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2012.
8. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания: моногр. М.: Издат. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2005.

9. Манаев А.Ю. «Мы возродим тебя, родной Сталинград!»: формирование образа Сталинградской битвы в исторической памяти (1940-е – 1950-е гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8. № 1(22). С. 8.
10. Орешкина Т.Н. Восстановление и развитие учреждений культуры в Сталинградской области (1943 – начало 1950-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2009.
11. Открытки. Сталинград. Волгоград: Изд. дом «Все для вас», 1998.
12. Самбур М.В. Почтовая открытка как источник информации по истории и культуре // Вестник Москов. гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 4(54). С. 65–69.
13. Сухорукова Е.П., Орешкина Т.Н. Отражение Сталинградской битвы в фотодокументах военного времени: (по материалам Центра документации новейшей истории Волгоградской области) // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. 2017. № 5(118). С. 160–166.
14. Фролова Ю.О. Восстановление и развитие Сталинграда в визуальных источниках // Материалы Междунар. молодеж. науч. форума «ЛОМОНОСОВ-2021». М.: МГУ, 2021. С. 1–8. [Электронный ресурс]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/22298/126034_uid564781_report.pdf (дата обращения: 14.01.2021).

YULIYA FROLOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

IMAGE OF POSTWAR STALINGRAD IN POST CARDS

*The article deals with the postwar image of Stalingrad by the means of the visual sources.
There is actualized the use of the post cards as a historical source.*

Key words: *image, Stalingrad, recovery, post cards, audiovisual sources,
cultural and historical memory.*

УДК 93/94

Ю.О. ФРОЛОВА

(yulechka_frolova_02@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ВОССТАНОВЛЕННОГО СТАЛИНГРАДА ПОСРЕДСТВОМ ФОТОДОКУМЕНТОВ И ПОЧТОВЫХ КАРТОЧЕК*

Рассматривается процесс возрождения Сталинграда после войны и непосредственно восстановленные объекты города через призму почтовых карточек в совокупности с фотодокументами. Актуализируется использование почтовых открыток как исторического источника.

Ключевые слова: *Сталинград, восстановительный процесс, визуализация, визуальные источники, почтовые открытки, фотодокументы.*

Изучая историческое прошлое Сталинграда, можно утверждать, что после окончания боевых действий в городе перед партийно-государственными органами стоял ряд первостепенных задач, в число которых входило скорейшее возрождение крупнейшего в СССР индустриально-промышленного центра и легендарного города, боевая слава которого перевернула весь ход не только Великой Отечественной войны, но и Второй мировой войны в целом. Продолжением ратного подвига стал процесс возрождения города и уже на его достойном примере – всей советской страны по завершению войны.

Важнейшим критерием особой значимости данного процесса является не только его дальнейший результат, но и условия, в которых он проходил. Восстановительные работы в Сталинграде начались в феврале 1943 г. сразу после окончания боевых действий, несмотря на то, что война продолжалась ещё полтора года. При этом разрушенный практически до основания город даже после победы Красной Армии над немецко-фашистскими оккупантами продолжал оставаться крупнейшим индустриальным центром юга Советского Союза, в продукции предприятий которого нуждалась воюющая страна. Именно поэтому восстановительному процессу Сталинграда придавалось такое колоссальное значение.

Безусловно, после освобождения города необходимо было очистить его от мин, завалов, создать полную безопасность для движения, принять решительные меры по захоронению жертв, после чего уже приступить к комплексному восстановлению всех сфер жизни города. В историческом сообществе данный период принято делить на два этапа: 1) 1943–1945 г. – создание условий для завершения восстановления экономики и крупных военно-промышленных предприятий в годы первой послевоенной пятилетки; 2) 1946–1950 гг. – переход экономики на мирные рельсы, проведение масштабных промышленных работ, а также строительство культурных объектов [6, с. 34].

Комплекс мер, принятых партийной властью в отношении данного процесса, очень четко отражен в нормативно-правовой базе документов, наиболее значительным из которых можно считать постановление Центрального комитета ВКП (б) и Совнаркома СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации» [5]. В документе фиксируются положения о ликвидации тяжелых последствий фашистской оккупации, восстановлению сельского хозяйства, промышленности, транспорта, предоставлению помощи миллионам советских людей, оказавшихся в бедственном положении. Уже в апреле 1945 г. Совнарком РСФСР утвердил проект генерального плана Сталинграда и принял развернутое решение о мерах по восстановлению города. В нем, в частности, говорилось: «Для восстановления города создать мощную строительную базу и применять наиболее сокращенные методы строительства, обеспечить окончание восстановительных работ в короткий срок, не превышающий десять лет...» [1].

Подчеркнем, что уже через 7 лет после окончания крупнейшего Сталинградского сражения разрушенный практически до основания город благодаря мощному патриотическому подъему советского

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

народа был полностью восстановлен. Это событие, как и весь процесс ликвидации следов войны в Сталинграде, находит отражение в обширном круге исследовательских работ. Важно отметить, что исторические исследования проблемы восстановления Сталинграда имеют многогранный характер. Значительная их часть посвящена вопросам социально-экономического потенциала и культурного развития Сталинградской области. Причем изучение данного вопроса на основе значительно расширившейся источниковой базы актуально до сих пор. В рамках заявленной темы исследования предлагаем с точки зрения визуализации рассмотреть объекты восстановленного Сталинграда через призму фотодокументов и почтовых открыток.

Визуализация – это метод предоставления абстрактной информации в форме, удобной для зрительного восприятия и анализа. Она является важнейшим компонентом визуальных источников, которые подразумевают под собой особый вид исторических источников, располагающий высокими информативными свойствами и способный наиболее полно передавать и воспроизводить изобразительную сторону отображаемого факта или явления с сохранением историзма обстановки, в которой происходило конкретное событие [7, с. 220]. Попытка комплексного изучения визуальных источников, выделения особенностей и описания методов внешней и внутренней критики кино-фото-фонодокументов (КФФД) впервые была сделана доктором исторических наук В.М. Магидовым в его монографии. Ученый в своем исследовании очень точно выделяет важнейшую особенность КФФД – совпадение момента съемки (дата, место) с самим происходящим событием, благодаря чему у исследователей появляется уникальная возможность посредством заключенной в источнике информации «восстановить колорит эпохи, вид городов, облик, настроение и жесты людей...» [Там же].

Таким образом, кино-фото-фонодокумент является неким феноменом в источниковедческой практике, способным документально отражать реально происходящие события, явления и факты, используя присущую возможность эстетически воздействовать на человека, его чувства и эмоции. Важно отметить, что фотодокумент, который считаем целесообразным рассмотреть в контексте исследуемой темы, включает в себе возможность запечатлеть некоторые факты реальной действительности, зарегистрировать мельчайшие детали происходящего процесса, что позволяет в полном объеме интерпретировать, представить и осмыслить событие. При этом разнообразии информации, заключенной в фотодокументе, создает условия для интегрированного представления о действительности, причем данный процесс осуществляется в наиболее активной для восприятия форме, что делает весомый акцент на уникальности фотографии [7, с. 222].

Очевидно, визуализация уже восстановленного после боевых действий города дает нам право проследить сам процесс возрождения и его высокопродуктивный характер, отраженный в нелегком пути от послевоенной разрухи до поднятия из руин и строительства совершенно нового, индустриально и культурно развитого, на сегодняшний день, одного из крупнейших центров Нижнего Поволжья. В этом ключе к рассмотрению и анализу предлагается ряд фотодокументов, отражающих процесс восстановления города, и редко вводимые в научный оборот почтовые карточки, которые в настоящее время не являются самостоятельным носителем информации, но имеют весомое значение для визуального восприятия объектов уже возрожденного и привлекательного Сталинграда.

Отметим, что почтовая карточка включает в себе характерные для визуального источника черты, но, в отличие от фотографии, она имеет ряд присущих только ей особенностей (привлекательный вид, постановочная съемка, тиражирование в результате государственного заказа). Однако при этом историческая ценность и учебно-методическая пригодность фотодокументов признана научным сообществом, чего нельзя сказать о почтовых карточках. Это наталкивает на изучение темы исследования посредством почтовых открыток в совокупности с другими историческими источниками (фотографии, документальный нарратив), что, в свою очередь, позволит не просто достаточно полно раскрыть фотокарточку как совершенно новый стиль коммуникации, но и в рамках заявленной темы показать её репрезентативность в контексте изучения восстановительного процесса в Сталинграде.

Представленный фотодокумент фиксирует облик полуразрушенной части города. Снимок сделан в результате аэрофотосъемки, удачный ракурс фотографа позволяет увидеть результат жестокой бит-

вы и в то же время визуализировать подготовительный процесс для планомерного жилищного строительства, которое согласно принятому 22 августа 1945 г. постановлению «О мерах по восстановлению г. Сталинграда» должно было войти в программу восстановительных работ на 1945–1947 гг. [11].

Рис. 1. Восстановление Сталинграда, 1944 г. [12]

Восстановление Сталинграда было бы невозможно без всенародной помощи. В феврале 1943 г. СНК СССР обязал наркомат строительных материалов СССР изготовить и отгрузить для Сталинграда 50 вагонов цемента, 50 вагонов оконного стекла, 9 вагонов столярных изделий, 50 отопительных котлов. В марте-апреле пленумы партийных комитетов Горьковской, Кировской, Куйбышевской, Пермской, Саратовской, Челябинской и многих других областей приняли специальные решения об оказании помощи Сталинграду и Сталинградской области [11]. Этот факт зафиксирован на снимке, где отчетливо виден текст, расположенный на одном из вагонов: «На восстановление героического Сталинграда от трудящихся Куйбышевской области». Таким образом, фотография зарегистрировала в себе визуальную информацию о процессе всенародной помощи городу и достаточно полно передала её.

Рис. 2. На восстановление героического Сталинграда, 1943 г. [8]

С начала 1944 г. на СТЗ развернулась напряженная борьба за выпуск первого опытного трактора ко дню 14-й годовщины завода – 17 июня. Точно в назначенный срок с большого конвейера завода сошел первый опытный трактор СТЗ-НАТИ [11]. Данная фотография фиксирует динамику происходящего события и позволяет визуализировать его колоссальное значение для людей, для города и для страны. Текст на передней части трактора гласит: «Первый опытный с возрожденного конвейера».

В этих словах отражена та сила, которую советский народ вложил в восстановление промышленного потенциала города и вся гордость за достойный результат.

Рис. 3. Первый опытный трактор с конвейера возрожденного СТЗ, 1944 г. [13]

Восстановительный процесс в городе затронул все сферы общества. Социокультурная сфера не являлась исключением. Многим учебным заведениям и другим культурным учреждениям приходилось работать в трудных условиях. Школьные занятия были возобновлены практически сразу же после освобождения города. Это позволило собрать детей в безопасном месте под присмотром учителей, не допустив их гибели на заминированных улицах города. Безусловно, полностью восстановить нормальный учебный процесс было сложно. Фотограф зафиксировал на снимке тот тяжелый груз послевоенного времени, который «тащили» на себе юные ребята и девчата. Организовать процесс обучения и воспитания детей в Сталинграде было одной из важнейших задач, и фотография позволяет визуализировать её реализацию. Удачный ракурс, подобранный автором фотографии, очень четко фиксирует фон учебного процесса – разрушенный город. Тем самым он показывает, какую важнейшую роль в жизни людей играло образование даже в период продолжавшейся войны.

Рис. 4. Дети за партами разрушенной школы в Сталинграде, 1943 г. [2]

Интерпретация представленных в исследовании фотографий позволяет визуально рассмотреть различные стороны восстановительного процесса, причем в таких ракурсах, которые не будут представлены на фотокарточке в силу её характерных особенностей (имеется ввиду привлекательный вид). В контексте визуализации восстановленного Сталинграда, согласно теме исследования, целесообразным считаем проанализировать репрезентативность почтовых карточек, тиражированных в разные годы, для наиболее полного зрительного восприятия и анализа облика города-памятника в мирное время.

В рамках статьи было выделено несколько групп почтовых карточек, для которых общим признаком является местоположение отраженного явления – г. Сталинград (с 1961 г. Волгоград). Данные группы можно классифицировать по единственному различающему их признаку – отображаемый объект.

Первая группа фотокарточек фиксирует один из самых привлекательных символов Царицына, Сталинграда и Волгограда. Анализируя фотокарточки 1954-го (рис. 5) и 1960-го гг. (рис. 6) можно отчетливо увидеть немного измененный ракурс снимков, а также переменчивую динамику событий (придание фотоснимку цвета, появление растительности в кадре, отсутствие привокзального транспорта за счет смены ракурса). Объект, заключенный в почтовых карточках 1989-го (рис. 7), 2014-го (см. рис. 8 на с. 155) и 2021-го гг. (см. рис. 9 на с. 155), немного отличен от предыдущих, но сами фотоснимки претерпели значительные изменения. В частности, кардинальная смена ракурса, смена приоритетной стороны отображаемого факта. При этом новый художественный образец 2021 г. (рис. 9) обладает особой привлекательностью и позволяет сделать вывод о равнодушии горожан к развитию города-памятника и города-героя.

Рис. 5. Вокзал, 1954 [9]

Рис. 6. Вокзал, 1960 г. [10]

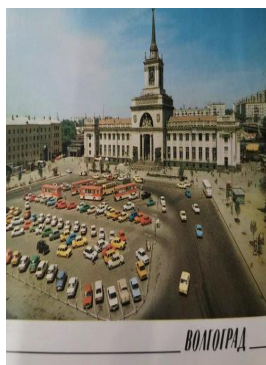

Рис. 7. Железнодорожный вокзал, 1989 г. [4]

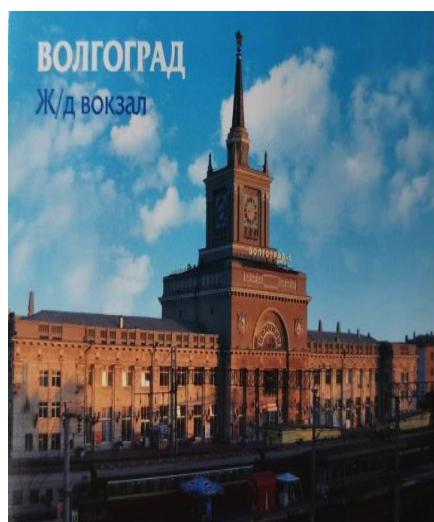

Рис. 8. Ж/д вокзал, 2014 г. [3]

Рис. 9. Вокзал Волгоград-1, 2021 г. Даулеткалиева Алина

Вторая группа источников заключает в себе визуальную информацию о памятнике-ансамбле «Героям Сталинградской битвы» с главным монументом «Родина-мать зовёт!». Данный мемориальный комплекс – самый большой комплекс в мире, посвященный Великой Отечественной войне. Он играет огромную роль в мемориализации военной и послевоенной (восстановление города) истории, эмоционально потрясает сознания людей, формируя при этом незыблемую веру в величие подвига советских героев. Интерпретация представленных фотокарточек (см. рис. 10, 11 на с. 156) позволяет сделать вывод о том, что видимых отличий отображаемые на снимках факты не имеют. Однако отметим, с какой поразительной точностью художественный образец 2021-го г. (рис. 11) визуально передает происходящие события, как живо и полно он их фиксирует, выделяя резкие контуры монументов и обстановку, в которой они находятся. Фотокарточка 2014-го года (рис. 10) при этом является реальным отражением фиксируемого момента.

Рис. 10. Мамаев Курган, 2014 г. [3]

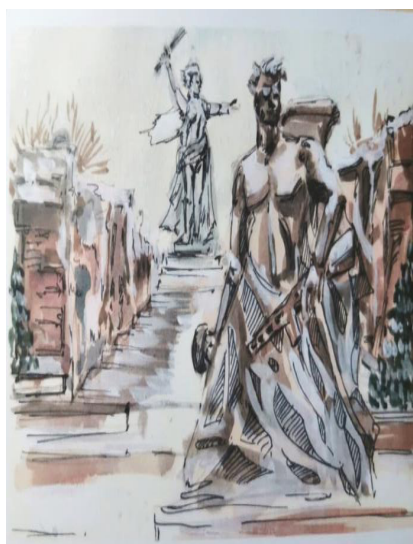

Рис. 11. Мамаев Курган, 2021 г. Даулеткалиева Алина

Третья группа почтовых карточек позволяет рассмотреть и проанализировать облик одной из главных красот города – парадную лестницу центральной набережной, строительство которой завершилось в 1952 г. Этот объект является особо значимым для восстановленного Сталинграда/Волгограда, т. к. служит парадным входом в славный город со стороны Волги, тем самым своей привлекательностью создавая первое положительное впечатление о нем. Проведя анализ приведенных фотокарточек, можно констатировать, что на протяжении нескольких лет в открытке менялся ракурс снимка, ключевая сторона отображаемого факта, частично сам объект. Подчеркнем, художественные образцы 1960-го (см. рис. 12 на с. 157) и 2021 гг. (см. рис. 15 на с. 158) выполнены в живописном стиле, что придает самому объекту важнейшее значение в оформлении культуры города и ещё большую реалистичность, в первом случае (рис. 12) за счет ярких зеленых оттенков и сочетания с ними ярко-голубого неба, а во втором (рис. 15) посредством спокойных, пастельных оттенков, отражающих эстетичность и истинную красоту колоннады.

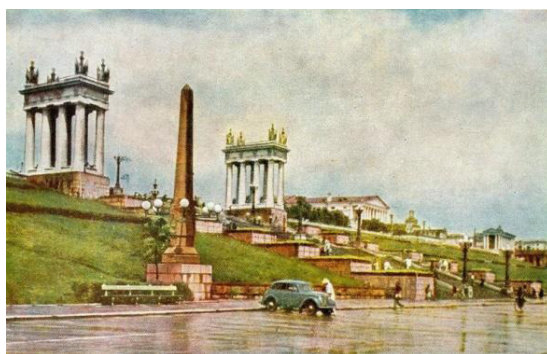

Рис. 12. Волжская лестница, 1960 г. [10]

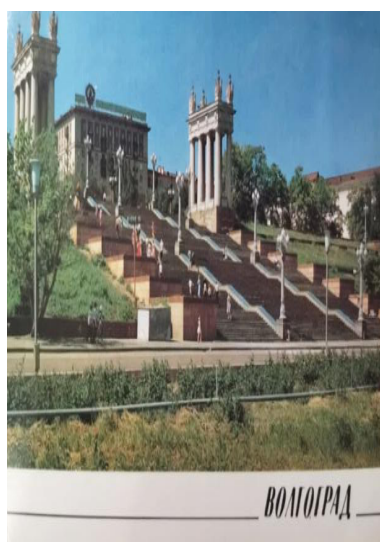

Рис. 13. Набережная Волги, 1989 г. [4]

Рис. 14. Набережная Волги, 2014 г. [3]

Рис. 15. Колоннада на Набережной, 2021 г. Даулеткалиева Алина

Таким образом, представленные в исследовании визуальные источники фиксируют и хранят в себе ценнейшую информацию о восстановленном в результате патриотического подъема и созидательной деятельности городе. Важно отметить, что этот город, исходя из вышесказанного, является героем не только в ключе ратного подвига, но и трудового героизма населения, его возродившего. В контексте визуализации восстановительного периода важно было проанализировать почтовые карточки в совокупности с фотодокументами и показать их репрезентативность, характерность и показательность в рамках исследуемой темы. Исходя из этого, можно сделать несколько логичных выводов.

Во-первых, пройдя такой большой путь от военного времени, через восстановительный процесс, до сегодняшнего дня, символ нашего города как города-памятника всё так же остается в истории и находит свое отражение в визуальных источниках, позволяя людям, равнодушным к истории Сталинграда, зрительно представить и проанализировать его исторически сложившийся образ.

Во-вторых, на каждом историческом этапе в послевоенной истории города на фотокарточках сохранялся его ключевой «объект», однако авторы вносили некоторые объективные изменения, соответствующие времени.

В-третьих, визуальные документы свидетельствуют о том, что с восстановлением и дальнейшим развитием города городские объекты достойно поддерживались администрацией и горожанами, в результате чего сохранили свой неповторимый вид. Этот факт отражается в рассмотренных визуальных источниках. Причем важно понимать, что Сталинград, а сейчас Волгоград сохраняет звание города-памятника и города-героя не только в контексте его решающего значения для хода Великой Отечественной войны, но и в ключе успешного результата по его возрождению и созданию совершенно нового, развивающегося во всех сферах, крупного административного центра с таким значительным историческим опытом.

Литература

1. Данные ЦСУ СССР о ходе восстановительных работ в городах РСФСР в 1946–1948 гг. // Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.info/node/18423> (дата обращения: 08.05.2021).
2. Дети за партами разрушенной школы в Сталинграде // Война: Волгоградская область 1941–1945 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2933971.html> (дата обращения: 07.05.2021).
3. Комплект открыток «Волгоград». Волгоград: Изд-во «Принтерра-Дизайн», 2014.
4. Комплект открыток «Волгоград». М.: Планета, 1989.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК // Интернет архив. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/KPSS_v_rezoliutciiakh_i_resheniiakh_syezdov_konferentciy_i_plenumov_TCK_1898_1986 (дата обращения: 07.05.2021).

6. Кузьмина Э.В. Восстановление Сталинграда. 1943–1950 / под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: ГУ «Издатель», 2002.
7. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания: моногр. М.: Издат. центр Рос. гос. гуманит. ун-та, 2005.
8. Город после Сталинградской битвы // Музей-заповедник «Сталинградская битва». [Электронный ресурс]. URL: <https://stalingrad-battle.ru/projects/v-exhibitions/the-frozen-history-of-the-city/city-after-the-Battle-of-Stalingrad/#:~:text=Восстановление%20Сталинграда%20началось%20сразу%20после,заводы%3A%20тракторный%2C%20«Красный%20Октябрь»%2C%20«Баррикады»> (дата обращения: 07.05.2021).
9. Открытки. Сталинград. Волгоград: Изд. дом «Все для вас», 1998.
10. Открытки. Сталинград. М.: Московская типография №2 «ИЗОГИЗ», 1960.
11. Поднятый из руин // История Волгограда. [Электронный ресурс]. URL: http://www.volgograd-history.ru/history/stalingrad/article_009.html (дата обращения: 07.05.2021).
12. Умнов Е. Восстановление Сталинграда // История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции. [Электронный ресурс]. URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1944-1999/?paginate_page=2&index=5&query=сталинград&page=2 (дата обращения: 07.05.2021).
13. Умнов Е. Первый опытный трактор с конвейера возрожденного СТЗ // История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции. [Электронный ресурс]. URL: <https://m.russiainphoto.ru/photos/244587/> (дата обращения: 07.05.2021).

YULIYA FROLOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

VISUALIZATION OF RECOVERED STALINGRAD BY THE MEANS OF PHOTO DOCUMENTS AND POST CARDS

The article deals with the reconstructive process of Stalingrad after the war and the recovered objects of the city by the means of the post cards together with the photo documents. There is kept current the use of the post cards as the historical sources.

Key words: *Stalingrad, reconstructive process, visualization, visual sources, post cards, photo documents.*

УДК 908

Л.А. ШКУРОВА

(luda.shkurov@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВОЛГОГРАДА*

Во время перестройки происходят серьезные перемены в политической системе СССР, основы которых были заложены на XIX партийной конференции. Рассматривается реакция региональной периодической печати на ход конференции и решения, принятые по ее итогу с целью выделить региональную специфику протекания политических процессов.

Ключевые слова: перестройка, XIX партийная конференция, Волгоград, политические процессы, гласность, политическая система, Волгоградская область.

В настоящее время в нашей стране происходят большие перемены. Внесены правки в Конституцию, происходят серьезные преобразования. Период перестройки в контексте исторического времени еще не совсем ушел в историю и события, происходившие тогда, актуальны для исследования как никогда и сейчас.

Глобальные преобразования периода 1985–1991 гг. затронули миллионы людей. Происходили определенные события, такие как XIX партийная конференция (1988 г.), I съезд народных депутатов (1989 г.) где принимались решения по ключевым вопросам, проходили прения и обсуждались вопросы будущего страны, потому что старая парадигма уже не отвечала требованиям современности.

Эти события широко освещались в прессе. Принятый М.С. Горбачевым принцип гласности дал возможность глобально транслировать происходящее прямо из центра происходящих событий – с конференции, съезда. Помимо столичных изданий и телевидения эти события нашли широкое отражение в региональной прессе. Для нашей страны характерна региональная специфика отражения тех или иных событий или явлений.

В силу того, что перестройка – это явление совсем недавнего прошлого, посвященной ей литературы не так много. Каких-либо обширных трудов, посвященных именно перестройке, пока что немного.

В отличие от специальной литературы, источников периода перестройки предостаточно. Из законодательных актов нами были использованы законы о поправках к Конституции 1977 г., т. к. это важное последствие изучаемых нами процессов. Из источников личного происхождения были использованы воспоминания М.С. Горбачева.

Изучая подшивки газет «Волгоградская правда» и «Вечерний Волгоград» за 1988–1989 гг., можно обнаружить много интересного о региональных особенностях протекания политических процессов перестройки, реакции жителей региона на происходящие в стране события, в частности, XIX партийную конференцию.

Когда в марте 1985 г. к власти пришел М.С. Горбачев, в стране назревал глубокий системный кризис: в политической, экономической, социальной, духовной сферах. Особенно этот кризис проявлялся в сфере управления и власти. Изменений жаждали все слои населения, и даже руководство: другое дело, что результатов от перемен все ждали разных.

Руководство СССР решило начать преобразования с экономической сферы. Был провозглашен курс на «ускорение» экономики. Реформы предполагалось проводить «административным путем» – т. е. «сверху». Главной задачей стала интенсификация экономики и ускорение научно-технического прогресса. Ещё не шла речь о гласности, демократизации, социалистическом рынке и прочих вещах, которые позднее прочно войдут в обиход горбачёвской эпохи.

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.Л., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Однако к концу 1986 – началу 1987 гг. стало ясно, что навязываемые преобразования структурно ничего не меняют. Это было неудивительно: ведь логика преобразований, мышление руководства оставалось старым.

Точкой отсчета «настоящей» перестройки можно считать начало 1987 г. – январский пленум ЦК КПСС, на котором была выдвинута задача коренной перестройки управления экономикой, и характеризовался он началом масштабных реформ во всех сферах жизни советского общества.

Накануне XIX партийной конференции стало понятно, что без структурных преобразований политической системы не обойтись. Мы не будем говорить о том, что оппозиция в СССР изначально создавалась почти искусственным путем, или о том, что преобразования оказались неэффективными и привели к распаду СССР – мы исходим из того, что это важный этап для демократизации советского, а позже и российского общества.

По итогам XIX конференции КПСС, прошедшей в июне 1988 г. происходят серьезные политические преобразования. Изменяется политическая система страны: партийные органы отделяются от государственных. Вносятся поправки в Конституцию, создается двухуровневая система представительных органов: Съезд народных депутатов и Верховный Совет. М.С. Горбачев становится в большей степени не партийным лидером, а главой государства.

Во время перестройки периодическая печать переживала свой расцвет. Благодаря смягчению, а позже и полной отмене цензуры редакторы и издатели могли пропускать в печать все, что хотели. К публикации допускались многие письма граждан, в том числе и с критикой властвующих структур. Политика гласности подстегнула периодику стать частью перестройки, местом ее бурного обсуждения.

Исключением не стала и волгоградская периодическая печать. Главными газетами региона были «Волгоградская правда», «Вечерний Волгоград», «Молодой ленинец». Мы будем опираться в этой работе на публикации из «Волгоградской правды» и «Вечернего Волгограда».

В газетах в 1988–1989 гг. обсуждался весьма широкий круг вопросов. Традиционно публиковались статьи о проходящей жатве, о работниках производств, о спортивных мероприятиях, о встречах руководства СССР с зарубежными делегациями и мн. др.

Однако, кроме этого, стали появляться рубрики о животрепещущих вопросах. Например, стали широко обсуждаться политические и экономические преобразования в стране, появляются критика и предложения. Например, во время XIX партийной конференции в «Волгоградской правде» появляется несколько рубрик, посвященных именно ей. И мнения там публиковались самые разные, от самых разных людей. Публиковались предложения по углублению перестройки, о том, чего не хватает для успеха.

В газете «Волгоградская правда» все номера за начало июля (до 5 июля включительно) 1988 г. (время, когда проходила конференция) на первой странице начинались с информационного письма, в котором описывалось, кто выступил, кто выступает, с какими тезисами. В этой рубрике невозможно отследить отношение редакции или населения к происходящему. Также надо учитывать, что «Волгоградская правда» – это газета регионального уровня, поэтому она более «официальная», нежели «Вечерний Волгоград».

Однако и в ней нашлось место и мнению рядовых жителей области. Существовала даже специальная рубрика, где самые простые жители города и области могли высказать свое мнение касательно происходящего на конференции, выразить свое согласие или несогласие с выступающими, дополнить своими соображениями. Эта рубрика называлась «Анкета “ВГ”: О самом важном». Это говорит нам о заинтересованности как редакции, так и рядовых граждан в переменах, происходящих политических преобразованиях. Любой рядовой гражданин может и хочет участвовать в политике.

Эта рубрика печаталась также в дни конференции, и несколько дней после, после чего перестала появляться в выпусках. Обычно в этой рубрике приводилось 3–4 письма в редакции или ответов на вопросы от журналистов простым трудящимся. Однако иногда вся рубрика состояла из мнения одного человека, причем партийного, как, например, в выпуске от 9.07.1988 г. Эта рубрика была полностью посвящена ответам на два стандартных для этой рубрики вопроса: «Какие положения доклада

М.С. Горбачева, других материалов конференции, на ваш взгляд, имеют особое значение для ускорения процесса перестройки?» и «Что, на ваш взгляд, требуется сделать конкретно для реализации этих положений в вашем трудовом коллективе, городе, районе?», где на них отвечал секретарь парткома трест-площадки «Химстрой», «Волгоградгидрострой» Г. Лосев [8].

Он высказался о порядке приема в партию и бюрократии в парторганизациях предприятий. Г. Лосев был против «контрольных цифр», сколько должно быть набрано в партию людей, потому что качество кадров при этом значительно снижается. Также он высказался против бумажной волокиты в парторганизации на предприятиях, где на 5–8 человек секретарь вел по 12–13 дел, хотя и можно заменить одним журналом, в котором будет описано, какие собрания проводились и что на них обсуждали, также там будут фиксироваться нужные заметки [Там же].

Помимо этой рубрики, на тему конференции выходило множество статей. Редакция журнала часто (почти в каждом номере) печатала разговоры с делегатами от Волгоградской области на конференции в Москве. Печатались и делегаты от сельских поселений, и от городов – от этого зависела и специфика рассматриваемых вопросов.

Названия статей были весьма вдохновляющими, как бы побуждающими к действиям: «Не ждать инструкций – действовать!», «Воспитывать политическую культуру», «Время укреплять позиции», «Перестройку крепить делами» и др. Из содержания данных статей, где часто описывались локальные проблемы тех или иных предприятий и даже конкретных людей, можно понять, что население было действительно воодушевлено и положительно воспринимало перестроечные процессы [9, 11].

Интересно, что региональные и районные партийные власти, например, райкомы, «ориентируясь на решения XIX партийной конференции», пытались мобилизовать идеологическую и пропагандистскую составляющую своей работы. В вышеупомянутой статье «Воспитывать политическую культуру» в Советском райкоме КПСС ставится вопрос: «Какими средствами можно добиться того, чтобы труженики района были глубоко убеждены в правильности политики партии, необходимости уже сегодня изменить окружающую нас действительность, а самое главное – самому принять участие в делах предприятия, района, города?» [11].

Самым интересным нам кажется здесь первая часть вопроса. В той же статье абзацем выше говорится о нужности высокой развитости политической культуры человека. На наш взгляд, здесь есть противоречие между всесоюзным курсом и пониманием его в регионах.

Если на самой конференции и впоследствии решений этой конференции государственная власть *отделяется* от партийных органов, и М.С. Горбачев пытается уменьшить влияние партии и парткоматов, оздоровить политическую систему путем разделения государственного и партийного аппарата, то в Советском райкоме г. Волгограда под перестройкой *понимается совершенно другое*. Да, они пишут о том, что надо действовать здесь и сейчас и прочие громкие лозунги, но в действительности получается, что *действуют они старыми способами* – усиливают идеологическую культуру, убеждая тружеников в правильности курса партии. И это высокая политическая культура? Только если в прежнем ее понимании, *доперестроечном*.

Несколько другое понимание всесоюзного курса у первого секретаря Центрального райкома КПСС А.В. Апарина. Она была в составе волгоградской делегации на XIX партийной конференции и активно участвовала в обсуждении вопросов, поставленных на ней. В частности, она подавала предложения касаясь механизма выдвижения делегатов на партийные форумы и в выборные органы, а также о расширении полномочий и повышении роли этих самых выборных органов. Она неоднократно упоминает о наметившемся разделении партийных и государственных органах и говорит о том, что народовластие от этого только выигрывает [13].

И А.В. Апарина, и другой делегат от Волгоградской области – П. Бусло (профсоюзный работник), и делегат В.П. Ефремова (рабочая, сварщица), говорят о намеченном пути демократизации жизни внутрипартийной, внутри профсоюза, внутри предприятия. И каждый рассказывает о своих проблемах на местах. Внутри партии – аппаратное давление, внутри профсоюза – давление администрации, причем иногда на заседаниях смешиваются функции хозяйственного руководителя и руководителя проф-

кома, внутри предприятия – давление со стороны министерства, которое дает непомерные госзаказы, не учитывающие реальное положение дел на производстве [1, 13].

Пишут и о навязывании преобразований. Генеральный директор производственного объединения «Волга-Дон» Калачевского района В.И. Штепо пишет о навязывании арендного подряда взамен бригадного. Он утверждает, что бригадный подряд в конкретно их предприятии сложился и успешно работает, и нет смысла его ломать и заменять арендным. При этом он подтверждает, что в других предприятиях может быть иная ситуация, и как раз там введение арендного подряда может значительно улучшить ситуацию [12].

При этом нельзя сказать, что общественное сознание стояло на месте. Волгоградцы воспринимали перестройку не только на государственном, но и на областном и городском уровне – в рубрике «Анкета ВП: о самом важном» ветераны войны и труда Нетупский, Банатова и Богомолова затронули тему прекращения трамвайного сообщения по ул. Советской. Они обратили внимание на то, что в докладе Горбачева прозвучало положение из раздела «Перестройка и права человека», где говорится о том, что любая проблема может и должна всесторонне обсуждаться в обществе, и то, что в Волгограде закрыли трамвайное сообщение, не посоветовавшись с народом, не соответствует этому пониманию прав человека [13].

Примерно через две недели после окончания конференции активность ее обсуждения стала спадать, но основные положения, вынесенные по ее итогам, укоренились и запомнились.

В газете «Вечерний Волгоград» во время конференции также в каждом номере на первой странице выходило информационное письмо примерно такого же содержания, как и в «Волгоградской правде». В этой газете также существовал искренний интерес к происходящему в Москве.

В «Вечернем Волгограде», как и в «Волгоградской правде», по итогам конференции целый номер был посвящен печати пяти основных положений: «О международных отношениях», «О гласности», «О правовой реформе», «О демократизации советского общества и реформе политической системы» и «О борьбе с бюрократизмом». Текст этих положений был напечатан полностью и других статей в этом номере не было.

Когда мы начинали исследование по этой теме, мы предполагали найти определенную региональную специфику политических процессов, что характерно для такой большой страны, как СССР, и можно уверенно сказать, что она действительно есть – как в положительном, так и в отрицательном ключе.

Поднимая подшивки газет, мы смогли достаточно непредвзято оценить реакцию волгоградцев на глобальные политические изменения, специфические особенности воплощения реформ «в поле». Такие исследования, на наш взгляд, важны в современный период, т. к. позволяют показать политику не только на государственном уровне, но и на региональном, а также показать, как в то время люди на самом деле воспринимали перестройку, вне влияния различных стереотипов.

Литература

1. Бусло П. Заниматься своим делом // Волгоградская правда. 1988. 6 июля. № 156(21044).
2. Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия / под ред. В.В. Журавлева. М.: Росспэн, 1995.
3. Горбачев М.С. Жизнь и реформы: в 2 кн. М.: Новости, 1995.
4. Горбачев М.С. Наедине с собой. М.: Грин стрит, 2012.
5. Закон СССР от 1 декабря 1988 года «О выборах народных депутатов СССР» // Ведомости ВС СССР. 1988. № 49. Ст. 729.
6. Закон СССР от 1 декабря 1988 года № 9853-ХІ «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости ВС СССР. 1988. № 49. Ст. 727.
7. История современной России 1985–1994 гг.: эксперим. учебное пособие. М.: Изд. центр «Терра», 1995.
8. Лосев Г. Против бумажотворчества // Волгоградская правда. 1988. 9 июля. № 158(21046).
9. Мызиков В. Не ждать инструкций – действовать! // Волгоградская правда. 1988. 16 июля. № 164 (21052).
10. Нетупский Н., Банатова Т., Богомолова А. Советуюсь с народом // Волгоградская правда. 1988. 10 июля. № 159(21047).
11. Салина Н. Воспитывать политическую культуру // Волгоградская правда. 1988. 14 июля. № 162 (21050).
12. Штепо В. Время укреплять позиции // Волгоградская правда. 1988. 13 июля. № 161(21049).
13. Ярантаева Л. Работать на совесть // Волгоградская правда. 1988. 9 июля. № 158 (21046).

LYUDMILA SHKUROVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**REFLECTION OF THE POLITICAL DEVELOPMENT OF THE REFORMATION
PERIOD OF THE PERIODICAL PRESS IN VOLGOGRAD**

There are observed the significant changes in the political system of the USSR during the reformation period the foundation of which was laid at XIX party conference. There is considered the reaction of the regional periodical press at the conference and the solutions taken in the conclusion aimed at the revealing of the regional character of the political processes.

Key words: *reformation period, XIX party conference, Volgograd, political processes, publicity, political system, the Volgograd region.*

УДК 93/94

М.А. ШОРОХОВА

(shorohovaya@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ЮВЕЛИРНОЕ РЕМЕСЛО ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***

Представлен краткий обзор отечественных научных трудов в области истории ювелирного дела домонгольского периода Русского государства. Освещены основные подходы в исследованиях, а также динамика научного интереса на протяжении последнего столетия. Перечислены наиболее популярные темы исторических изысканий, а также перспективные области исследований. Особое внимание уделено современным работам специалистов, изучающих ювелирное искусство на стыке нескольких дисциплин.

Ключевые слова: ювелирное дело, украшения, ремесло, Древняя Русь, историография, исследование, публикация.

На сегодняшний день историография ювелирного дела Древней Руси представлена широким спектром исследований, которые освещают практически все его аспекты. Историк С.С. Рябцева в диссертационном исследовании «Древнерусский женский ювелирный убор IX–XIII вв. в контексте евразийских культурных связей: Основные тенденции формирования» (2001 г.) выявила следующие историографические направления: каталогизаторское, интуитивное, типологическое, технологическое, искусствоведческое. Однако, как правило, культурологическое исследование подразумевает сразу несколько направлений.

К каталогизаторским и интуитивным работам можно отнести самые первые исследовательские труды XIX – начала XX вв., в которых представлены первые попытки детализированного описания археологических кладов: И.Е. Забелина «О металлическом производстве в России до конца XVII века» (1853 г.), Н.П. Кондакова «История и памятники византийской эмали» (1892 г.) и «Русские клады: исследование древностей великокняжеского периода» Т. 1. (1896 г.). Эти ученые не только заложили основные принципы работы с археологическим материалом, как например, описание изделий, составление каталогов и пр., но и впервые стали рассматривать русское ювелирное искусство как часть общемирового культурного наследия. Однако слабой стороной данных исследований можно назвать слишком широкий ракурс изучения, с позиции общекультурных и художественных проблем. Разумеется, исследования последних лет куда более детализированы и узконаправлены, но и они были бы невозможны без усилий историков-основоположников.

Накопленный исследовательский материал подтолкнул ученых к первым шагам систематизации полученной информации. Так в конце XIX в. выделилось типологизаторское направление в историографии, подразумевавшее анализ находок и классификацию украшений. Здесь зарекомендовали себя исследования А.А. Спицына. В небольшой монографии «Расселение древне-русских племен по археологическим данным» (1899 г.) автор опубликовал сводки погребального инвентаря, региональная типология височных колец. В начале XX в. аналогичная работа велась в стенах Московского Исторического музея. В.В. Гольмстен в работе «Лунницы императорского исторического музея имени императора Александра III» (1914 г.) предложила свою классификацию подвесок-лунниц, А.В. Арциховский «Курганы вятичей» (1930 г.), опираясь на методы математической статистики, предложил свое видение общей иерархической классификации ювелирных украшений XI–XIV вв.

При этом каталогизация не теряла своей актуальности, а исследования в области истории ювелирного искусства по-прежнему оставались новаторскими, концептуальными и интуитивными по своей сути. Н.П. Кондаков обогатил свой каталог ювелирных украшений и опубликовал два тома: «золотых» и «серебряных» ювелирных изделий (материалы по серебряным украшениям были опубликованы

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

А.С. Гуциным). Историк уделил особое внимание эмалильному искусству, непосредственно технике и датировке отдельных изделий. При этом Н.П. Кондаков был сторонником теории преемственности древнерусского и византийского ювелирного дела. Он активно обособлял русскую культуру от идей норманнистов и доказывал существование на Руси высокоразвитого русского ремесла, испытывавшего в свое время византийское влияние. А.С. Гущин в исследовании «Памятники художественного ремесла древней Руси X–XIII вв. (1936 г.) не только настаивал на автономном развитии ювелирного дела на Руси, но и пытался отследить формирование региональных художественных школ.

После продолжительной паузы в научной деятельности, вызванной трагическими событиями Великой Отечественной войны, в исторической науке начался новый этап в исследованиях, посвященных русскому ювелирному мастерству, прочно связанный с именем Б.А. Рыбакова. Труды этого ученого отличаются масштабностью, комплексностью и подчеркнутой взаимосвязью разных аспектов культурного наследия Древней Руси. В 1948 г. был опубликован труд «Ремесло древней Руси», в котором отдельная глава была посвящена ювелирному искусству [26]. Это фундаментальная работа о ремеслах и, в частности, об исконных техниках литейного дела, в том числе, изготовления украшений. Книга сопровождается большим количеством чертежей и иллюстраций, что позволяет воссоздать подробную картину материальной городской и сельской жизни древнерусского города. Также Б.А. Рыбаков выделяет несколько ювелирных мастерских, существовавших на территории древнего Киева, подчеркивает отличительные особенности ювелирных школ других городов. Идеи, озвученные Б.А. Рыбаковым, подтолкнули к развитию нового направления историографии – технологическое, которое позволило углубиться в вопросы создания ювелирных украшений, изучить не только сами изделия, но и инструментарий древних ювелиров, металлические сплавы, воссоздать производственные техники. Благодаря Б.А. Рыбакову историки перестали видеть в ювелирном деле Древней Руси примитивное и низкопробное ремесло. Наоборот, в научном сообществе возникают мысли о качественном соответствии русской ювелирной школы византийским и греческим аналогам, особом пути русских ювелирных изделий.

Еще одной фундаментальной работой Б.А. Рыбакова можно назвать труд «Русское прикладное искусство X–XIII веков» [28]. Исследование является прекрасным образцом соблюдения принципа историзма: ученый отстаивает комплексный подход в работе, с учетом всех аспектов культурного развития древнерусского общества. В данной книге представлен широкий обзор истории возникновения прикладного искусства, в том числе ювелирного, различных видов украшений с подробным разбором технологических приемов их изготовления. Также в труде затронута одна из важнейших культурологических тем – слияние языческого и христианского мировоззрения древнерусского общества и отражение этого процесса в предметах искусства. Б.А. Рыбаков отслеживает механизмы ассимиляции двух духовных течений и обращает читателей к анализу значимости символики того и другого мировоззрения в жизни русского человека.

Данная проблема была в дальнейшем раскрыта автором в монографиях «Язычество древних славян» и «Язычество Древней Руси» [27]. Вопрос роли языческой религии в государственной и культурной жизни Киевской Руси до принятия христианства и после этого события продолжает оставаться перспективной темой для исторических изысканий. В периоды наложения и столкновения мировоззренческих систем в судьбе одного общества всегда происходят уникальные культурные явления, аккумулирующие наивысшие духовные ценности. Материальное наследие того времени наглядно передает эти процессы, чем и сохраняет пристальное внимание к себе со стороны исследователей.

По данному направлению в разные годы работали также Е.В. Аничков «Язычество и Древняя Русь» (переиздание 2003 г.), Е.А. Рябинин «Зооморфные украшения Древней Руси 10–14 вв.» (1981 г.), В.П. Даркевич «Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве» (1961 г.), Т.В. Николаева и А.В. Чернецов «Древнерусские амулеты-змеевики» (1991 г.), С.С. Рябцева «Змеи и драконы. О продолжении одной античной традиции в ювелирном деле эпохи средневековья» (1999 г.) и др. В этих работах языческая символика в ювелирных украшениях рассматривается как с общей культурологической точки зрения, так и на детальном разборе групп украшений или истории конкретного символа.

Ярким представителем интуитивного направления в советской историографии была Г.Ф. Корзухина. Ученый опиралась не на типологии предметов ювелирного искусства, а на подробные исследования видоизменений украшений во времени, составов древнерусских кладов в период с IX по XIII вв. Исследовательница составляла свои каталоги изделий, кропотливо изучала техники работы с металлом. Во-многом ее предположения были интуитивны и умозрительны, не теряя при этом научной обоснованности, что позволило многим ее концепциям оправдаться позднее. Так, в одной из основных работ – «Русские клады» [12] – автором сделана попытка представить максимально полную сводку русских вещевых кладов IX–XIII вв., в том числе пропавших и не сохранившихся, систематизированных по хронологическому и географическому принципу. Своеобразным научным прорывом стали работы «О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X–XII вв.» [11] и «Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания» [10], в которых Г.Ф. Корзухина, как никто ранее, скрупулезно углубилась в изучение техник литья, тиснения и перегородчатой эмали.

Советская историография обратила свое внимание на типы ювелирных украшений. Так, в 1956 г. вышла в свет коллективная монография сотрудников Государственного Исторического Музея «Очерки по истории русской деревни» [21]. Достижением данного труда является попытка авторов усомниться в типологии, предложенной А.В. Арциховским. Были в очередной раз проанализированы гривны и височные кольца, браслеты и фибулы, а также проклассифицированы с более точной хронологической и технологической позиций. После выхода данной монографии большое количество исследователей обратились к узким направлениям ювелирного дела, занялись тщательным анализом какого-то одного вида украшений, изучению территории их распространения [16, 24, 30].

Большой вклад в исследование ювелирного дела древнего Новгорода принадлежит работам М.В. Седовой [31, 32, 33]. Исследователь предложила свое видение типологии украшений, изготовленных именно в этом регионе, уточнила датировку археологических находок и провела всесторонний анализ аналогичных изделий. В силу фундаментальности этих исследований у М.В. Седовой появилось несколько последователей, в частности Н.В. Рындина, уделившая особое внимание технологиям ювелирного производства и их хронологическим привязкам [29]. Автор выделила семь комплексов ювелирных мастерских XII–XV вв., внутри которых Рындиной была отмечена преемственность между ювелирами, особенно когда в мастерской трудилась семья. Также новгородские ювелирные клады заинтересовали А.А. Коновалова, внимание которого было отдано преимущественно металлическим цветным сплавам [9]. Эта же тематика привлекала таких историков как Т.И. Макарову «Перегородчатые эмали Древней Руси» (1975 г.) «Черное дело Древней Руси» (1986 г.), Р.С. Минасян «О роли изучения археологических предметов из меди, серебра и золота трасологическим методом» (1994 г.), А.И. Минжулина «Технология зерни» (1998 г.) и др.

Историография перестроечного периода характеризуется повышенным интересом к типологизации, расширением источниковой базы, выходом за пределы региональных исследований и попытками систематизировать ранее накопленные материалы и обобщить в формате широкого исследования ювелирного дела всего древнерусского государства. Однако для такой задачи было необходимо применение всей методологической базы, включая каталогизацию и интуитивный подход.

Отличительной чертой данного историографического этапа стало выявление нескольких относительно новых направлений в исследованиях. Одно из них было связано с исследованием общих вопросов истории ювелирного дела и стремилось к определению проблем культурогенеза. В качестве примера можно вспомнить о работах О.А. Щегловой [36, 37]. В то же время активно велась работа археологов, которые ставили акцент на ювелирном искусстве как разновидности материальной культуры Древней Руси. Эти работы отличались более точной детализацией, описанием, систематизацией находок. Представителями этого типа исследований можно назвать О.И. Богуславского, А.В. Григорьева, О.М. Приходнюка и др. [2, 3, 22]. Наконец, еще одним направлением стало искусствоведческое, носившее более описательный уклон. В этом направлении, как правило, создавались работы, посвященные стилистике ювелирных украшений, развитию ювелирных школ. Здесь можно отметить труды А.Н. Свирина «Ювелирное искусство Древней Руси XI–XVII вв.» (1967 г.), В.М. Василенко «Русское прикладное искус-

ство: истоки и становление I век до нашей эры – XIII век нашей эры» (1977 г.) и Г.Н. Бочарова «Художественный металл Древней Руси» (1984 г.).

Еще одним знаменательным разделом данного периода историографии можно назвать труды Ю.М. Лесмана, в которых предложена новая типолого-хронологическая шкала ювелирных украшений Новгородской земли [17, 18, 19]. В ее основу ученый заложил дендрохронологию городских слоев и разнообразие массового материала из погребальных памятников археологии. Эта информация позволила датировать происхождение тех или иных ювелирных изделий с территории Новгорода с точностью до четверти века.

На рубеже нового тысячелетия историография ювелирного дела пополнилась новыми комплексными исследованиями. Здесь следует выделить сферу интересов Н.В. Жилиной, изучающей как стили украшений, так и технологии их изготовления. На опыте сравнения кладов Тверской области автор исследований проводит сравнительный анализ этих материалов с известными ужекладами Древней Руси. Автором тщательно проработана тема культурных взаимосвязей славян со своими ближайшими соседями, и процессы, оказавшие влияние на формирование и развитие ювелирного искусства. В ряде статей была предпринята попытка сравнительного анализа не только с византийскими ювелирными украшениями, но и хазарскими в рамках исследования и сравнения костюмов двух этносов [6, 7, 8].

Работа историка поддержана другими исследователями, рассматривающими преемственность русской и византийской ювелирной школы на примерах отдельных групп кладов, конкретном технологическом виде украшений или в общем культурологическом контексте [1, 20].

Также в современной историографии можно выделить группу исследований, отличающихся детальным анализом определённого вида украшений [4, 25, 34], орнамента [13], кладов конкретной географической местности [5, 14, 23, 35]. Дробление научной тематики обусловлено обновлением источникового материала, совершенствованием способов анализа находок, необходимостью углубиться в изучение данных тем и закрыть ранее неизученные аспекты.

Необходимо также выделить труды, которые продолжают начатую в историографии тенденцию к рассмотрению истории ювелирного дела в рамках общих культурологических, философских и искусствоведческих исследований. Так, например, Т.В. Лазутина и Н.К. Лазутин анализируют древнее ювелирное искусство как особую социокультурную реальность, отражающую природные и культурные компоненты славянского мировоззрения [15]. По мнению авторов, ювелирные изделия транслируют огромную знаковую систему, которая требует внимания и историков, и культурологов.

Литература

1. Андрейко С.С. Развитие русской домонгольской эмали в контексте историко-культурного взаимодействия Руси и Византии // Вестник ИРГТУ. 2015. № 4(99). С. 181–185.
2. Богуславский О.И. Юго-Восточное Приладожье и Скандинавия (вопросы культурных контактов) // Культурные взаимодействия в условиях контактных зон: тезисы конф. молодых ученых С.-Петербурга и СНГ. СПб. 1997. С. 46–61.
3. Григорьев А.В. К вопросу об украшениях роменской культуры // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: тезисы докладов. (г. Чернигов, 26–28 сент. 1988 г.). Чернигов, 1988. С. 103–106.
4. Данич А.В. Украшения рук (кольца и перстни) из раскопок могильника Питер (Степаново Плотище) // Вестник МАЭ. 2017. № 7. С. 19–23.
5. Енукова О.Н. Ювелирные изделия древнего Курска // Электрон. науч. журнал Курск. гос. ун-та. Ученые записки. 2011. № 1(17). С. 54–63. [Электронный ресурс]. URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=18> (дата обращения: 11.02.2021).
6. Жилина Н.В. Византийская эстетика и ее славяно-русская современность: по материалам средневекового ювелирного искусства VI–XI вв. // Вестник РГТУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 3(24). С. 9–25.
7. Жилина Н.В. Волжская Болгария / Восток; древняя Русь / Византия. Сравнительная характеристика убора из украшений: шейно-нагрудный ярус, украшения рук // Археология евразийских степей. 2019. № 1.
8. Жилина Н.В. Сравнительный анализ хазарского и славяно-русского убора из украшений к костюму // Поволжская археология. 2017. № 2(20). С. 127–156.
9. Коновалов А.А. Цветные металлы (медь и сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв.: автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1974.

10. Корзухина Г.Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания // Советская археология. 1950. Т. XIV. С. 217–244.
11. Корзухина Г.Ф. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X–XII вв. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1946. Вып. 13. С. 45–54.
12. Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII веков. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954.
13. Корниенко А.И. Принципы построения орнамента в древнерусском черневом уборе (предварительные результаты) // Исторический формат. 2016. № 3(7). С. 170–184.
14. Корсунь В.Н. Ювелирное искусство городов Древней Руси // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2008. № 3. С. 21–27.
15. Лазутина Т.В. Символотворчество в ювелирном искусстве // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-2(57). С. 95–97.
16. Левашова В.П. Венчики женского головного убора из курганов X–XII вв. // Славяне и Руси. М., 1968. С. 91–97.
17. Лесман Ю.М. Композиция декора ювелирных изделий Новгорода X–XV вв. // Новгород и Новгородская земля. 1996. Вып. № 10. С. 110–125.
18. Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода X–XIV вв. // Материалы по археологии Новгорода. Ч. 1. М., 1990. С. 29–89.
19. Лесман Ю.М. К датировкам декор новгородских ювелирных изделий XI–XIV вв. // Новгород и Новгородская земля. 1989. Вып. 2. С. 82–87.
20. Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е. Федулов М.И. Украшения Анаткасинского могильника (о культурной принадлежности памятника) // Поволжская археология. 2016. № 1.
21. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. чл.-кор. АН СССР Б.А. Рыбакова. М.: Госкультпросветиздат, 1956.
22. Приходнюк О.М. Пенковская культура (Культурно-археологический тип исследования). Воронеж: Воронеж. ун-т, 1998.
23. Пушкина Т.А. Центральное Гнёздовское городище (предварительные итоги изучения 2008–2012 гг.) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: сб. материалов, науч. конф., посвященной 110 годовщине со дня рождения И.И. Ляпушкина. СПб.: Соло, 2012. С. 206–209.
24. Равдина Т.В. О датировке витых браслетов (по материалам Серенского городища) // КСИА. 1968. Вып. 113. С. 117–118.
25. Руденко К.А. Плетенные гривны с подвесками-лунницами из Волжской Булгарии: дизайн, атрибуция // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2018. № 14.
26. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Академия Наук СССР, 1948.
27. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1981.
28. Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X–XIII веков. Л.: Аврора, 1971.
29. Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. 1963. Вып. 117. С. 200–268.
30. Сабурова М.А. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА. 1975. № 144. С. 18–22.
31. Седова М.В. Изделия новгородских ремесленников-ювелиров X–XV вв. (по данным археологии) // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV века. М., 1996. С. 39–57.
32. Седова М.В. «Имитационные» украшения Древнего Новгорода // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 149–159.
33. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981.
34. Чикунова И.Ю. Металлический перстень из Северного Приобья // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2017. № 12. С. 174–178.
35. Шпилев А.Г. Перстни с христианской символикой конца X–XVII вв. из Курской области // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2014. № 6.
36. Щеглова О.А. Среднее Поднепровье конца VII – первой половины VIII вв.: причины смены культур // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте: материалы методического семинара ИИМК АН СССР. СПб., 1991. С. 42–50.
37. Щеглова О.А. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990. С. 162–203.

MARIYA SHOROKHOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

JEWELLERY CRAFT OF THE ANCIENT RUS STATE: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

The article deals with the brief review of the native scientific works in the sphere of the history of jewellery in the pre-Mongolian period of the Russian state. There are described the basic approaches in the studies and the dynamics of the scientific concern during the last century. There are enumerated the most popular themes of the historical researches and the prospects of the study. The author pays special attention to the current works of the specialists studying the jewellery in the context of some disciplines.

Key words: *jewellery, adornment, handicraft, the Ancient Rus, historiography, study, published work.*